

П.И. МАГАЯЕВА

РЕФОРМЫ

**60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА
В ГОРСКИХ ОКРУГАХ
КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Министерство образования Российской Федерации
Карачаево-Черкесский государственный
университет

П. И. Магаяева

**РЕФОРМЫ 60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА
В ГОРСКИХ ОКРУГАХ КУБАНСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Карачаевск - 2003

Печатается по решению редакционно-издательского
совета Карачаево-Черкесского государственного уни-
верситета

МАГАЯЕВА П.И. Реформы 60–70-х годов XIX века в горских
округах Кубанской области. Монография. – Карачаевск: КЧГУ,
2003. – 231 с.

ISBN 5-8307-0019-0

В монографии освещаются исторические события в горских ок-
ругах Кубанской области во II половине XIX века, когда вслед за
центром России на одной из ее окраин – в Карачае и Черкесии –
были проведены буржуазные реформы, способствовавшие соци-
ально-экономическому и культурному развитию народов этого
региона.

Работа адресована историкам, юристам, этнологам, а также
всем интересующимся проблемами развития исторических взаи-
моотношений России и народов Северного Кавказа.

Научный редактор - С.С.Минц, доктор исторических наук,
профессор (КубГУ)

Рецензенты: Т.Е. Покотилова, доктор исторических наук,
профессор (СГУ)
К.Т. Лайпанов, кандидат исторических наук,
профессор (КЧТИ), заслуженный деятель
науки КЧР

ISBN 5-8307-0019-0

© П.И. Магаяева
© Карачаево-Черкесский государственный университет
2003

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории крестьянской и административно-судебных реформ 60—70-х годов XIX века у горских народов Северного Кавказа, в том числе и у горских народов Кубанской области, важно как для кавказоведения, так и для всей исторической науки нашей страны.

Проблема вхождения горских и кочевых народов в состав России, отмена крепостного права у них, организация на их территории новой российской администрации и реформирование судебной системы в горских районах, имели немаловажное значение для дальнейшего развития народов Северного Кавказа. Преобразования тех лет до сих пор сказываются на межнациональных отношениях на Кавказе. Однако сама проблема реформ 60—70-х гг. на Северном Кавказе до конца еще не исследована.

История реформ в горских округах Кубанской области во второй половине XIX века является актуальной и для проведения нынешних реформ в Российской Федерации.

Следует отметить, что в условиях многонационального Северо-Кавказского региона изучение отмены крепостного права, проведения административных и судебных реформ во второй половине XIX века в горских округах Кубанской области, в том числе в Карачае и Черкесии, в определенной степени поможет органам государственной власти в их работе по созданию правового государства в России, в выработке новых правовых норм в республиках Северного Кавказа.

Реформы 60-70-х годов XIX века в России должны были способствовать переходу страны от феодализма и сословного феодального права к капитализму и к буржуазному праву. Вместе с тем они должны были усилить внутренние связи окраин страны с центром и укрепить Российскую империю.

Проблема крестьянской и административно-судебной реформ связана с изучением социальной стратификации горских обществ. Поэтому для их изучения очень важно определение уровня развития феодальных отношений у горцев, вошедших в состав Кубанской области в дореформенный период. Сама подготовка к проведению преобразований 60—70-х годов XIX века потребовала

детального изучения общественного строя горцев. Уже в 1860-х гг. появились статьи о зависимых сословиях горского населения Кубанской области¹.

Для изучения социальной стратификации и положения сословий у горских народов важно было изучить нормы обычного права. А.А.Кучеров, Я.М.Шарданов, А.Ф.Ребров и другие вели записи адатов². Обработкой собранных адатов занялся одесский профессор Ф.И.Леонтович. Им были изданы «Адаты кавказских горцев»³. Адаты показывали, что у карачаевцев и черкесов была феодальная рента, часто выступавшая под видом добровольной помощи и приношений. Поэтому Леонтович считал горских крестьян юридически свободными, а экономически – зависимыми.

Ценный вклад в изучение адатов карачаевцев внес начальник Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевич⁴. Он находил у горцев наличие феодальных отношений. В отличие от Н.Г.Петрусевича Н.Ф.Дубровин принижал уровень развития горских народов, считая их неспособными к самостоятельному политическому развитию⁵.

Уважительно и доброжелательно относился к горским народам историк права и социолог М.М.Ковалевский. Его исследование «Закон и обычай на Кавказе»⁶ показало своеобразие общественных отношений на Кавказе, наличие общинных пережитков, трансформацию сельской общины.

Изменение общественных отношений у горцев, появление элементов капитализма, в частности, кулачества, мы находим в работе В.Я.Тепцова «По истокам Кубани и Терека»⁷.

Изучением обычного права и, в частности, документов Горского Словесного Суда, занимался ученик М.М.Ковалевского Б.В.Миллер. В работе «Из области обычного права карачаевцев»⁸ Б.В.Миллер дал глубокий анализ общественных отношений, характерных для этого народа.

В конце XIX – начале XX века появляются работы, непосредственно касающиеся буржуазных реформ на Кавказе. Это были, главным образом, апологетические труды, восхвалявшие реформы 1860–70-х гг. как великие. К таким работам относится исследование Г.А.Джаншиева «Из истории судебной реформы»⁹. В нем, наряду с крестьянской реформой, описана и судебная реформа.

ма, и реформа самоуправления, и другие реформы 60—70-х годов XIX века.

Особенно ценны исследования Н.М.Рейнке “Горские и народные суды Кавказского края”¹⁰ и “Горские Словесные Суды Кубанской области”¹¹. Эти работы являются первым серьезным исследованием состояния судопроизводства в горских областях, которое явилось результатом административно-судебных реформ. Материалы Н.М.Рейнке до настоящего времени являются ценным источником для исследователей.

После 1917 года и последующих за ним событий интерес к истории Кавказа возрос. Однако политическое мышление того времени диктовало свои условия для анализа предшествующей эпохи.

Так, советское историческое кавказоведение в 20-е годы XX в. в значительной степени было связано с установками партийных органов. Особенно спорной была резолюция X съезда ВКП(б) по национальному вопросу, согласно которой горцы причислялись к народам, сохранившим патриархально-родовой быт.

Для историографии второй половины XIX – начала XX вв. характерны очевидная политизированность и тенденциозность, которые, в виде принципов партийности и классовости, позже были провозглашены основой теории и методологии исторического исследования.

Последовательно описывалась дореволюционная жизнь Карачая и Черкесии в монографиях В.М.Сысоева¹², А.Н.Дьячкова-Тарасова¹³, Н.Иваненкова¹⁴, Г.Ф.Чурсина¹⁵, Я.В.Абрамова¹⁶, Н.Ф.Дубровина¹⁷, Л.М.Македонова¹⁸. Данные работы дают ценные сведения фактического характера, но в них почти отсутствуют научные выводы и обобщения, нет попыток охарактеризовать сущность исторических явлений и событий.

Наиболее удачные исследования проблемы были осуществлены просветителем Умаром Алиевым¹⁹, Исламом Тамбиевым²⁰, публицистом Исламом Хубиевым²¹, хотя и эти авторы подчиняли факты и события идеологическим нормам того времени. Они невысоко ценили социально-экономическое развитие горских народов, в том числе карачаевцев и черкесов. Несмотря на ряд недостатков, эти работы не утратили свою актуальность и в настоящее время.

Новый этап развития исторической науки начинается с 1950-х годов. В это время пишут свои работы по Северному Кавказу такие талантливые московские ученые, как А.В.Фадеев²², Е.Н.Кушева²³, В.К.Гарданов²⁴, и краснодарский ученый М.В.Покровский²⁵. М.В.Покровский детально рассмотрел социальные отношения в адыгских обществах, показал основные черты складывающегося там феодализма.

Большой вклад в изучение истории горских народов Кубанской области внесли ученые национальных республик и областей. Многими проблемами социально-экономической истории кабардинцев занимался в Нальчике Т.Х.Кумыков²⁶. Аграрные отношения и специфику горской общины в Карачае рассматривает в своих работах В.П.Невская²⁷.

Научные институты республик Северного Кавказа стали выпускать исторические очерки: "Очерки истории Адыгеи"²⁸, "Очерки истории Дагестана"²⁹, "Очерки истории Карачаево-Черкесии"³⁰, "Очерки истории Чечено-Ингушской АССР"³¹, "История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней"³², "История Северо-Осетинской АССР"³³. В этих работах дана характеристика буржуазных реформ 60—70-х годов, но с прежних концептуальных позиций, которые не могут отвечать сегодняшнему уровню развития исторической науки. Их авторы были по-прежнему скованы в общеконцептуальном и методологическом плане.

Несмотря на это, ученые смогли обозначить основные аспекты изучаемой проблемы, расширить круг источников, отработать методику их изучения. Главное внимание в этих работах уделялось крестьянской реформе. Об административных преобразованиях и судебных реформах в них говорилось вкратце.

Общие сведения об экономике, социальном и политическом развитии Кубани содержатся в работах А.И.Козлова³⁴, В.Н.Ратушняка³⁵, Б.А.Трехбрatова³⁶, С.А.Чекменева³⁷.

Результатом творческого научного сотрудничества ученых всех краев и республик Северного Кавказа с учеными Российской Академии Наук является двухтомник "История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в."³⁸ и "История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 год)"³⁹. Однако

даже в таком фундаментальном труде административные и судебные реформы описаны довольно кратко.

Процессу формирования и истории расселения черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев посвящены историко-этнографические очерки (“Черкесы”⁴⁰, “Карачаевцы”⁴¹, “Ногайцы”⁴², “Абазины”⁴³).

Обычное право привлекает более пристальное внимание исследователей с конца 60— начала 70-х гг. Объектами становятся обычаи кабардинцев и балкарцев. Начиная с работ В.К.Гарданова⁴⁴ и Х.М.Думанова, посвященных обычному и имущественному праву кабардинцев второй половины XIX – начала XX вв.⁴⁵, и К.Г.Азаматова, в которой впервые рассмотрена социальная стратификация и обычное право балкарцев⁴⁶, исследователи накапливают опыт изучения юридической истории Северного Кавказа. Похожая работа появляется и по истории обычного права карачаевцев⁴⁷.

Проблеме развития феодальных отношений у народов Северного Кавказа была посвящена специальная сессия Академии наук в 1980 году. Ее труды были изданы в 1988 г.⁴⁸.

Для научной литературы начала 1990-х гг. характерны неоднозначность подходов, отказ от догм и стереотипов, поиск нового видения в изучении административно-судебной реформы на Северном Кавказе. Особый интерес в этой связи представляют работы Ж.А.Калмыкова и В.Н.Мальцева. Непосредственно анализу реформ 60—70-х годов на Северном Кавказе посвящена монография Ж.А.Калмыкова “Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века)”⁴⁹.

На научной конференции по проблемам Кавказской войны был рассмотрен вопрос и о том, как повлияла война на административно-судебные реформы⁵⁰. В.Н.Мальцев, в отличие от других, показывает, как отразилась на проведении реформ Кавказская война, длившаяся несколько десятилетий. Автор показывает, что в условиях Кавказской войны у правительства не было четкой концепции реформ, война задерживала их проведение, и только после окончания войны началась серьезная реформаторская работа.

В том же сборнике помещена статья Ж.А.Калмыкова “Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны”⁵¹. Автор

выступает в ней против идеализации правительственных мероприятий, показывает насильственный характер ломки традиционных институтов горского общества и внедрение колониальных порядков. Автор подчеркивает, что горская феодальная верхушка поддерживала деятельность правительства и сотрудничала с ним.

Для изучения поставленной темы большое значение имеет этнологический материал, касающийся сферы обычного права. “Закон не писан, а исполняется” – под таким названием вышла статья в газете “Вечерний Ставрополь”. Она посвящается работе XI Международного конгресса “Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах”⁵². Конгресс проходил в Москве с 18 по 22 августа 1997 года. Наряду с российскими коллегами, ученые из Канады, Нидерландов, США, Англии и других стран посвятили свои доклады “как теоретическим проблемам взаимодействия официального законодательства и обычного права, так и прикладным исследованиям по этим вопросам”⁵³. Приняли участие в работе конгресса и ставропольские ученые. Их работы вызвали большой интерес.

Проблемам взаимодействия традиционных институтов и официального законодательства, роли мусульманского права для должного функционирования правовой системы, положению различных групп и этносов Северного Кавказа была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция “Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия”. Она проходила в Ставрополе с 15–17 октября 2001 г. Непосредственно обычному праву горских народов были посвящены статьи Л.Р.Сюкияйнена⁵⁴, М.-С.А.Исмаилова⁵⁵, И.Л.Бабич⁵⁶, П.И.Магаевой⁵⁷ и др. Проблемы реформ административного и судебного управления привлекают пристальное внимание современных специалистов самой разной специализации: историков, юристов и менеджеров⁵⁸. Таким образом, область права, основанная на изучении местных обычаев и традиций, вновь подтверждает свою актуальность сегодня.

Анализ литературы по теме монографии позволяет сделать следующие выводы: на общероссийском уровне научная литература, посвященная реформам 60–70-х годов, представлена достаточно широко. Однако недостаточна проработанность темы на региональном уровне, где история социально-политических преобразований представлена лишь монографией Ж.А.Калмыкова, касаю-

щейся в основном реформ в Терской области, и несколькими научными статьями. Историографический обзор лишь подчеркивает актуальность темы исследования.

Анализ источников, литературы и периодической печати по изучению крестьянской и административно-судебных реформ в горских округах Кубанской области тоже показывает, что исследуемая тема не получила достаточно полного освещения. Целостное, комплексное изучение проблем, связанных с реализацией политической реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в., является целью настоящей монографии. В ней на основе комплексного изучения мероприятий 1860–70-х гг., проходивших в Карачае и Черкесии, воссоздана картина проведения крестьянской, административной и судебной реформ второй половины XIX века в горских округах Кубанской области.

В книге дается комплекс новых источников, позволяющих более объективно раскрыть ключевые проблемы исследуемой темы. В работе рассматриваются такие проблемы, как:

- социальная стратификация общественного строя карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев в дореформенный период;
- особенности проведения крестьянской реформы;
- специфика системы приставств;
- образование военно-народного управления;
- особенности проведения судебной реформы в горских округах.

Результаты исследования могут оказать непосредственную помощь при изучении социальной истории пореформенного Северного Кавказа.

Материалы приложения содержат документы по истории народов Северного Кавказа.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XIX века до конца пореформенного периода – до 80-х годов XIX века. Именно в эти годы происходили большие перемены в административном устройстве и в судопроизводстве горских народов.

Социально-политические преобразования в горских районах Кубанской области были связаны с ходом и окончанием Кавказской войны. В течение пореформенного периода горские народы постепенно входили в систему общеимперского административно-

го устройства. Сначала они подчинялись приставствам и окружным управлениям, затем были причислены к уездам, а позже вошли в отделы Кубанской области.

В основу исследования положены разнообразные источники. Документальной основой книги явились документы и материалы 30 фондов центральных и региональных архивов: Российского Государственного Военно-Исторического архива (РГВИА); Российского Государственного Исторического архива (РГИА); Центрального Государственного архива Северо-Осетинской республики (ЦГАСОР); Государственного архива Кабардино-Балкарской республики (ЦГАКБР); Государственного архива Карачаево-Черкесской республики (ГАКЧР); Государственного архива Ставропольского края (ГАСК); Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). В РГВИА материалы по теме были обнаружены в фондах “Военно-ученого архива” (ВУА), “Главного управления генерального штаба” (ф. 38); “Главного штаба. Азиатская часть” (ф. 400); “Кавказских войн” (ф. 482). В этих фондах хранится огромное количество интереснейших документов о политике царского правительства и попытках сопротивления горских народов, о трагической судьбе переселенцев в Турцию (ф. 400) и о колонизации Кубанской области (ф. 38). Донесения и рапорты военачальников, политико-экономические обзоры Кавказской области дают ценные сведения о горском населении Кавказа.

В РГИА наибольшее количество дел, содержащих информацию о социально-экономической, политической и культурной жизни горцев, выявлено в фонде “Кавказский комитет” (ф. 1268). Там хранятся отчеты заместителей и губернаторов, журналы заседаний самого Комитета по вопросам управления краем, решения земельных вопросов и т. п. Тысячи единиц этого фонда рассказывают о всех сторонах жизни горского населения Северного Кавказа: об антифеодальной и антиколониальной борьбе крестьянства (оп. 1), о развитии торговых отношений и деятельности меновых дворов (оп. 8,9), о поземельных спорах (оп. 10), о работе “Комитета по освобождению рабов, крестьян и зависимых сословий на Кавказе” (оп. 11), о работе сословий и поземельных комиссий (оп. 12).

Документы ГАСК дают ценные сведения об экономическом и политическом состоянии горских народов в XVIII – начале XIX

века, освещают историю ногайцев и абазин, которые раньше других народов вошли в состав российского государства.

Фонд “Главный попечитель кавказских меновых сношений с горцами” (ф. 20) содержит сведения об открытии меновых дворов, отчеты о торговле на ярмарках, правила торговли, прошения и жалобы крестьян по различным земельным вопросам.

Фонд “Общее управление Кавказской области” (ф. 79) более разнообразен. В нем имеются документы о политико-экономическом состоянии области и отдельных народов (отчеты и ведомости), переписка с главным приставом магометанских народов.

Фонд “Управление главного пристава кочующих народов” (ф. 249) содержит документы вековой истории ногайцев (в основном) и абазин (отчасти). Рапорты ногайского и абазинского пристава, губернского секретаря Корнилова знакомят с хозяйством, бытом и социальным строем ногайцев и абазин в первой четверти XIX века. Значительное количество материала по просвещению дает переписка “Об учреждении школ в улусах и приставствах для обучения туземцев русскому языку”.

Фонд “Гражданский губернатор Кавказской области” (ф. 444) содержит интересный материал, касающийся черкесов, абазин и ногайцев: прошения, переписка об отдаче в аренду земель и прочее.

В материалах Краснодарского архива (ГАКК) наиболее полно отражается жизнь карачаевского народа во второй половине XIX века.

Большое количество ценных сведений, исторических фактов, обширная официальная переписка, отчеты по военно-народным округам и участкам, жалобы и прошения карачаевских крестьян, рапорты и донесения начальников округов о социально-экономическом положении народов, подготовка и проведение отмены крепостного права выявлены в фонде “Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами” (ф. 744).

Документы о размежевании и наделении землей, о самовольных захватах земли владельцами и ограблении горцев царским правительством, забравшим лучшие земли Закубанья в казну, находятся в фонде “Межевая комиссия” (ф. 574).

Фонд “Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска” (ф. 454) содержит материалы о расслоении карачаевского крестьянства, раскрывает появление в горских аулах новых социальных групп (кулаков и батраков), характеризуют ростовщичество и эксплуатацию крестьянства, аграрные волнения в аулах в конце XIX – начале XX вв.

Проведение различных административно-территориальных реформ, подчинение горских народов казачьей администрации отражены в документах “Гражданской канцелярии начальника Кубанской области” (ф. 452).

Кубанский областной статистический комитет даёт большой фактический и цифровой материал об экономическом развитии Карачая и Черкесии (ф. 460). Кроме основных фондов, отдельные материалы имеются и в других фондах (фф. 348, 449, 462, 670).

В ГАСОР находятся сведения о землеустройстве и землепользовании горского населения – “Терско-Кубанская сословно-поземельная комиссия” (ф. 262), “Комиссия по землеустройству населения нагорной полосы Терской области и Карачая Кубанской области” (ф. 270).

В ГАКЧР находятся лишь отдельные документы, касающиеся истории Карачая и Черкесии в пореформенный период: жалобы карачаевцев на аульную администрацию и участковых начальников (ф. 3), дела Баталпашинского казначейства (ф. 2).

Репорты, донесения, судебные дела, содержащие сведения об антиколониальной и антифеодальной борьбе горских народов, отложились в Государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (ГАКБР) в фондах “Управление начальника центра Кавказской линии” (ф. 16) и “Нальчикский горский словесный суд” (ф. 22).

Среди опубликованных источников нужно выделить сборники документов⁵⁹. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК)⁶⁰ дают ценнейший материал по истории Кавказской войны, освещают взаимоотношения горских народов с русскими, отражают кровавые события долгой войны, переход горских народов в русское подданство.

Особую группу источников составляют карты.

Периодические издания – газеты и журналы: “Кавказский календарь”, “Кубанский календарь”, “Кавказский сборник”,

“Кавказский этнографический сборник”, “Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа” (Тифлис), “Сборник сведений о Кавказе”, “Сборник сведений о кавказских горцах” (Тифлис), “Памятные книжки Кубанской области” (Екатеринодар), “Кубанские справочные книжки” (Екатеринодар), – традиционно трудны для источниковедческого анализа. Тем не менее они содержат ценный материал по истории горцев Кубанской области. В периодических изданиях Кавказского статистического Комитета (“Кубанский сборник”, “Памятные книжки Кубанской области”, “Кубанские справочные книжки”) публиковалось много статистического материала о численном составе карачаевских аулов и количестве скота у населения, о школах, лавках, мельницах и усовершенствованных орудиях труда. Там же помещались большие статьи описательного характера, например, “Верховья Кубани – Карачай” Г.Петрова и др. Ценным дополнением к архивным материалам являются также газеты: “Кубанские областные ведомости”, “Терские ведомости”, “Кавказ” и др. В них публиковались статьи этнографов и экономистов, историков и политических деятелей (Я.В.Абрамова, Г.Ф.Чурсина, Е.Д.Фелицына и др.), а также многочисленные информации с мест, в частности, из Баталпашинского отдела Кубанской области.

В книге использован также полевой материал, собранный автором в селениях Карачаево-Черкесии (аулах Учкулан, Карт-Джурт, п. Мирный) и в городах Карачаевске и Кисловодске.

Автор выражает глубокую признательность за консультативную и методологическую помощь при подготовке данной работы одному из крупнейших отечественных кавказоведов, доктору исторических наук, профессору Валентине Павловне Невской, заслуженному деятелю науки КЧР, профессору кафедры политологии и истории Карачаево-Черкесского технологического института, академику Кази Танаевичу Лайпанову и доктору исторических наук, профессору, заведующей кафедрой историографии и источниковедения Ставропольского государственного университета Татьяне Евгеньевне Покотиловой, а также преподавателю Краснодарского юридического института МВД России Л.В.Карнаушенко.

Глава I. Расселение и социальная стратификация горцев Кубанской области в XIX веке

§ 1. Расселение народов Кубанской области

Территория расселения народами Карачая и Черкесии в XIX веке охватывала с запада на восток – район от Черного моря, Таманского полуострова почти до Эльбруса и реки Мзымты, а с севера на юг – от долины Кубани до массивов Главного Кавказского хребта.

“Западная часть Кавказских гор состоит из нескольких рядов параллельных горных цепей с крутыми южными и более пологими северными склонами”¹. Параллельно Главному Кавказскому хребту идет Скалистый хребет, покрытый ценными породами леса.

Основная масса населения Черкесии проживала в бассейне реки Кубань с ее многочисленными притоками, а также на восточном берегу Черного моря. Ее жители называли себя адыгами. “Адыги подразделялись на ряд народов, имевших общую языковую основу, но значительно отличавшихся друг от друга наречием”, – писал в своей работе Н.М.Рейнке².

Натухайцы, шапсуги, убыхи и абадзехи, которые занимали северные склоны Кавказского хребта, относились к наиболее многочисленным народам. Они располагались на огромной территории северных склонов Кавказского хребта от верховьев реки Белой до реки Шибша.

Горные склоны в верховьях Кубани, Большого и Малого Зеленчуков, Урупа и Лабы занимали абазини. Севернее их, между Кубанью и Лабой, на равнине кочевали ногайцы. Все выше перечисленные народы на рубеже XVIII и XIX веков были известны под именем “закубанцев”³.

Одному из самых больших и сильных черкесских народов – шапсугам принадлежали лучшие земли Кубанской равнины по левому течению Кубани и ее притокам: Шибш, Афипс, Убин, Иль, Хабль, Ахшырь, Абин и Адагум, – и на черноморском побережье от реки Пшады до реки Шахе⁴. В болотистых низовьях Кубани от побережья Черного моря до реки Адагум в ближайшем соседстве с шапсугами жили натухайцы. По северным склонам Кавказского

хребта от верховьев реки Белой до реки Шебша жил многочисленный и воинственный народ – абадзехи⁵. Сравнительно небольшой по численности черкесский народ – бжедухи – занимал Кубанскую равнину между реками Пшиш и Шебш.

Родственные черкесские народы темиргоевцев и егерукаевцев расселились в районе нижнего течения Лабы и ее притоков. Рядом с ними, по среднему течению Лабы с ее притоками Псефирь и Фарс, жили махощевцы⁶. Один из сильнейших и многочисленных адыгских народов – бесленеевцы – располагался на правом берегу Большой Лабы, по притокам Урупа, Большому и Малому Тегеням, а также в верховьях Чамлыка. В 40-х годах XIX века сильно ослабевшие бесленеевцы переселились за Лабу на рр. Ходзь, Губс, Бенако и др.⁷

Соседями черкесских племен в Закубанье были абазины и ногайцы. Абазины занимали северные склоны Кавказского хребта от верховьев Кумы и Кубани до истоков Псефири и Белой.

В течение последних веков абазинский народ делился на две основные ветви: тапанта и шкарауа. Каждая из групп тоже подразделялась на ряд подгрупп. Лоовцы, бибердовцы, дударуковцы, клычевцы, кячевцы, джантемировцы относились к ветви тапанта. Слово “тапанта” – иранского происхождения, переводится как “равнинный житель”⁸, а шкарауа – “горец”⁹. Оба слова соответствуют расселению абазин.

Шкарауа занимали горные ущелья и склоны Кавказского хребта. У истоков Большого и Малого Зеленчуков и Урупа проживал один из самых сильных и многочисленных абазинских народов – башильбаевцы. В конце 1850-х годов они переселились на Большую и Малую Лабу, что подтверждают архивные документы¹⁰.

В соседстве с башильбаевцами жили трамовцы, которые занимали верховья речной долины Большой Лабы. Местом расселения кизилбековцев являлись верховья долины Андрюк¹¹ (приток Малой Лабы). Шахгиреевцы или, иначе, племя чаграм, жили в верховьях Малой Лабы¹².

К шкарауа принадлежали еще два абазинских племени: баговцы и баракаевцы. Они проживали в суровых условиях горных ущелий у подошвы Главного Кавказского хребта.

Северными соседями черкесов и абазин были ногайцы, делившиеся на несколько колен. Ногайцы обитали по берегам Куба-

ни. Между укреплениями Хумаринским и Джегутинским, в районе Тохтамышевских высот, проживали тохтамышевские ногайцы; на левом берегу Кубани и по берегам Малого Зеленчука – мансуровские ногайцы; ниже мансуровцев, по Кубани, между станицами Николаевской и Барсуковской – кипчаковские ногайцы; между станицами Убежинской и Тифлисской – наврузовские ногайцы¹³. Часть ногайцев кочевала в степях Предкавказья.

Высокогорный район Приэльбрусья, у истоков Кубани и ее первых притоков, заселяли карачаевцы. Они проживали в трех основных аулах: Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук.

“Высоко в горах Кавказа, у снежных отрогов Главного Кавказского хребта и вершины его, Эльбруса, расположились карачаевские селения: Карт-Джурт на реке Кубани, Учкулан на реке Учкулан, Хурзук на реке Хурзук, Дуут и Джазлык на реке Дуут. В течение первой половины XIX века возникли также поселения на Маре и у Каменного Моста на Кубани”, – гласит архивный документ¹⁴.

Первое название “карачаевцы” встречается в трудах европейских авторов в XIV веке. В работе итальянского миссионера Ламберти (XVII в.) они упоминаются как “карачиоли” среди других народов, живших к северо-востоку от Мингрелии¹⁵. Более четко описывает местоположение Карачая врач и естествоиспытатель Иоганн-Антон Гюльденштедт, немец по происхождению, находившийся на русской службе. По поручению Академии наук И.-А. Гильденштедт в 70-х годах XVIII века посетил Кавказ и оставил сведения о народах, живущих рядом с кавказской линией. В их число попали и карачаевцы. Карачай, писал он, “лежит около вершины Кубани и смежен к западу с абазинским округом Башильбаем, а к югу со Сванетией. С восточной стороны отделяет его горный хребет Джалпак от кабардинцев, живших на реке Баксан”¹⁶. Более подробное описание территории Карачая дал Платон Зубов: “Карачаевцы обитают у северных предгорий Эльбрусского кряжа и по трем отрогам оною, простирающимся в виде ветви. Горный хребет, из которого истекает река Баксан, отделяет карачаевцев от Большой Кабарды; на полдень сопредельны им суаны, а на север алты-кисеки. Главнейшие их аулы расположены по правому берегу Кубани, которую окружает плодоносная равнина”¹⁷.

Согласно данным начальника Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевича, “в первой половине века Карачай был ограничен с юга Главным Кавказским хребтом, с северо-востока – рекой Худес, и с запада – водораздельным хребтом, между реками Тебердой и Дуутом, и граничил с юга со сванами, цебельдинцами, медовеевцами, с севера – с кабардинцами, ногойцами и абазинами”¹⁸. Таким образом, географическое положение Карачая и его природные особенности во многом являлись ключом, определявшим культурно-экономическое и историческое состояние карачаевцев, так как, находясь у самого подножия громадного Эльбруса, окруженный с юга Главным Кавказским хребтом, представляющим собою сплошной ряд высот, через которые ведут немногие перевалы: Чипер-Азау, Чипер-Карачаевский, Махарский, Клухорский, – Карачай являлся самой гористой и самой высокой территорией Кавказа, не уступая в этом отношении высокогорной Сванетии. Карачаевцы находились под влиянием могущественной горной природы, которая представляет собою вечные снежные вершины или безводные песчаные отроги, обилие влаги или почти совершенное отсутствие ее, каменистую почву или недостаток даже и такой, каменные обвалы, груды камней и т. д.

В связи с малодоступностью и изолированностью Карачая в русских источниках первой половины XIX века сведения о жизни и быте карачаевского народа встречаются реже, чем о других народах Северного Кавказа.

Достаточно разноречивы и сведения того времени о численности карачаевского народа. Если, согласно данным Историографической записки 1810 г. о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, “карачаевцы составляли 200 семей”¹⁹, то по данным подполковника Буцковского, которые приводятся в военно-топографическом и статистическом описании Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, в 1812 году карачаевцев было 600 дворов²⁰.

Значительно меньшую численность населения карачаевского народа отметил Платон Зубов. Он считал, что численность карачаевцев ограничивается 1 000 чел.²¹ Совершенно иную цифру, в 800 дворов, приводит граф Паскевич в своем отношении министру иностранных дел Нессельроде от 5 июня 1831 года²².

В отчете о политическом состоянии кавказских народов за 1840 год, подготовленном генерал-майором Менедом, указывалось, что население Карачая насчитывало 8 800 человек²³. На карте Кавказского края 1842 года²⁴ и в статистическом описании Кавказа за тот же год приводится та же цифра²⁵. Наиболее крупную цифру в 24 000 человек дает архивный документ за 30-е годы XIX века²⁶. Наиболее точные данные о жителях карачаевских селений указываются в архивных документах за 1865 год²⁷. Согласно им, население в Карт-Джурте и Дууте составляло 4 429 чел., в Учкулане – 4 216 чел., в Хурзуке – 4 816 чел., что в итоге составило 13 461 чел.

В отличие от народов Черкесии, карачаевцы не подвергались переселениям. Карачаевские аулы Хурзук, Учкулан и Карт-Джурт много веков стояли в тех же местах – по берегам истоков Кубани и по самым верхним ее притокам. «Два сравнительно небольших аула Дуут и Джазлык были расположены на левом берегу притока Кубани – р. Дуут. Этот район назывался Большим Карачаем»²⁸.

Родственные карачаевцам балкарцы обитали на северных склонах центральной части Кавказского хребта и делились на пять обществ: Хуламское, Безенгинское, Чегемское, Урусбиевское (по реке Баксан) и Балкарское (по Черекскому ущелью). Рядом с ними «обширные пространства равнин и предгорий в бассейнах Кумы, Малки, Баксана, Черка и Терека занимали кабардинцы»²⁹.

В восточных районах Предкавказья кочевали калмыки, ногайцы и туркмены. «Все они в начале XIX в. входили в орбиту общероссийской жизни и уже не принадлежали к числу «непокоренных» народов»³⁰.

Что касается общей численности местного населения к середине XIX в., она почти не поддается учету. Имеющиеся данные о численности отдельных народов неполны и разноречивы. В.К.Гарданов пишет: «Территория и численность адыгских народов на протяжении XVIII – первой половины XIX вв. подвергались постоянным и подчас весьма существенным изменениям»³¹. Это происходило в связи с тем, что горцы не вели учет народонаселения, а русскому правительству провести перепись населения в условиях Кавказской войны не удавалось.

«Все цифры, которыми обозначали кавказское население, – писал Ф.Ф.Торнау, – брались приблизительно и, можно сказать, на глаз», так как «по понятиям горцев, считать людей не только бес-

полезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»³².

Следует также отметить, что немалые изменения в численность народонаселения вносили эпидемические болезни, не прекращавшиеся столкновения и междоусобицы, частые военные экспедиции царских войск против горцев.

В настоящее время многие исследователи приняли за основу данные «Кубанской справочной книжки» 1891 года о том, «что к середине XIX века всех адыгов было более 500 тыс., карачаевцев около 15 тыс., балкарцев – около 9 тыс.»³³.

В течение XIX века этническая карта Северо-Западного Кавказа претерпела большие изменения. В ходе Кавказской войны горские аулы не раз меняли свое местоположение. Особенно тяжелым было переселение части горского населения в Турцию. С места снимались жители многих аулов, которые практически переставали существовать. Более того, место жительства меняли целые народы. Так, почти целиком выселился народ убыхов, а также большое количество жителей Западного Кавказа: натухайцы, шапсуги, абадзехи. По данным официальных российских источников, Кавказ покинули более 400 тыс. человек. Неофициальные данные, возможно, не всегда обоснованно, значительно превышают эту цифру.

В ходе административных преобразований жители многих горских селений были переселены из района предгорий на равнину, по нижнему течению Лабы, Псекупса, Большого и Малого Зеленчуков и других притоков Кубани. На освобождаемые земли кавказская администрация селила казачье население. Казачьи станицы должны были закрыть горцам дорогу в горные ущелья.

В ходе переселения на равнину произошло смешение северокавказских народностей, появились аулы со смешанным населением. В меньшей степени переселение затронуло карачаевский народ. Старые карачаевские аулы оставались на прежнем месте. Рядом появились новые аулы по рр. Теберда, Мара, Джегута.

Таким образом, этническая карта Кавказа значительно изменилась за счет переселения коренных жителей и заселения Черномории и Кубанской области казачьим и иногородним населением.

Часть адыгов, считавшихся черкесами, расселилась не в черкесских аулах, а в карачаевских, абазинских, ногайских селениях³⁴.

§ 2. Социальная стратификация горских народов Кубанской области в XIX веке

Во второй половине XIX века – начале XX вв. в Российской империи происходили очень важные перемены во всех сферах социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни. Естественно, такие же перемены происходили и на Северном Кавказе, ставшем составной частью России.

Конец XIX – начало XX вв. характеризуется активным вовлечением Кавказа в процесс ускоренной модернизации. Еще В.И. Ленин писал: “Русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности – остаток старинной патриархальной замкнутости – создавал себе рынок для своих фабрик”³⁵. Уже на рубеже веков было видно, как быстро Кавказ превращался в “страну нефте-промышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака”³⁶, капитализм проникал в самые глухие уголки многонационального края. В связи с этим меняется весь хозяйственный облик Северокавказского региона, в том числе Карачая и Черкесии.

В.И. Ленин, как типичный революционер, считал, что все типические социально-экономические противоречия, присущие России, в частности, противоречия между развивающимся капитализмом и феодальными пережитками в лице царизма и помещичьего землевладения, были присущи и Кавказу. Он подчеркивал, что в условиях многонационального региона этим противоречиям особую остроту “придавала система политического, духовного и национального гнета царского самодержавия”³⁷.

Во второй половине XIX века Кубанская область с ее плодороднейшими землями стала хлебной житницей России. С ее территории вывозили в центральные губернии страны и за границу большое количество высококачественной пшеницы. Высокие урожаи зерновых получали также в северной равнинной части Баталпашинского отдела, где имелись плодородные земли и население, в основном, занималось земледелием. Южная горная часть отдела поставляла на продажу животных, главным образом, лошадей,

овец, крупный рогатый скот, а также продукты животноводства – масло, сыр, мясо, шерсть и т. д.

Внутри Баталпашинского отдела происходил интенсивный обмен между северной частью, которая специализировалась в основном на производстве зерновых культур, и южной частью, производившей продукты животноводства. Такой обмен способствовал развитию экономики и культуры всего отдела.

В связи с тем, что экономика отдела постепенно приобретала рыночный характер, усиливались и социальные противоречия в обществе.

Горские народы в первой половине XIX века жили традиционным обществом с чертами патриархальных и феодальных отношений. Их быт отличался особой пестротой. Отсталость производственных отношений, незавершённость процесса феодализации обусловили специфические черты классовой структуры и стратификации горских обществ Северного Кавказа.

Уровень исторического развития горских народов Кубанской области, куда входили Карачай и Черкесия, определялся наличием у них сословного деления.

Привилегированные сословия составляли сложную иерархическую структуру, на верхней ступени которой находились князья: пши у черкесов, аха и маршани у абазин, султаны и мурзы у ногойцев, бии и таубии у карачаевцев и балкарцев. Это сословие включало в себя незначительную часть горского населения, но пользовалось большими правами и привилегиями. В руках князей была сосредоточена большая часть народного богатства – земли и скота. Собственность князей на землю и скот была основой эксплуатации зависимого населения.

На положении, близком к князьям, находились другие привилегированные сословия, которые современники, смотрящие на горское общество извне, привычно отождествляли с дворянством: первостепенные “дворяне” (тлекотлеши у черкесов, агмиста-ду у абазин), второстепенные и третьестепенные “дворяне” (уорки у черкесов, агмиста у абазин, уздени у ногойцев). У карачаевцев “дворянство” как отдельное сословие не выделялось. Как и князья, горские “дворяне” владели землями на основе вотчинного права, имели свои аулы в пределах принадлежавшей им территории.

Военачальником, главой народа и хозяином в своём уделе у адыгов являлся пши. Он имел право объявлять войну и заключать мир. В его власти находились суд и расправа. На народном собрании он занимал главное место, и его решение было окончательным. Как владелец земельных наделов он имел прибыль со всех участков, находившихся под его властью.

К началу XIX века не все черкесские и абазинские народы управлялись князьями, так как адыги делились на две группы: “аристократические” (кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, мохошевцы, мамхеговцы, бжедухи, натухаевцы, егерукаевцы, жанеевцы, адемеевцы) и “демократические” (абадзехи, шапсуги, натухайцы). Такое деление по различию в политическом управлении наблюдалось с конца XVIII столетия. В то время, как “аристократические” племена имели своих князей и находились в их подчинении, такие крупные черкесские народы, как шапсуги, абадзехи и натухаевцы, так называемые “демократические племена”, управлялись выборными старшинами. Это были представители высшего дворянства (тлекотлеши). Они занимали вторую ступень после князя у адыгских народов.

Сословие тлекотлеши, как и князья, владело крупными земельными наделами и зависимым населением, живущим на этих землях. В его подчинении находились дворяне и подвластные аулы. То есть это сословие обладало почти такой же властью, как пши над целым племенем.

Такое же положение, как тлекотлеши у черкесских народов, у абазин занимали агмиста-ду (буквально «большие агмиста»). Это сословие стояло на следующей ступени иерархической лестницы после аха и составляло большую часть привилегированного абазинского населения. Агмиста-ду пользовались широкими правами. Как и сословие аха, агмиста имели в своей собственности лыгов (патриархальных рабов). В руках агмиста находились земли и аулы собственных наименований. Так, семьи агмиста-ду Трамовы и Лоовы в 40-х годах XIX века владели аулами на Куме, Малой Лабе и Малке³⁸.

Абазинам, проживающим в верховьях Кумы и Кубани, на землях, принадлежавших кабардинским князьям, приходилось ежегодно платить им дань. Плата была довольно существенной: с каждого двора по одному барану в год или по одному рублю се-

ребром³⁹. Абазинские аулы Клычева, Кячева и Дударукова платили дань князьям Атажукиным и Бибердовым. Часть Лоовых платила дань Джембулатовым, остальные Лоовы – Мисостовым⁴⁰, и только после вхождения в состав России абазины были освобождены от уплаты этой дани. У них были созданы новые органы управления – приставства и родовые суды.

К высшим сословиям (“белой кости”) у ногайского народа принадлежали султаны и мурзы. “У ногайцев, – писал в 1852 году барон Сталь, – есть своя аристократия. Она состоит из султанов, мурз или князей, дворян или узденей”⁴¹.

Султанское потомство среди ногайцев было весьма незначительным. Тем не менее, они играли большую роль в общественно-политической жизни ногайского народа, так как принадлежали к наиболее богатой и влиятельной патриархально-феодальной верхушке. Так, например, генерал-майор Султан Менгли-Гирей имел подвластных ногайцев 2 801 кибитку, в том числе джембойлуковцев – 1 456, едисанцев – 319, едишкульцев – 112, мангитовцев – 272 и каспулатовцев – 642. Караногайскому султану, в русской службе имевшему ранг старшины 12 класса, Магомету Атепову было пожаловано 4 299 десятин земли⁴².

Ступенькой ниже в ногайском обществе шли крупные представители родовой знати – мурзы. По мнению И.Ф.Дубровина, “мурз можно считать потомками тех лиц, которые некогда управляли народом: они составляют теперь высший класс, из которого преимущественно выбираются аульные старшины и табунные головы”⁴³.

В материалах, собранных частными приставами, имеются сведения о месте мурз в экономической и политической жизни ногайского народа. В них сообщается о количестве мурз по различным районам ногайской степи. По сведениям приставов (1827), в караногай-едишкульском народе было около 22 мурз, в мангитовском, едисанском и едишкульском народах – 34, в калаусо-джембойлуковском народах соответственно по 24 мурзы в каждом⁴⁴.

Ногайские султаны и мурзы обладали теми же правами, что пши и тлекотлеши у черкесского народа. Они правили родами, имели уделы, подвластных узденей, могли быть валиями – народными правителями.

Привилегированным сословием карачаевского общества были бии. Бии, отмечает в своей работе В.И.Сысоев, “были полные господа и от них зависели все внутренние распорядки общины”⁴⁵. В Карачае биев называли “белой костью” (акъ сюек), в отличие от “чёрного” народа. В русских документах первой половины XIX века они упоминаются как “старшины”, это же выражение встречается и в адатах (нормах обычного права горцев Северного Кавказа).

Пользуясь экономическим могуществом, бии держали в руках всю политическую, военную и судебную власть. Не только в суде по адату, но и в шариатском суде, проходившем при обязательном участии эфенди (духовного судьи), первое место принадлежало бию⁴⁶, и его решение могло быть окончательным.

Вот как описывает привилегии карачаевских биев Г.Ю.Клапрот: “Хотя карачаевцы ничем особенно не выделяют своих князей, однако уздени должны сопровождать верхом своих князей во время их экспедиций. Когда бий покупает что-нибудь, он обычно отдаёт часть свите, которая в ответ обязана как можно лучше его кормить и прислуживать ему за столом, угощая его подходящими для его ранга едой и питьём”⁴⁷.

После вхождения Карачая в состав Российской империи (1828 г.) бии, и, особенно знатная и первенствующая среди них фамилия Крымшамхаловы, стали надёжной опорой русской администрации в Карачае. Огромное количество земель позволяло им содержать не только многочисленные стада скота, овец и табуны лошадей, но и эксплуатировать узденей, которые попадали в поземельную зависимость от биев.

Все перечисленные выше категории знати – пши, аха, маршани, тлекотлеши, агмиста-ду, бии – составляли феодально-сословную верхушку горского общества.

Следующее сословие составили уорки у черкесов, агмиста у абазин, уздени у ногайцев и карачаевцев. Они все были служилыми людьми. Большинство из них не имело земельной и частной собственности, а также крепостных крестьян и патриархальных рабов. У абазин и адыгов они обычно получали от князей земельный надел и скот, но за это им приходилось нести военную службу, составлять конвой владельца и т. д. В случае спора между вла-

дельцем и уорком последний мог освободиться, но с обязательным возвратом владельцу полученного имущества (уорк-тын)⁴⁸.

Привилегированным сословием также было мусульманское духовенство: эфенди, кадии, муллы и муэдзины. Доходы духовенства складывались из различного рода поборов с населения. В первую очередь духовенство забирало десятую часть урожая. Этот налог назывался зекят⁴⁹. Помимо этого, “с каждого дома отдаётся зимой аульному эфенди по барану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух вьюков на лошадь), дров по единому вьюку на ишака и летом по барану”, – писал Ф.И.Леонтович⁵⁰. Надо отметить, что это касалось всех сословий. Даже пшитли не освобождались от уплаты десятины духовенству.

Находившееся в различной степени зависимости крестьянство Карачая и Черкесии также подразделялось на ряд категорий.

В первую категорию входили тльфокотли у черкесов, караздени, уздени у карачаевцев и ногайцев, анхаю у абазин. К ним относились и азаты (вольнотпущенники). Это были экономически зависимые, но юридически свободные крестьяне. Их экономическая зависимость оформлялась нормами обычного права.

Вторую категорию крестьян составляли крепостные – логонаты у черкесов, юльгюлюкулы у карачаевцев, джоллукулы у ногайцев, лыги у абазин.

К третьей категории относились патриархальные рабы: унауты у черкесов и абазин, башсызкулы у карачаевцев.

Основную массу крестьянства у горских народов составляли черкесские тльфокотли, абазинские анхаю, карачаевские и ногайские уздени. Название этих категорий крестьян сами говорят об их свободном происхождении. Например, корень слова тльфокотль переводится как “свободный муж”. “Простым свободным народом” называли тльфокотлей адаты⁵¹. Тюркское слово “уздень” означает “сам”, “свой”, то есть ни от кого не зависящий. Абазинское “анхаю” переводится как “работающий на себя”.

Свободные крестьяне являлись основными производителями материальных благ в горских округах Кубанской области. Но в XIX веке положение этой категории крестьян сильно изменилось. Они стали нести ряд повинностей в пользу владельцев, что позволяет характеризовать их как феодально-зависимых крестьян.

Сословное неравенство этих групп населения проявлялось и в том, что они считались “черной костью”, в то время как феодалы назывались “белой костью”. “Черная кость” не допускалась к решению политических вопросов, которые рассматривались исключительно привилегированными сословиями, плата за кровь лиц этой части населения была намного ниже, чем за убийство или ранение князя или дворянина. Если уздень покушался на жизнь или имущество бия, то адат был целиком на стороне бия, охраняя его повышенной платой за кровь. За ранение узденя штраф налагался в размере 20–25 рублей, а за ранение бия – в 300 рублей. Так гласят карачаевские адаты⁵².

С. Броневский называл адыгских тльфокотлей “многолюднейшим и полезнейшим сословием”⁵³, считая их феодально-зависимыми по тем причинам, что они были привязаны не к земле, а к владельцу, то есть, находились в административной зависимости от князей, в руках которых были и суд, и расправа.

Черкесский этнограф Хан-Гирей описывал условия зависимости тльфокотлей от владельцев. Он отмечал, что “вольные земледельцы составляли народ, подчинённый дворянству на определённых не ясно каких, но тем не менее тягостных условиях, которые возникли от местных обстоятельств и утвердились временем”⁵⁴. Похоже, что общинный строй со всеми присущими ему чертами: общинным земледелием, юридической свободой общинников, круговой помощью, родовыми обычаями – всё больше уступал место в быту тльфокотлей, узденей и анхаю новым феодальным отношениям – поземельной и политической зависимости крестьян от местных феодалов.

В Карачае в XIX веке крестьяне не представляли собой однородной массы, а распадались на ряд категорий: уллу-узденей, кара-узденей (юридически свободных общинников, которые фактически несли феодальные повинности), азатов (вольноотпущенников), юльгюлюкулов (“правных” и “обрядных” рабов), башсызкулов (патриархальных рабов).

Основную массу населения Карачая составляли уздени. К XIX веку происходит процесс дифференциации этого сословия на уллу-узденей (фактически дворян-феодалов, имевших землю и скот, а порой крепостных крестьян и рабов) и кара-узденей или кара-киши (свободных крестьян, экономически зависимых от зна-

ти – князей и уллу-узденей). Во время сенокоса кара-уздени (черные уздени) с каждого двора должны были дать бию одного косаря на один день, одного человека с каждого двора для уборки сена и поставки копен, одного барана в пищу косарю с каждого двора, где не менее 60 баранов, и т. д., – говорилось в карачаевских ада-тах⁵⁵.

Социальное положение, близкое к узденям, занимали азаты – вольноотпущенники⁵⁶. Работая на владельца в течение ряда лет, большинство азатов выплачивало ему выкуп за свою личную свободу, не получая при освобождении ни земли, ни другого имущества. Не освобождаясь целиком, азаты несли также и натуральные повинности своим бывшим владельцам. Так, убив скотину или оленя, азат обязан был отнести лучший кусок мяса своему хозяину. В прошлом крепостные или рабы, они получали свободу от своего владельца за выкуп или за определенные заслуги. Однако, даже становясь юридически свободными, они фактически были зависимы от князей и верхушки узденчества и несли натуральные повинности в пользу тех, от кого зависели экономически. Социальное положение азатов было ниже, чем у кара-узденей, намного тяжелее были и их повинности. Это были крестьяне, освобожденные от феодальной зависимости без выкупа или за плату еще до 1868 г., то есть до отмены крепостного права у населения Северного Кавказа. Число крестьян этой категории особенно увеличилось с 60-х годов XIX века, когда началась отмена крепостного права и многие владельцы вынуждены были дать своим крепостным свободу за выкуп, причем сумма выкупа доходила до 300 рублей.

Третью группу населения у горских народов составляли унауты, пшитли, джолсузкулы, то есть бесправные рабы.

В отличие от унаутов, пшитлей, джолсузкулов, они не являлись собственностью владельцев. В обязанность огов входило от каждой пары быков, бывших в плугу ога, отдавать при уборке урожая одну арбу вымолоченного проса. Пшеницу, ячмень, полбу отдавать хозяину в размере 6-ти мешков, независимо от того, сколько посеяно и обработано, – говорится в записке помощника начальника Кубанской области по управлению горцами П.Г.Дукмасова⁵⁷. Кроме того, каждый ог должен был несколько дней в году работать на хозяина. Три дня во время сенокоса он косил, собирал сено и перевозил его в определенное место. Жены

огов мазали сакли и другие строения владельца. В феврале месяце каждая отдельная семья огов обязана была привести владельцу 15 арб дров⁵⁸. Ог было переходным состоянием от крепостного к положению свободного земледельца.

В отличие от огов, основная масса крепостных крестьян (у черкесов – пшитли, у абазин – лыги, у ногайцев – джоллукьул, у карачаевцев – джолсузкьул) считалась собственностью владельца и передавалась по наследству, как всякое другое имущество⁵⁹.

Адаты характеризовали положение пшитлей у черкесов таким образом: “Люди сие суть сущие рабы, повинуются своим владельцам слепо и исполняют все работы по их приказанию, переносят терпеливо самые их угнетения, словом, несут всю тяготу жизни – и не имеют возможности, в облегчение своего состояния, приносить кому-либо на своих владельцев жалобы”⁶⁰.

Пшитли входили в категорию “обрядных холопов”. Все повинности, выполняемые ими, были определены адатами. Пшитли пользовались определенными правами, как имущественными, так и семейными. Вели свое хозяйство, уплачивали хозяину натуральную ренту и выполняли отработочную повинность. Размер натуральной ренты зависел от имущества, которым снабжал пшитля владелец: парой, двумя или тремя парами волов. В зависимости от этого, пшитль обязан был обработать определенный надел земли (примерно четыре десятины за пару волов), засеять, вырастить и собрать урожай. Полученное зерно делилось следующим образом: 10-ю часть забирало духовенство, часть оставалась на семена, половина оставшегося отдавалась владельцу, остальное оставалось ему самому⁶¹. Пшитлю оставалось менее половины собранного им урожая. Помимо натуральной ренты, пшитль вынужден был нести барщину: работать во время сенокоса, ухаживать за скотом феодала, за его пчелами, строить сакли, возить дрова, обрабатывать огород и т.д. Строго были определены и обязанности жен пшитлей. Они должны были сажать и ухаживать за огородом владельца, доить коров, носить воду, один раз в год стирать белье феодала, варить пасту (блюдо из пшена), сопровождать жену владельца и помогать ей изготовлять изделия из шерсти⁶². Таким образом, пшитли несли ответственность за весь трудовой цикл в хозяйстве владельца. Однако закон определенным образом защищал права этой категории.

Самым тяжёлым и бесправным было положение унаутов – домашних рабов. Они не имели ни имущественных, ни личных прав. Владелец мог совершенно безнаказанно убить унаута⁶³. Убийство или увечье раба любым посторонним человеком считалось нанесением ущерба имуществу хозяина (“Кто убьёт унаута, цена крови не полагалась, но уплачивалась стоимость убитого хозяину”)⁶⁴. Унауты были лишены права жениться; брачные связи с ними рассматривались как сожительство. Они постоянно проживали при дворе владельца и не имели права отлучаться без его разрешения. Если в документах пшитлей называли “правными крестьянами”, то унаутов называли “бесправными”⁶⁵. В обязанность унаутов входило все, ничто не защищало их прав. “Всё рабочее время унаута принадлежало владельцу”, – говорится в статье о зависимых сословиях горского населения Кубанской области⁶⁶.

Похожим было положение джолсузкулов у карачаевцев. Их бесправное и тяжёлое положение отмечали все авторы, в том числе М.И.Венюков. “Ясырь осуждён на вечную работу в поле и на дворе за какие-нибудь горькие чуреки и оборванную, поношенную одежду. Даже жизнь его зависит от произвола господина”, – писал он⁶⁷.

В Карачае процесс образования феодальной собственности проявлялся менее чётко, чем в Черкесии. Но и здесь в середине XIX в. продолжался процесс закабаления общинников путём захвата их земель.

По данным 1867 года (за год до отмены крепостного права на Северном Кавказе), сословная структура карачаевского населения по первым статистическим сведениям выглядела так: из 17 788 карачаевцев бии (князя) и разновидность этого сословия чанка насчитывались 53 человека мужского пола или 3,7%; свободные общинники-уздени – 9 978 человек; азаты (вольноотпущенники) – 1 801 чел. Всех свободных крестьян – 80,6%. Юльгюлюкулов насчитывалось 1 828 чел. (12,4%); патриархальных рабов (башсызкулов) – 582 чел. (3,3%)⁶⁸. Таким образом, основную массу карачаевского общества составляли свободные общинники, члены соседских общин – “джамагъат”. Такое большое количество незакрепощённого слоя крестьян в карачаевском обществе свидетельствует о незрелости феодальных отношений, при которых наряду с фео-

дальной собственностью на землю сохранялась и мелкая крестьянская и общинная собственность⁶⁹.

Феодально-зависимые крестьяне делились в Карачае на две категории: на юльгюлюкулов (“правных” рабов, т.е. фактически крепостных крестьян) и башсызкулов (патриархальных рабов).

Первая категория (юльгюлюкулы) могла содержать небольшое хозяйство, семью, пользовалась определёнными правами. В русских источниках они называются “правными” рабами или “обрядными” холопами. В “Записке о зависимых сословиях” об юльгюлюкулах говорилось, что они, оставаясь в личной зависимости от владельцев, несли последним службу в установленных обычаями размерах, за ними признавались права, личные, имущественные и семейные⁷⁰.

Отработка для юльгюлюкулов была главным видом ренты, так как их хозяйства были довольно крупными. Натуральная рента была незначительной. Она в основном заключалась в различного рода подношениях: к свадьбе бия кул был обязан нести одного барана. Если у кула дочь выходила замуж, то бию полагалось три барана от калыма, присланного женихом.

Денежная рента появилась в Карачае лишь во второй четверти XIX века. Если крестьянину удавалось что-либо заработать, то половину заработанного он должен был отдать владельцу⁷¹.

Самым бесправным было положение крестьян-рабов – башсызкулов или джолсузкулов. Эта самая низшая категория крестьян не имела никаких прав, ни собственности, ни семьи, ни своего дома. Башсызкулы и джолсузкулы жили при доме владельца и являлись его прислугой.

Это свидетельствует о том, что рабство в Черкесии и Карачае имело домашний, патриархальный характер. Если в рабовладельческих обществах рабы являлись основной производительной силой, то здесь рабы играли лишь вспомогательную роль в домашнем хозяйстве и сельскохозяйственном производстве. Рабы в Карачай и в другие горские общества попадали, главным образом, путём захвата при набегах на чужие территории, или же их приобретали путём покупки. Рабы не имели никаких прав и голоса на народном собрании, не являлись членами ни одной сельской общины. Всё это делало их особенно бесправными перед владельцами, которые обращались с ними, как им было угодно. Эксплуати-

ровались рабы самым тяжелейшим образом. Нередко по роду занятий владельцы давали им имена или кличку.

Таким образом, анализ статей адатов показывает, что социально-экономическое развитие горцев Северного Кавказа, в том числе и живших в XIX веке на территории Кубанской области, протекало совершенно различными путями. К этому времени на этапе зарождения феодализма находились абазины племени шкарауа и часть ногайцев. У кабардинцев, бесленеевцев, карачаевцев, абазин-тапантцев, а также у части ногайцев сложились более развитые отношения феодального типа.

Глава II. Отмена крепостного права в горских округах Кубанской области

§ 1. Земельно-правовые отношения накануне крестьянской реформы

С 60—70-х годов XIX века земельные отношения у горских народов, как и весь их общественный строй, подверглись влиянию российского законодательства. Сословные отношения, которые были тормозом роста экономики страны и самосознания населения, были подорваны проведенными в 60-х годах XIX века земельной и административно-судебными реформами. Отмена крепостного права в России в 1861 г. способствовала проникновению веяний модернизации и в горские аулы.

Земельно-правовые отношения горских народов Кубанской области, в том числе Карачая и Черкесии, в XIX веке соответствовали сложной социально-правовой структуре, базировавшейся на сохранении прочных общинных связей.

Проблема изучения землевладения и землепользования является одним из важнейших вопросов социально-экономического развития этих регионов в XIX веке. Ответ на него призван определить, на какой стадии социально-экономического развития находились горские народы Кубанской области, оставались ли горские общества родовыми или уже стали феодальными. Сложность поисков ответа на этот вопрос заключается в том, что феодальная собственность на землю в Карачае и Черкесии была завуалирована общинными пережитками, рядом с частной собственностью в горских обществах продолжала играть большую роль и коллективная, общинная собственность.

Некоторые исследователи (Ф.И.Леонтович, М.М.Ковалевский, Я.В.Абрамов) эти признаки традиционного патриархального быта принимали за сущность социального строя горских народов Кубанской области. Они представляли общественный строй горских народов как родовой, без частного землевладения, без классовых противоречий и классовой борьбы.

Другие историки (Л.Люлье, Дюбуа де Монпере, А.Берже) признавали наличие феодальных отношений в общественном

строе горцев, но при этом исходили, как отмечает В.П.Невская, “не из анализа производственных отношений и форм собственности, а из правовых отношений”¹.

Доказывая наличие сословного строя иерархической лестницей господствующего класса, авторы почти не касались главного вопроса – земельного. Завуалированная обычаями уже существовавшая феодальная собственность рождала основные противоречия в изучении истории земельного вопроса в горских обществах. Из-за сохранившихся общинных отношений наличие этой собственности проявлялось не так четко. Тем не менее процесс становления феодальной собственности на землю можно проследить даже в нормах обычного права горцев – адатах, которые обычно отражали уже сложившиеся отношения.

У народов, проживавших в предгорьях, собственность на землю сложилась раньше, чем у народов, живших на равнине: посевная система земледелия в предгорьях требовала значительно больше труда, чем на равнине. К началу проведения отмены крепостного права в Кубанской области “только в самом высокогорном округе – в верховьях Кубани, у подножия Эльбруса, у карачаевцев, – земля считалась собственностью обрабатывающих ее крестьян”².

В ряде документов о подготовке крестьянской реформы в Карачае мы сталкиваемся с тем, что земля в этом округе подлежала наряду с крестьянским имуществом разделу между феодалом и крестьянином. Ни в одном другом округе Кубанской области земля среди крестьянской собственности не упоминается.

Таким образом, у карачаевцев феодалы имели право на общинные земли, а крестьяне пользовались как общинной землей, так и землей феодала на правах аренды.

Для Карачая середины XIX века характерны три формы земельной собственности: общинная, подворно-наследственная и частная.

Все летние пастбища (джайлыки), леса, небольшая часть кышлыков (зимних пастбищ) находились в общинной собственности. Как отмечал Н.Г.Петрусевич, у карачаевцев “собственно общественные земли состоят из большого количества джайлыков (летних пастбищ) да незначительного количества покосной и пахотной земли, рассеянной небольшими участками в разных мес-

тах”³. Общинное землепользование сохранялось в Карачае до конца XIX века. В основном это были летние пастбища и леса. Наличие огромного количества общинных летних пастбищ отразилось и в обычном праве карачаевцев, о чем говорится в трудах Абрамовской комиссии: “по искони сложившемуся обычаю карачаевцев, каждый имеет право выпасать на этих землях (летних пастбищах) столько скота, сколько имеется у него в наличности, и в каких угодно местах”⁴. Летними пастбищами могли пользоваться все без исключений. Обычно ближайšie к аулам земли использовались жителями данного аула. Например, жители Карт-Джурта пасли скот в верховьях Худеса и по обеим сторонам Кубани, жители Учкулана в верховьях Учкулана и т. д. Самым лучшим летним пастбищем считалось плоскогорье Бийчесын, где скот пасся с начала июня до сентября, в то время, как на высокогорных пастбищах – с июля до середины августа.

Согласно данным Ф.Д.Эдиевой, “обычное право карачаевцев регулировало порядок выпаса скота на пастбищах. На общинных собраниях селений определялись сроки и порядок выпаса скота, перегон его на летние и зимние пастбища. Обычное право строго наказывало нарушивших волю общины в виде бойкота или штрафа, поступавшего в пользу всей общины”⁵.

Второй формой собственности была подворно-наследственная (семейно-индивидуальная) собственность, возникшая в результате трудов самих земледельцев: они окультуривали дикие участки общинных владений, очищали их от камней и кустарника, проводили оросительную систему и т.д. Согласно обычному праву, такая земля переходила в собственность того, кто ее осваивал, то есть отвоевывал у природы.

Уже к началу XIX века сабаны (пахотная земля) и биченлики (сенокосы) находились безусловно в собственности отдельных семей. Их можно было продавать, дарить, отдавать в счет калыма, передавать по наследству. После смерти отца семейный участок передавался сыну. По обычному праву, дочери не наследовали земли, а по шариату – получали половинную долю брата. Только отдельные сохранившиеся пережитки напоминают о том, что первоначально эти земли принадлежали целым родам.

Третьей формой собственности в Карачае была частная земельная собственность, принадлежавшая главам родов. Как пра-

вило, она была крупной. По обычному праву мы можем проследить, в каких случаях земля у карачаевцев передается по наследству, в счет выкупа в случае убийства, как калым или возмещение за воспитание ребенка. Гораздо сложнее определить, была ли она феодальной собственностью.

В отличие от земледельческих обществ равнинной части Кубанской области, которые стремились удержать и расширить пахотные земли и где пастбища еще оставались во владении общин, у карачаевцев наиболее важными объектами хозяйства, а затем и захвата, были сенокосы и зимние пастбища.

По адатам и летние, и зимние пастбища являлись общинными угодьями. Однако в XIX веке пользоваться, особенно зимними пастбищами, могли только крупные владельцы из сословия биев и богатой верхушки узденей, которые постепенно закрепляли за собой огромные площади общинных земель. Об этом свидетельствует сообщение Абрамовской комиссии: «Владения эти, как установлено исследованиями, образовались путем захватов сильных фамилий. Захваты производились в то время, когда карачаевское племя управлялось старшинами и узденями, которые, пользуясь своими владениями, стояли во главе народа, распоряжались земельным имуществом, захватывали лучшие земли, беспрепятственно пользовались ими и присваивали их впоследствии себе как собственность; народ же, находясь в полной зависимости от этих лиц, подчинялся этим земельным распорядам»⁶. Так, в середине XIX в. Крымшамхаловы владели 2 850 десятинами, Дудовы – 1 470 десятинами, Карабашевы – 600 десятинами⁷. Это были наиболее удобные и важные для хозяйства земли, захваченные знатными фамилиями. Благодаря закреплению этих земель в частную собственность, их владельцы могли не только содержать огромные стада овец и табуны лошадей, но и эксплуатировать юридически свободное крестьянство, попадавшее постепенно в поземельную зависимость от биев.

Процесс захвата феодалами общинных земель в Карачае, как и у других народов Северного Кавказа, проходил постепенно. «Общинное владение землями на тех основаниях, на которых оно существует у кавказских горцев, обеспечивает в настоящее время народ поземельным пользованием, но оно способствует князьям мало-помалу присваивать себе всю землю», – говорится в

“Заметке относительно земельных владений горцев”, составленной в 60-х годах XIX века⁸.

Основной целью феодалов при захвате общинных земель было не использование земли для выпаса своего скота, а наделение земельными участками подвластных крестьян, которые были обязаны вносить за землю определенную ренту. Именно этот фактор имел огромное значение в образовании феодального землевладения. К середине XIX века феодальная знать стремилась к захвату даже той части летних пастбищ, которая оставалась в общинной собственности. По этому поводу крупнейший кавказовед А.В.Фадеев писал: “...главная причина малоземелья, обрекавшая трудящихся горцев на тяжкий труд и полуголодное существование, коренилась в аграрном строе горского общества, и прежде всего, в господстве крупного феодального землевладения и эксплуататорских притязаний местной знати в отношении общинной и мелкой крестьянской собственности. К середине XIX века лучшие зимние пастбища в Карачае перешли во владение феодальной верхушки, хотя и не и считались частновладельческими землями”⁹.

Однако крупная земельная собственность в Карачае была опутана массой общинных пережитков, за которыми скрывалась ее реальная сущность. Сильная соседская община тормозила процесс образования крупной земельной собственности и ее юридическое оформление. С другой стороны, сами владельцы, захватывали общинные земли, прикрываясь старинными обычаями. В силу этих причин многие авторы не могли обнаружить в Карачае наличие феодальных отношений, более того, считали невозможным их существование.

Резкое имущественное неравенство карачаевского населения четче всего проявлялось во владении зимними пастбищами – кышлыками. Основная масса населения вообще не имела сенокосных угодий и зимних пастбищ. “Такое неправильное распределение земель, удовлетворяющее потребности только половины общества и лишаящее остальные семейства самого необходимого, произошло постепенно”, - писал в 1867 г. Н.Г.Петрусевич¹⁰.

И действительно, 54 фамилиям, насчитывающим 1 477 семей, принадлежало 25 925 десятин земли, пригодной для сенокосов и зимних пастбищ. Из 1 477 семей 579 считалось малоземельными, они имели еще 3 300 десятин земли под сабанами. А 745 семей не

имели вообще никакой земли¹¹. Таким образом, основной земельный фонд, пригодный для сельского хозяйства в Карачае, принадлежал 54 фамилиям. Однако это не означало то, что земля была распределена между ними в равном количестве. Если 16 семей Крымшамхаловых имели земельный надел в 2 850 десятин, то 92 семьи Хубиевых – 1 900 десятин¹² и т. д.

Малоземельной была в первой половине XIX века и фамилия Байчоровых, позже ставшая самыми крупными кулаками пореформенного периода. 38 семей Байчоровых имели к 1867 г. только небольшие участки. Лишь у одного из Байчоровых, Али, имелся сенокосный участок в 25 десятин по Дууту и Кубани, приобретенный путем покупки, поэтому он находился не в семейной, а в индивидуальной собственности.

Земельный участок, приобретенный путем покупки в Карачае, назывался “мюльк джер”, что означает “частнособственническая земля”, а участок, унаследованный от отца, – “ата джер”.

В первой половине XIX века в Карачае уже имело место применение наемного труда, основанного на тяжелейших условиях найма. Зависимые крестьяне несли целый ряд различных повинностей за землю в пользу феодальных владельцев. Повинности состояли как из отработочной, так и из натуральной ренты. “Кулы и казаки за получаемую от старшины землю должны были обрабатывать поля, косить и свозить в дом старшины на своих ишаках” – отмечается в адатах¹³.

Отработочная рента включала в себя и такие виды работ, как уход за скотом феодала, создание оросительной системы, доставка дров и прочее.

Натуральная рента выступала в завуалированном виде как различные добровольные приношения (подарки) владельцам и т. д.

К середине XIX века, наряду с отработочной и натуральной, появилась и денежная рента. Больше половины заработанных денег крестьянин должен был отдать своему хозяину. “Если владелец сам отдавал крестьянина в работники, то он получал весь его заработок”¹⁴.

К середине XIX века безземельных крестьян в Карачае насчитывалось 294 семьи, крепостных крестьян (юльгюлюкулов) – 451 семья, патриархальных рабов (башсызкулов), живших при

своих владельцев. Эти категории карачаевского крестьянства составляли группу совершенно безземельных.

Пригодных для сенокосения и зимних пастбищ земель в Карачае было 25 тысяч десятин. Это не могло удовлетворить нужду карачаевцев в необходимом количестве кормов для скота. «Карачаевцы нуждаются в сене больше, чем в хлебе», – отмечалось в отчете по военно-народному управлению Кубанской области с 1863 по 1869 гг.¹⁵ Земельный голод карачаевцев был настолько катастрофическим, что в середине XIX века они вынуждены были арендовать дополнительные земли. Карачаевцы арендовали землю у казны и казачьих станиц, расположенных рядом, а также у кабардинских князей.

Малоземелье вынуждало арендовать земли даже самых влиятельных владельцев, так как собственных земель не хватало. Недостаточность земель подтверждает обширный список владельцев табунов Эльбрусского округа, из которого только табун Куденета Байрамукова пасся «на землях, принадлежащих карачаевскому обществу»¹⁶.

Остальные табуны, принадлежавшие горской знати, проводили зиму на арендованных землях. «Табун в 400 лошадей Каншаубия Крымшамхалова пасся на землях Терской области в районе Кабардинского округа. Табун Хаджи-Мурзы Крымшамхалова и Наны Хубиева – на казенных землях ст. Верхне-Николаевской по р. Каракенту»¹⁷ и т. д.

Осложнялся земельный вопрос в Карачае и тем, что на земли, лежавшие на северо-запад от р. Худес, в конце XVIII – начале XIX в. претендовали кабардинские князья. Поземельные споры между карачаевцами и кабардинцами продолжались несколько десятилетий. «С давнего времени между карачаевцами и кабардинцами происходили постоянные споры за принадлежности в некоторых пограничных между ними земель», – отмечалось в рапорте командующего Кавказской армией военному министру в 1859 г.¹⁸

Для рассмотрения поземельных споров между карачаевцами и кабардинскими князьями кавказской администрацией была создана специальная комиссия¹⁹, в которую вошли представители как от карачаевского, так и от кабардинского народов. После изучения ряда спорных вопросов комиссией была определена новая граница между Карачаем и Кабардой. «Граница должна была проходить от

Эльбруса по Водораздельному хребту между системой притоков Кубани и Терека до р. Эшкакон и затем по этой реке до пересечения ее границей земель Кавказского линейного казачьего войска”²⁰.

Такое размежевание владений нанесло огромный ущерб карачаевцам, лишив их не только земель, но и Эшкаконских пастбищ, на которые они имели равные права с кабардинцами. При решении земельного вопроса комиссия не только ущемила интересы карачаевского народа, но и повлияла на взаимоотношения двух народов, посеяв между ними рознь. Позже старая неприязнь стала восприниматься как национальная.

Земельная реформа в Кубанской области затянулась на много лет, но многие земельные преобразования, происходившие в горских округах Кубанской области, почти не распространялись на Эльбрусский округ, в который входил Карачай. Здесь не было широких речных долин или степных пространств для основания крупных поместий, негде было селить и переселенцев из центральных губерний России, негде было основывать новые казачьи станицы. Здесь самую большую ценность представляли огромные лесные массивы по течению реки Теберды и ее притоков, по Маре и между Тебердой и верховьями Зеленчука, но эти территории уже не принадлежали карачаевцам, считаясь казенными. Лишив карачаевцев их собственных земель, российская администрация, согласно прокламации графа Евдокимова, даровала им с февраля 1862 г. 267 десятин земли.

В отношении карачаевцев, больше других жителей Кубанской области страдавших от безземелья, царская администрация ограничилась только “дарованием” почти непригодных земель. Эти наделы не только не увеличивали земли карачаевского народа, наоборот, под предлогом возмещения за «дарованные» земли были изъяты лучшие участки. “Дарованные” карачаевцам земли состояли в основном “из отрогов Главного хребта, прорезанных глубокими долинами реки Кубани и ее притоков с правой и левой стороны; самые же долины за редкими исключениями почти наполовину высоты покрыты снегом” так, что удобных для пахоты и сенокосов земель весьма немного в сравнении с потребностями общества и размерами всего пространства земли, обществу принад-

лежащей”²¹. Так характеризовал эти земли начальник Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевич.

Основная часть выделенных карачаевцам земель не была пригодна для сельского хозяйства, особенно для пахоты и сенокосов. “Но какая это земля? Громадную площадь захватывают горы, скалы, то есть такие земли, которые скорее составляют бедствие, чем богатство: падающие с горы камни засыпают поля, сенокосы”²², – пишет о пожалованной карачаевцам земле этнограф Г.Ф.Чурсин. Лучшие земельные наделы карачаевцев, а именно земли по Эшкакону и Подкумку, не вошли в границу “дарованных” земель, хотя в прокламации говорится, что та земля, “которой доселе пользовались в постоянных распрях и тяжбах с соседями”²³, теперь принадлежит карачаевскому народу. Дальнейшее решение вопроса по поводу “дарованных” земель осложнялось еще и тем, что в прокламации графа Евдокимова абсолютно не разъяснялось, кому же именно и на каких правах даруются 267 тысяч десятин земли. Являются ли они общинными или это частнособственнические земли? Непосредственно вопросам землевладения, землепользования и распределения земель в Карачае был посвящен специальный доклад, подготовленный начальником Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевичем²⁴. Не предлагая коренной реформы, Петрусевич настаивал на том, чтобы эти земли принадлежали безземельным и малоземельным крестьянам-общинникам на правах общинного владения. К ним не могли иметь доступа лица, имеющие в собственности частные участки. Программа также предусматривала, что и леса на территории Карачая должны составлять общественную собственность, которой “никто, кроме самого общества, распоряжаться не может”²⁵. Увидев в программе Н.Г.Петрусевича угрозу спокойствию региона и опасное вольнодумство, администрация Кубанской области не поддержала его деятельность. Кроме того, ему запрещалось гласное обсуждение земельного и других общественных вопросов. “Для спокойствия этого общества я считаю необходимым воспретить Вам входить в гласное обсуждение каких бы то ни было общественных вопросов прежде, нежели общие основания таковых вопросов будут утверждены начальником области”²⁶, – писал Н.Г.Петрусевичу помощник начальника Кубанской области по управлению горцами полковник Дукмасов.

Несмотря на прямые приказы о прекращении деятельности, Н.Г.Петрусеви́ч объехал все обозначенные в прокламации земли, вникая во все поземельные споры и нужды карачаевского крестьянства. Все дни Петрусеви́ч проводил в разъездах по карачаевским землям, ночуя то на кошах, то в саклях бедняков. «Карачаевцы передавали мне, что бывший у них уездный начальник Петрусеви́ч в 60-х годах прошлого столетия лично объездил всю карачаевскую землю и везде, по указанию стариков, приказывал разгораживать ограды покосных участков, занятых жителями по своему произволу, вне черты поселений», – писал Н.Иваненков²⁷. Однако деятельность Н.Г.Петрусеви́ча, вызвавшая недовольство кавказской администрации, не могла иметь дальнейшего успеха. Карачаевцы по-прежнему страдали от безземелья, которое ощущалось настолько, что в 1864 г. правительство вынуждено было создать временную посредническую комиссию «для окончательного разбора поземельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев и для могущего быть нового территориального разделения Кубанской и Терской областей, сообразно истинным нуждам этих племен»²⁸.

Председателем комиссии был назначен полковник Ильинский, членами комиссии были подполковник Аглинцев (от Кубанской области), подполковник Золотарев (от Терской) и др. После обследования карачаевских земель, члены комиссии постановили, что «земель пахотных и покосных в самом Карачае по числу и потребности населения действительно недостаточно», поэтому комиссия «признала справедливым и необходимым прибавить им в надел часть низменных и плоскостных земель»²⁹ в размере 50 тысяч десятин. Наделение новыми землями влекло за собой потерю спорных владений. В результате работы комиссии Ильинского Карачай окончательно потерял Эшкаконские пастбища, которые закрепились теперь за кабардинцами.

В 1865 г. было вынесено решение о прирезке карачаевцам 40 тысяч десятин земли «взамен находившихся в их пользовании пастбищных мест, лежащих в пределах Терской области между реками Эшкаконом и Кумою». Но решение земельного вопроса в Карачае долго откладывалось. Обещанные земли были выделены только через несколько лет.

«Вследствие постоянных жалоб карачаевского общества о недостатке пахотной земли, им было определено нарезать еще 40

тысяч десятин из казенных свободных земель, и на меня было возложено составить проект прирезки этих 40 тысяч десятин и выселение на новые места из Карачая тех, которые или вовсе не имеют земли, или имеют в основном незначительное количество. Проект был составлен и представлен и, применяясь к нему, объявлено, что желающие переселиться на Теберду и Мару, должны весной 1868 года приступить к пахоте и постройке домов на новых местах”, – говорится в годовом отчете начальника Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевича об экономическом состоянии военно-народного округа за 1867 г.³⁰.

Администрация Кубанской области постановила, что черкесы, абазины и ногайцы должны платить государственную подать за землю по 3 рубля с двора, а карачаевцы – 4 руб. 50 коп., в связи с тем, что им должны прирезать еще 40 тысяч десятин земли. Таким образом, основным итогом проведения земельной реформы для Карачая и Черкесии стало введение повышенной государственной подати.

Как известно, в 60-70-х гг. XIX в. земельная политика, проводимая царскими властями, являлась одной из составных частей колонизации присоединяемого региона. Еще до окончания Кавказской войны завоевание новых территорий Северного Кавказа сопровождалось целенаправленным распределением огромного количества земель, принадлежащих горским народам. На завоеванных территориях вырастали казачьи станицы, в распоряжение которых отводились лучшие пахотные земли и сенокосные угодья. За короткий срок – с 1858 по 1865 гг. – было основано еще 40 казачьих станиц, в том числе: Исправная и Сторожевая (1858 г.), Зеленчукская и Кардоникская (1859 г.), Преградная (1860), Усть-Джегутинская и Верхне-Николаевская (1861 г.) и др. Им было отведено более миллиона десятин земли, в том числе станице Баталпашинской – 42 тысячи десятин земли, Усть-Джегутинской – более 20 тысяч.

Наделяя землей горских князей, дворян и лиц, служивших в царской армии, кавказская администрация стремилась создать в горских округах слой помещиков-землевладельцев и сделать их надежной опорой в проведении колониальной политики. “Эти лица, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, будут получать в народе все большее значение и, в слу-

чае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу”, – писал главнокомандующий кавказской армией³¹.

Накануне проведения земельной и крестьянской реформы в 60-х гг. XIX в. как в Карачае, так и в Черкесии наряду с феодальной собственностью князей и дворян на землю продолжало существовать и общинное землепользование лугами, пастбищами и частью пахотных земель.

Наиболее точную характеристику общественного строя черкесов дал в своей работе М.Н.Покровский. Он считал, что “черкесское общество не было стоячим болотом, в нем происходила своя эволюция, аналогичная эволюции всякого феодального общества”³², и определял черкесское общество как феодальное. Однако, несмотря на правильные наблюдения, М.Н.Покровский, как и многие другие авторы (Е.С.Зевакин, Н.И.Карлгоф, К.Ф.Сталь), писавшие об общественном строе адыгов первой половины XIX века до него и после него, не сумел оценить ведущую и господствующую в тот период роль феодальных отношений у всех адыгских племен. А эти отношения выражались, прежде всего, в праве на землю. Оно проявлялось в том, что князья, как глаasil адат, “пользовались лучшими землями для пастбищ своего скота на всем пространстве земли, на котором живут покровительствуемые ими аулы, близ того аула, в котором живут сами, даже пользуются правом ограничивать для себя собственно удобнейшую землю под хлебопашество и сенокос”³³. Значение этого адата заключалось в том, что князьям в фактически феодальную собственность стали переходить не только пахотные земли, но лесные и сенокосные угодья. “Рубка леса разрешалась только с позволения князя и при уплате определенной дани”³⁴. Кроме того, тлекотлешам принадлежали свои аулы, которые, по желанию князя, могли переноситься с одного места на другое.

Более мелкие феодалы (уорки у черкесов, агмиста у абазин) получали земли во владение у князей и тлекотлешей на условиях службы. Здесь мы видим право князей распоряжаться принадлежавшими им землями. Именно поэтому дворяне были обязаны идти по зову князя или тлекотлеша на войну, составляя вооруженный конвой.

О наличии подобных отношений у черкесов и абазин С.Броневский писал: “Большая часть земель разделена между дворянами как бы на откупном праве, потому что земля почитается за собственность князей”³⁵.

Однако для феодальной собственности черкесов и абазин в XIX веке характерно множество черт патриархального общества. В первую очередь наряду с феодальной собственностью продолжало сохраняться и общинное пользование землей. Многие пахотные земли, луга, леса и воды еще находились в общинном пользовании. Земля обычно принадлежала не отдельному князю или дворянину, а целому княжескому роду, что чрезвычайно затрудняло куплю-продажу земли и делало ее фактически неотчуждаемой. В этом – одна из особенностей феодализма у горцев.

Феодальная собственность, бесспорно, переходила и по наследству. О правах наследования, в частности, имения, говорится в нормах обычного права черкесов. Л.Люлье прямо говорит о наследовании земель: “Невозможно определить, на каком основании совершился раздел земель, подвергшихся разделению на малые участки. Право владения определено, или лучше сказать, укреплено за владельцами несомненно, переход из рода в род бесспорный”³⁶.

О правах наследства говорится и в работе С.Броневского: “если отец умер без завещания, то сыновья делят между собой имение по равным частям, а дочерям, ежели есть ясыри, дают по одному ясырю, а когда нет, или есть, да мало, дают вместо того по одной лошади, или скотом соразмерно с имением”³⁷.

Нередко возникали между феодалами и крестьянами земельные споры, и владельцы старались доказать, что этой землей владели еще их предки. Так, князья Лоовы вели борьбу за земельные участки на урочище Тамлык с аульными обществами, представители которого доказывали, что земля была свободной”³⁸.

К.Ф.Сталь в этнографическом очерке черкесского народа также упоминает о различных спорах из-за земли, “затеваемых общинами против своих князей”³⁹.

Общества всячески пытались противиться наступлению князей на общинные земли и переходу общинных земель в руки феодалов. Следовательно, процесс перехода от общинной собственности к феодальной протекал в условиях классовой борьбы, встречая

сопротивление со стороны общинников. “Народ, угнетаемый князьями и дворянами, нередко прибегает к возмущению, хотя не улучшает тем самым судьбу”⁴⁰, – писал С. Броневский.

Постоянные притеснения черкесскими князьями и дворянами представителей простого народа – тльфокотлей – вылились в 1856 году в Черкесии в одно из наиболее крупных восстаний. Оно вошло в историю под названием “Пшиуорк-зау (Войны против князей и уорков)”. Бжедухи, доведенные до отчаяния, подняли вопрос о равенстве сословий и о равных правах. Об этом писал Султан Хан-Гирей: “Положили не повиноваться более дворянству, даже не оказывать отдельным лицам из его среды каких-бы то ни было приятельских услуг и, наконец, постановили, что всякий простолюдин (тльфокотль), убивший князя или дворянина, потеряет только свой заряд”⁴¹. Желание тльфокотлей обсудить свои проблемы на заседаниях народного собрания не увенчались успехом. Князья держались высокомерно и гордо, не желали идти даже на небольшие уступки народу. Очередное народное собрание должно было состояться в ауле Понежукай, куда тльфокотли, убедившиеся, что мирным путем с князьями договориться невозможно, явились при полном вооружении, “к борьбе приготовясь”⁴². В результате восстания многие представители горской знати были убиты, некоторые перебрались к абадзехам, а часть “дала присягу навсегда отказаться от своих притязаний и слиться с народом”⁴³.

Революционная ситуация, сложившаяся в России в 1860-х гг., накалила обстановку и в Закубанье, обострив отношения между горскими крестьянами и князьями. В связи со сложившейся ситуацией, помощнику начальника Кубанской области по управлению горцами была направлена копия указа Александра II с требованием “о принятии мер против происходящих в стране волнений”⁴⁴. Крестьянские волнения подавлялись в Закубанье самым суровым образом. Аресты и репрессии являлись обычным методом наказания горских крестьян.

Подготовка и проведение крестьянской реформы в Черкесии осложнялась наличием нескольких форм феодальной зависимости. Жесточайшей феодальной эксплуатации подвергались не только различные категории крепостных крестьян – пшитли и оги, патриархальные рабы (унауты), но и юридически незакрепощенные крестьяне – тльфокотли, находившиеся в фактической поземельной

зависимости. За пользование землей, как собственностью князя, так и никому не принадлежавшей, “подвластные должны платить князю ежегодно по семь мер проса и одному возу сена со двора”⁴⁵.

Если до присоединения Черкесии к России такая плата вносились за то, что горские феодалы Закубанья оказывали покровительство и защиту крестьянам подвластных им аулов, то после присоединения такая защита теряла смысл, так как черкесы, абазины, ногойцы являлись уже русскими подданными. Защиту от межобщинных или внутренних конфликтов надлежало искать в суде или у администрации, а не у князя. Горские князья, тем не менее, по-прежнему требовали от крестьян несения различного рода повинностей, от которых население категорически отказывалось. Поэтому сначала следовало решить вопрос о взаимоотношениях горских князей с тлфокотлями – основной массой населения, а затем уже освободить от крепостного гнета другое зависимое население – пшитлей, огов и унаутов. В связи с запутанностью земельных отношений решение аграрного вопроса в Черкесии не было единовременным, а вылилось в две самостоятельные реформы: земельную и крестьянскую.

Проведение земельной реформы в Закубанье задерживалось из-за постоянных переселений аулов в ходе военных действий с одного места на другое. Неопределенность прав на землю тормозила дальнейшее развитие хозяйства этого региона. Ни горские князья, ни зависимое население аулов не считали целесообразным устраивать хозяйство, “пока не будут отмечены формально аульные нормы с выдачей установленных планов и актов”, – писал командующий войсками Кубанской и Терской областей граф Евдокимов в 1861 г.⁴⁶ Таким образом, первоочередной задачей русской администрации было проведение земельной реформы в Закубанье, так как для дальнейшего развития хозяйственной жизни в этом регионе и во вновь присоединенных районах нужно было выделить каждому аулу определенные земельные наделы и уладить отношения между знатью и крестьянами на новых землях.

При проведении земельной реформы в Закубанье царская администрация решила сохранить обе формы земельной собственности, общинную и частную. Такой подход не ущемлял ни интересы самих русских администраторов, ни прав горской знати.

В июне 1861 года командующий войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютант граф Евдокимов обнародовал «Положение об устройстве поземельного быта горских племен Кубанской области»⁴⁷. Это был проект, который подтолкнул к дальнейшей разработке реформ.

Для проведения земельной реформы горское население было разделено на три категории с различными правами.

Первую категорию составляли крупные феодалы, которым выделялись большие земельные наделы в тысячи десятин в индивидуальное, вечное и потомственное владение. Абазинский князь Магомет-Гирей Лоов, ногайский мурза Адиль-Гирей Капланов-Нечев имели земельные наделы в пять тысяч десятин, черкесский князь Эдык Абуков, карачаевские князья Крымшамхаловы – по две тысячи десятин.

Вторую категорию составляли более мелкие дворяне, получившие в фамильную собственность от 100 до 300 десятин.

Большей части крестьянского населения, которая составляла третью категорию, выделялось в пользование на основе общинного права по 7 десятин на душу, либо, если у них уже были земельные наделы, не выделялось ничего.

Еще больше заботилась кавказская администрация о наделении землей офицеров и генералов Кавказской армии, а также чинов администрации, которые получили по несколько тысяч десятин. Генералы получали от 800 до 1 200 десятин, полковники – от 100 до 200 десятин, и т. д. Графу Н.И.Евдокимову было пожаловано 10 660 десятин, генерал-адъютантам П.Х.Граббе, Г.И.Филипсону и другим – по 6 000 десятин⁴⁸.

После такого перераспределения горских земель царское правительство попыталось узаконить свои действия. В связи с этим, весной 1862 г. граф Евдокимов подготовил новый проект «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России»⁴⁹. По этому положению, местные жители Черкесии были переселены на специально отведенные для них земли. «Лучшие, как по богатству природы, так и по красоте местности, земли Закубанского края не вошли в район горских округов и достались большей частью в надел казакам. Земли же, вошедшие в район горских округов, в особенности в район Урупского и Зеленчукского, вследст-

вие истребления в этих округах лесов, подвержены большей части неблагоприятным условиям, свойственным степным местностям”, – отмечает И. А. Гаврилов⁵⁰.

По “Положению” 1862 г. казакам отводилось от 20 до 30 десятин на душу мужского пола, в то время как горцам – до 4–5 десятин. По этому поводу граф Евдокимов писал, что “для горцев большой поземельный надел положительно вреден”, что “надел этот можно считать весьма изобильным”⁵¹.

В течение 1862–1863 гг. в Урупском и Зеленчукском округах было отмежевано “лицам первой категории” 27 участков в количестве 55 936 десятин”⁵². Однако до горского крестьянства в эти годы очередь так и не дошла.

Реформы проводились кавказской администрацией так, чтобы не урезать ни имущественных, ни земельных прав знати. Огромными земельными латифундиями были наделены крупные владельцы. Тысячи десятин были отданы в потомственное владение князьям и в личную собственность горским дворянам, а крестьяне получали в общинное пользование маленькие клочки земли, причем худшего качества. Например, дворянам выделялось от 100 до 200 и более десятин земли, а крестьянам-общинникам – по 7 десятин земли.

Таким образом, проект Евдокимова не только не ликвидировал, но даже укрепил феодальные отношения в горских округах, в том числе и в Карачае и Черкесии. Он усиливал феодальное землевладение, подчеркивал неравноправие простого народа и его зависимость от феодалов. Надо отметить, “что земельные отношения в карачаевских и черкесских аулах отличались коренным образом. В Карачае земля была в основном в частной собственности, так как, кроме общего для горских аулов крупного частного феодального землевладения, там исторически сложилась мелкая крестьянская собственность на пашни и поливные сенокосы. Эти земли не подлежали переделам. Выгоны, летние пастбища и леса по-прежнему оставались в общинном владении. В аулах Черкесии мелкая крестьянская собственность не сложилась. По земельной реформе там были созданы переделные земельные общины”, – отмечалось в рапорте правителя канцелярии Кубанской области надворного советника Г. Г. Коваленского начальнику Кубанской области Я. Д. Маламе⁵³.

Таким образом, земельная реформа, проведенная в горских округах Кубанской области, как в Карачае, так и в Черкесии, не разрешила основного вопроса – земельного, оставив крестьянство в поземельной зависимости от горской знати. В результате земельной реформы, по существу, был создан новый класс помещиков, который стал надежной опорой царской власти на этих землях.

§ 2. Особенности проведения отмены крепостного права в Карачае и Черкесии

В 60-х годах XIX века в России началась эпоха великих реформ, которая имела большое значение и для преобразования административного устройства у горских народов.

Буржуазные реформы в России начались с крестьянской реформы, то есть с отмены крепостного права, которое больше всего тормозило развитие новых капиталистических отношений. Очень сложным было социально-экономическое положение окраин империи, в том числе и Северного Кавказа, так как там еще сохранялись не только пережитки феодальных отношений, но даже примитивные формы патриархального рабства.

Новый император Александр II, царствовавший в 1855–1881 гг., будучи наследником, занимал умеренно консервативные позиции в отношении крестьянского вопроса. Но, вступив на престол в момент кризиса старой системы, пробуждения общественного сознания, стремления общества к реформам, он смог осознать ситуацию и начал искать новые решения и новых людей. “Стремление к преобразованиям обуяло всех”, – отмечал один из активных деятелей крестьянской реформы 1861 г., будущий военный министр Д.А.Милютин⁵⁴. Дворяне, встревоженные слухами о скором освобождении крестьян, обратились к Александру II, на что в ответ 30 марта 1856 года царь произнес знаменитую московскую речь, в которой прозвучало и знаменитое “Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу”⁵⁵.

Как известно, в России реформы были вызваны как социально-экономическими, так и политическими причинами. На Кавказе причины буржуазных реформ были иными. Предпосылки реформ на Северном Кавказе и, в частности, в Карачае и Черкесии, опре-

делялись не внутренними нуждами развития экономики края, а, прежде всего, экономическими и политическими потребностями России. Она нуждалась в Кавказе как в геополитическом пространстве, обеспечивающем ее границы со стороны Турции и Персии, а также как в источнике сырья и рынке сбыта. В Карачае и Черкесии, как и на всем Северном Кавказе, феодализм еще не вступил в стадию своего разложения, то есть здесь еще не было потребности в ускоренном развитии буржуазных отношений.

Главной задачей проведения крестьянской реформы в национальных районах, как ее понимала российская администрация, было расширение торгово-экономических связей центра России с национальными окраинами в целях формирования общероссийского рынка с разветвленной системой, включающей и отдаленные районы Российской империи. Поэтому экономическая необходимость развития крестьянской реформы в Кубанской области объясняется интересами бурно развивавшегося российского капитализма. Русская буржуазия нуждалась в новых рынках сбыта для своих изделий. «Крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынки дальше, среди того нового населения, которое колонизировало Новороссию, Юго-Восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.», – писал В.И. Ленин⁵⁶. Замкнутость натурального хозяйства, его слабая вовлеченность в товарно-денежные отношения тормозили проникновение в горские общества фабричных изделий, препятствовали развитию у них товарного производства. Таким образом, для дальнейшего «распространения сферы господства капитализма на новые территории»⁵⁷ требовалась отмена крепостного права и на Северном Кавказе.

Точка зрения В.И. Ленина, старавшегося убедить соратников в готовности России к социалистической революции, преобладала в работах советских историков, заставляя их начисто забывать о других причинах радикальных преобразований, вводивших Россию в число великих держав модернизирующегося мира.

Другой важной причиной проведения крестьянской и земельной реформы в горских округах Кубанской области была борьба крестьян за своё освобождение от власти местной знати. Крестьянские волнения принимали всё более широкий характер и доходили до самых глухих аулов. «Дух времени и слухи об осво-

бождении крестьян в России и Закавказском крае возымели свое действие, – писал главнокомандующий на Кавказе военному министру в 1866 г., – и случаи столкновений горских холопов с их владельцами и взаимные жалобы их становились всё чаще и чаще, делая отношения между ними всё более и более натянутыми”⁵⁸.

Жесткие условия отмены крепостного права в “Правилах” и весьма отрицательное отношение к предстоящей реформе представителей горской знати обострили классовую борьбу и в Кубанской области. Крестьяне, возмущённые тяжёлыми условиями по освобождению, “обманутые в своих надеждах, активизировали борьбу против феодалов и царской власти”⁵⁹.

Сообщения о массовом неповиновении, об отказе нести барщину и платить ренту местной знати поступали начальнику Кубанской области. 12 мая 1867 г. в Кубанскую администрацию обратились жители аула Хатажукай Лабинского округа с просьбой убедить владельцев “в облегчении и уменьшении выкупной суммы денег”, которую они “никогда не в состоянии выплатить”. Поступали и такие требования, как “об окончательном освобождении их от рабства”⁶⁰.

Слух об освобождении ясырей – крепостных крестьян у ногайцев Ставропольской губерний – еще больше обострил борьбу горских крестьян Кубанской области.

“Освобождение крестьян у инородцев Ставропольской губернии и особенно у черкесов и армян, приписанных к казачьим войскам, сильно встревожило закубанских горцев. И помещикам, и крестьянам стало ясно, что крестьянская реформа, охватившая их со всех сторон, коснется и их. Последствия такого сознания не замедлили обнаружиться, так как крестьяне, рассчитывая на самое близкое освобождение, стали оказывать неповиновение владельцам и не желали исполнять свои прежние повинности”, – писал в секретном сообщении полковник Дукмасов⁶¹.

Чтобы снять напряженность сложившихся отношений между знатью и юридически свободными общинниками, при проведении реформы были приняты некоторые меры к ограничению крепостного права. “В видах ограничения холопов и рабов от произвола их владельцев я признал справедливым воспретить продажу, дар и отчуждение их всяким иным способом из пределов одной области в другую”, – писал главнокомандующий Кавказской армией в

1865 г.⁶². Но частичные уступки не могли удовлетворить ни крестьян, стремившихся к полному освобождению от феодальной зависимости, ни феодалов, пытавшихся, наоборот, во что бы то ни стало сохранить своих крепостных. «Крайне напряжённые отношения между сословиями» подчёркиваются и в журнале заседаний по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа⁶³.

Для проведения реформ были созданы мировые посреднические суды, деятельность которых регулировалась специальной инструкцией. В их основную обязанность входило «определение размера годовой заработной платы для крестьян, обязать уплатить выкупную плату владельцу личным трудом»⁶⁴. Для разбора споров между крестьянами и владельцами назначались специальные посредники, по 2 человека с обеих сторон, которые получали за свою работу по 20 рублей в год⁶⁵.

Для изучения вопроса об освобождении крестьян на Северном Кавказе в конце 1866 г. был создан специальный «Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа»⁶⁶, председателем которого был назначен генерал-адъютант Карцев. Основная роль в деятельности Комитета отводилась сбору сведений «О родах и степенях зависимости»⁶⁷ и разработке основных положений по освобождению крестьян, причем работа проводилась так, чтобы не ущемить интересы владельцев. Дукмасов писал, что в области приступили к вопросу «о средствах и порядке прекращения обязательных отношений зависимых сословий к их владельцам, с возможным меньшим ущербом для господ и без крайнего отягощения крестьян»⁶⁸.

Сбором сведений по округам занимались чиновники и офицеры Кавказской армии. Эльбрусский округ был поручен адъютанту помощника главнокомандующего Кавказской армией штабс-капитану Бильдерлингу⁶⁹, хотя основную работу по сбору сведений по Эльбрусскому округу провел начальник округа Н.Г.Петрусевич, который намного лучше разбирался в нормах обычного права карачаевцев и абазин, чем приезжий чиновник.

Фактическое положение и земельные отношения не совсем соответствовали нормам, установленным адатом, что осложняло работу по сбору сведений.

Завершить свою работу Комитет предполагал к сентябрю 1866 г., но начальник Эльбрусского округа Н.Г.Петрусеви́ч сообщил, что по его округу сведения будут готовы не ранее января 1867 г.⁷⁰

По итогам сбора сведений Комитет приступил к выработке примерных условий освобождения. При этом знать рассчитывала на освобождение крестьян без земли и за большой выкуп, а крестьяне надеялись на бесплатное освобождение.

Для дальнейшей работы Комитет выработал примерный проект освобождения, для обсуждения условий которого кавказская администрация предложила избрать депутатов от владельцев и крестьян, что, несомненно, придавало видимость гласного обсуждения.

Каждое сословие избирало депутатов “соответственно тому, сколько крестьян было в их руках”⁷¹. Эльбрусский округ выдвинул 12 человек, в том числе от карачаевских владельцев – 6 человек (2 от биев, 3 от узденей и 1 от азатов) и крестьян – 6 человек. Кроме этих 12 депутатов по Эльбрусскому округу были выбраны по 2–3 представителя от абазинских и черкесских крестьян и владельцев. Выборы депутатов состоялись 1 октября 1867 года. С самого начала обсуждение условий вызвало между депутатами ожесточённые споры и разногласия. В основном, расходились на выкупных ценах, которые в Карачае, согласно нормам обычного права, были гораздо выше, чем у черкесов. В связи с этим, карачаевские владельцы были довольны ценами, установленными Комитетом. В итоге обсуждения совещание приняло решение о повышении выкупных цен. Так решающим при отчуждении оказалось мнение владельцев, а не крестьян.

“В Эльбрусском округе вырабатываются депутатами условия для взрослых мужчин и замужних женщин пшитлей значительно дороже, а в остальном вообще согласно с указаниями от 17 мая”, – сообщал начальник Кубанской области наместнику Кавказа⁷².

Следующим спорным вопросом был раздел крестьянского имущества. И на этот раз совещание поддержало требование владельцев, считавших, что половина крестьянского имущества должна перейти к ним, хотя, как отмечал начальник Эльбрусского округа Н.Г.Петрусеви́ч, “желательно было бы, чтобы имущество крестьян не подвергалось делению пополам между освобож-

дающимися и владельцами”⁷³. Наконец, был разработан окончательный вариант условий освобождения крепостных крестьян, согласно которому свобода им доставалась за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отработываемый.

Согласно условиям, выработанным Комитетом, на бесплатной основе освобождались только дети до 7 лет и люди преклонного возраста. За детей крепостных крестьян, достигших 7 лет, выплачивали 20 рублей. Сумма увеличивалась на 5-10 рублей за каждый последующий год. Взрослые крепостные за своё освобождение платили налог в размере от 150 до 200 рублей в зависимости от социального положения. Например, в Карачае юльгюлюкулы платили 150 рублей, джолсузкулы – 200 рублей. Согласно данным В.П.Невской, “юльгюлюкулы имели право выбирать способ уплаты выкупной суммы: деньгами или имуществом, но денег, как правило, у крестьян не было, а имущество крестьян и без того подлежало разделу между ним и владельцем. В связи с этим, крестьяне отработывали свой выкуп в течение многих лет. Для башсызкулов отработки были обязательны по положению”⁷⁴.

При исключительно тяжелых условиях выкупа временнообязанные крестьяне не освобождались от несения различного рода повинностей в пользу владельцам. В течение шести дней, за исключением одного свободного, крестьянин ухаживал за скотом, убирал, обрабатывал землю хозяина. Даже получив от крестьянина выкуп, владельцы не хотели отдавать самый маленький клочок земли, т. е. карачаевские крестьяне, выплатив за себя выкуп, всё равно не получали фактического освобождения, так как оставались в поземельной зависимости от владельца. Суть реформы остроумно прокомментировал Г.Ф.Чурсин, сказав: “Карачаевские феодалы взглянули на освобождение крестьян с самой широкой точки зрения и отпустили бывших холопов на все четыре стороны, освободив их от рабства и от земли, на которой они сидели”⁷⁵.

Таким образом, освобождаемые крестьяне совершенно лишались земельных наделов и не имели возможность выплатить за себя выкуп. Такой подход к решению земельного вопроса не соответствовал положениям Кавказского Комитета, согласно которым освобождаемые крестьяне должны были наделаться земельными наделами так же, как и свободные крестьяне, по общинному праву.

Во-вторых, этот подход не отменил крепостнический характер дальнейших мероприятий.

Тяжелые условия выкупа грозили полным разорением хозяйству освобождаемых крестьян. «На некоторое время крестьяне останутся в условиях гораздо более тяжелых, чем в каких они находились до настоящего времени»⁷⁶, – писал о сложившейся ситуации начальник Кубанской области. Но даже такие условия выкупа не удовлетворяли горских феодалов, стремившихся совершенно избежать приближающейся реформы. «Освобождение крестьян есть мера, противная желанию владельцев», – отмечал Н.Г.Петрусович⁷⁷.

Мечтая о бесплатном освобождении, крестьяне отказывались заключать добровольные сделки. Ещё больше обострило ситуацию проведение крестьянской реформы в Терской области, где крепостное право было отменено на год раньше, чем в Кубанской области. «Крестьяне, рассчитывавшие на близкое и даровое освобождение и обманутые в своих надеждах, не переставали оказывать от времени до времени неповиновение владельцам. Дело шло к разрыву», – сообщал полковник Дукмасов⁷⁸. Потеряв надежду на настоящую свободу, крестьяне согласились на выкупные сделки на любых условиях.

Заключение добровольных сделок началось в Карачае в конце 1867 г. Крайним сроком для их заключения было назначено 1 мая 1868 года. За это время по таким сделкам освободились 980 человек. В течение первых 3-х месяцев 1868 г. было освобождено еще 1381 человек⁷⁹.

Чтобы обеспечить владельцев на период посевных, уборочных и сенокосных работ рабочими руками, кавказская администрация, продолжая поддерживать горскую знать, перенесла установленный срок отмены крепостного права с 1 мая на ноябрь 1868 года.

При проведении крестьянской реформы сказывалось и пренебрежительное отношение царизма к большинству населения национальных окраин. С «Правилами об освобождении зависимых сословий в горских округах Кубанской области» большая часть крестьянства не могла быть ознакомлена. Многие не имели ясного представления о том, как будет производиться освобождение, т. к.

“Правила” не были переведены местной администрацией на национальные языки.

Объявление об освобождении крестьян было оглашено 1 ноября 1868 г. в торжественной обстановке. Начальник Кубанской области объявил о том, что с этого дня крестьяне считаются свободными. Однако это торжественное провозглашение свободы не соответствовало истинному положению вещей. Крестьяне не могли почувствовать себя свободными, так как условия выкупа были очень тяжелыми. Это волновало и кавказскую администрацию, которая опасалась народных волнений.

“1 ноября прошло и даже без серьезных недоразумений между освобождаемыми и их бывшими владельцами”⁸⁰, – отмечалось в рапорте и. о. начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Своева.

Для заключения обязательных сделок об освобождении крестьян с первых чисел ноября 1868 года приступил к работе мировой посредник, прибывший в Карачай специально для урегулирования различных конфликтов.

Работа началась с северной части Карачая: в Хумаре, Каменномосте и на Маре выкупные сделки были заключены за 8 дней. Затем работа была продолжена в Хурзуке, где больше всего было крепостных⁸¹, позже в Учкулане и Карт Джурте. За ноябрь в Карачае от крепостного права было освобождено 945 человек, из них 521 мужчина и 424 женщины. Всего в Карачае было освобождено 2 806 человек⁸².

Намерение кавказской администрации провести реформы в течение 1868 года не соответствовало реальной действительности, так как фактически реформа только начиналась в конце 1868 года. Для действительного освобождения от своих владельцев крестьянам еще нужно было выплатить огромные суммы или их отработать.

Всего на территории Карачая и Черкесии было освобождено от крепостного права и рабства более 6 тысяч человек. Норма выкупной платы, установленной для черкесов, абазин и ногайцев, была разная: пшитли у черкесских племен за свое личное освобождение платили 200 рублей, у абазин и ногайцев – 300 рублей. Это объясняется тем, что цены на крепостных и рабов у абазин и ногайцев были выше, чем у черкесов, хотя, по проекту Комитета,

размер выкупных платежей для всех трех народов устанавливался одинаковым. Бесплатно освобождались только дети до 7 лет и старики (женщины с 45 лет, мужчины с 55 лет)⁸³. Размер выкупа, который должны были внести крестьяне, зависел от возраста. В течение 6 лет нужно было внести нужное количество денег для погашения выкупной суммы.

Более высокую сумму за свое освобождение должны были вносить унауты, которые считались собственностью владельцев. Кроме того, они оставались на два года в обязательных трудовых отношениях с владельцами, что приравнивалось к половинной плате выкупа. Бесплатному освобождению подлежали унауты до 7 и после 45 лет.

Для лиц остальных возрастов определялись следующие выкупные суммы:

- с 7 лет – 20 рублей;
- с 8 лет – 30 рублей;
- с 9 лет – 40 рублей;
- с 10 лет – 55 рублей;
- с 11 лет – 70 рублей;
- с 12 лет – 95 рублей;
- с 13 лет – 120 рублей;
- с 14 лет – 160 рублей;
- с 15 до 35 лет – 200 рублей;
- с 35 до 38 лет – 150 рублей;
- с 38 до 42 лет – 100 рублей⁸⁵.

Согласно обязательным условиям, выработанным Комитетом, каждое крестьянское хозяйство при освобождении обязано было иметь не менее одной пары быков и одной коровы⁸⁶. Такую заботу кавказская администрация проявляла не о крестьянине, а о владельце, так как хозяйство необходимо было крестьянину для того, чтобы «приобрести средства, чтобы уплатить выкуп владельцу»⁸⁷. Если же крестьянин не мог обзавестись таким количеством скота, владелец обязан был предоставить его крестьянину, но за особую плату.

Условия освобождения крестьян от гнета феодалов в Черкесии, как и в Карачае, обсуждались на совещании, созванном начальниками округов. Депутаты от владельцев и крестьян совместно вырабатывали проекты освобождения по округам на основе уже

разработанных Комитетом общих положений. В ходе обсуждения условий между владельцами и крестьянами шла настоящая борьба. Знать хотела направить обсуждение по нужному для себя руслу, как можно больше увеличить плату и “оттягать” в свою пользу основную часть крестьянского имущества. Были и такие владельцы, которые намеревались требовать выкуп даже с годовалых младенцев и 60-летних стариков⁸⁸.

В октябре 1867 года в Урупском округе был выработан первый вариант проекта, на основании которого бесплатному освобождению подлежали дети до трех лет и лица от 51–56 лет. Выкупная сумма была значительно увеличена. Пшитли мужского пола от 6 до 50 лет и женщины в возрасте до 45 лет за своё освобождение выплачивали сумму в размере 200 рублей⁸⁹. При разделе имущества лучшая часть переходила к владельцу⁹⁰. Огам полагалось платить половинную сумму выкупного платежа пшитлей. Унауты обязаны были обрабатывать свою свободу в течение 5 лет, из них два года они должны были работать бесплатно.

Всего в пяти черкесских округах Кубанской области было освобождено 17 630 человек; в том числе пшитлей – 14 295 человек, унаутов – 3 172, огов – всего 163 человека. Эти люди находились в разных степенях крепостной зависимости. Самую большую группу зависимых составляли пшитли.

Заключение добровольных сделок по освобождению зависимых крестьян в Черкесии значительно увеличилось с начала 1868 года.

Владельцы, смирившись с тем, что сохранить крестьян “на вечные времена” невозможно, старались провести освобождение так, чтобы не ущемить своих интересов. Поэтому они предпочитали освобождать крестьян на условиях добровольной сделки.

Условия обязательного освобождения были объявлены крестьянам Черкесии 1 ноября 1868 г. “В этот день по аулам и селениям горских округов Кубанской области было прочитано объявление начальника Кубанской области”⁹¹. Окончательный проект освобождения крестьян был выработан с максимальным учетом интересов владельцев.

Неудивительно, что крестьяне враждебно восприняли такие условия освобождения. В отличие от Центральной России, где крестьяне формально получили личную свободу без выкупа, кре-

постные и рабы на Северном Кавказе, в том числе и в Кубанской области, обязаны были за свое освобождение заплатить значительный выкуп. Личная свобода крестьян, за исключением женщин-огов, 55-летних стариков пшитлей, 50-летних унаутов, а также детей до 7 лет, “обязывала внести за себя выкуп... или личную работу в пользу владельцев в течение известного периода времени, или же деньгами”⁹². Выкуп за личную свободу составлял сумму в размере 150-200 рублей, причём, если в установленный срок (6 лет) крестьянин не мог их выплатить или отработать, выкупные платежи приравнивались к казённым недоимкам.

Таким образом, установив сроки выполнения выкупных сделок, “Правила” превращали крестьян во временнообязанных, которые в течение указанного срока юридически находились на бесправном положении, так как они обязаны были отбывать в пользу владельца “все работы, какие выполняли они во время состояния в зависимости”⁹³.

Тяжелые условия выкупных сделок поставили крестьян в более затруднительное положение, чем до реформы. Крестьяне лишились значительной части скота, домашней утвари, сельскохозяйственного инвентаря, а при неуплате выкупных платежей теряли и оставшуюся часть делимого имущества.

Как известно, крестьянская реформа в горских округах Кубанской области продолжалась вплоть до начала 1869 г., от крепостной зависимости было освобождено около 16 500 горских крестьян⁹⁴. Однако численные показатели не могут показать всю противоречивость и сложность проведённой реформы. Для понимания сущности, специфики и особенностей крестьянской реформы, проведённой в горских округах Кубанской области, важны ее результаты. В целом, отмена крепостного права, проведённая в горских округах на семь лет позже, чем в центральной России, не сумела полностью ликвидировать крепостную зависимость крестьян-горцев от их бывших владельцев. Крупнейшие земельные владения продолжали оставаться в собственности князей и дворян. Крестьяне же наделялись небольшими участками земли, чтобы обеспечить возможность выплат на Северном Кавказе государственных податей и провинностей. В результате реформы для “освобождённых” от крепостной неволи был установлен громадный денежный выкуп в размере от 150 до 300 рублей в зависимо-

сти от возраста и категории зависимых крестьян. Большую часть земли горские крестьяне Кубанской области в собственность не получили. “Вышедший на волю нищим и ограбленным, горец попадал в руки тех феодалов и ростовщиков, которые за огромные деньги сдавали в аренду незначительные клочки земли горской бедноте”⁹⁵.

Таким образом, анализ результатов отмены крепостного права в Карачае и Черкесии показывает нерешенность аграрного вопроса и после реформы. Наблюдается дальнейшее ухудшение уровня жизни основной части населения Кубанской области. Кабальные методы эксплуатации бывших крепостных крестьян и рабов привели к обострению социальных противоречий в обществе и его дроблению на новые классы. Но даже такая частичная отмена крепостного права была прогрессивным явлением. В горских округах она покончила с рабством, а также частично освободила крестьян от крепостной зависимости. Положительная роль и значение крестьянских реформ заключалась в том, что они подорвали основы патриархально-феодальных отношений, разорвали замкнутость натурального крепостнического хозяйства. Несмотря на то, что элементы патриархальных отношений продолжали сохраняться в Карачае и Черкесии и в пореформенный период, крестьянская реформа, проведенная здесь в 1868 г., способствовала втягиванию местного населения в систему всероссийского рынка, проникновению в горские аулы более прогрессивных отношений.

Глава III. Административные преобразования

§ 1. Система приставств

Первым шагом к созданию местной администрации у подчинившихся России горских народов было введение системы приставств. Приставские управления вводились у народов, перешедших к России, “для присмотра за поведением” местного населения и исполнением им “распоряжений правительства”¹.

Раньше, чем у других народов Северного Кавказа, система приставств была создана у ногайцев. После включения территории ногайцев в состав Российской империи ногайские орды были подчинены новому административному делению и новому военно-административному управлению, в результате чего были упразднены их традиционные органы управления.

В начале XIX века высшая власть в ногайском народе оказалась в руках военного командования. Многие из представителей ногайской феодальной знати, в основном, султаны и мурзы, поступили на службу в военно-колониальные управления. Приставом ногайского народа был назначен в 1803 году генерал-майор Султан Менгли-Гирей. Он был представлен на эту должность наместником на Кавказе князем Цициановым и утвержден Александром I.

Причины, вызвавшие столь высокое назначение Султана Менгли-Гирея, Цицианов объяснил следующим образом: “По прибытии моем сюда, ногайские разных родов татары, выведенные из-за Кубани и поселенные около бештовых гор, подали мне жалобу на пристава Корнилова в отягощении их непозволительными поборами и всякого рода мздоимствами. Но, как известно мне по многим отношениям, что пристав Корнилов в корыстовании взятками изобличается и, следовательно, подлежит к сомнению, то я осмеливаюсь на место его представить на высочайшее утверждение генерал-майора Султан Менгли-Гирея”².

11 декабря 1803 года Султану Менгли-Гирею было предложено принять в свое ведение “хасбулатовцев, кипчаковцев, едиганцев, наврузовцев, абазин и всех, бывших в подчиненности у

пристава Корнилова” и быть “в непосредственной зависимости от главнокомандующего Кавказской линии”³.

Закубанская территория, где проживали ногойцы, в административном отношении была разделена на три приставства.

1. Главное приставство закубанских народов. Оно ведало ногойскими племенами и дударуковскими абазинами. Центром приставства являлся Невинномысск.

2. Тохтамышевское приставство. В него входили ногойцы рода тохтамыш, абазинские и кабардинские аулы. Их возглавлял капитан русской армии ногоец Султан Азамат-Гирей. Центр приставства находился в укреплении Усть-Джегут.

3. Бесленеевское приставство. В него входили бесленеевские и закубанские армяне, а также наврузовские ногойцы.

Деятельность этих трех частных приставов координировал главный пристав, обязанности которого были определены инструкцией от 28 мая 1802 г.⁴.

Согласно Инструкции 1802 г., приставы должны были назначаться в основном из офицеров русской армии, знакомых с обычаями и характером горцев, но “для племен, более других известных своеволием и дикостью нравов, избираются в приставы благонадежные и достойнейшие из горцев”⁵. Приставы должны были:

- 1) приводить в исполнение распоряжения начальства, касающиеся до управления их народа;
- 2) охранять общества от внешних враждебных покушений, употребляя для того самих жителей;
- 3) наблюдать за внутренним спокойствием, обуздывая своеволие или неповиновение и преследуя людей неблагонадежных;
- 4) заботиться о внутреннем благоустройстве и возможном улучшении состояния жителей;
- 5) наблюдать, чтобы спорные дела решались справедливо, по существующим народным обычаям, лицами, которым предоставлено это право;
- 6) наблюдать, чтобы лица, содействующие ему в управлении, исполняли свои обязанности и имели должное от жителей уважение;
- 7) разрешать незначительные спорные дела, которые ранее по обычаю находились в ведении муллы.

Более важные случаи должны были разрешаться при личном посредстве пристава. За уголовные преступления виновные, согласно Инструкции, должны были предаваться военному суду;

8) в случае несогласия или жалобы на решения духовных дел кадием, приставу предоставлялось право разбирать спорные дела в присутствии нескольких духовных лиц⁶.

Старшины, на которых, согласно Инструкции, возлагались полицейские функции, находились в полном повиновении приставам.

Система управления кочующими ногайцами в XIX веке менялась неоднократно. Сначала ногайцы находились в ведении Кавказского генерал-губернатора. С 1802 года ногайцами ведала Государственная коллегия иностранных дел, а с 1841 года “все кочующие племена: ногайцы, калмыки и туркмены” – были переданы под попечительство Министерства государственных имуществ.

Значительный численный рост ногайского населения на Северо-Восточном Кавказе заставил губернскую администрацию принять меры по созданию управленческого аппарата. В связи с этим ногайцы, проживающие в степных районах Северного Кавказа, были распределены на 4 приставства:

- Калаусо-саблинское;
- Калаусо-джембойлуковское;
- Ачикулак-джембойлуковское;
- Караногайское.

В “Калаусо-саблинское” бештау-кумское приставство⁷ вошли ногайцы родов касай, мангит, едисан, едишкуль, кочевавшие по Большому и Малому Янкулаю, по верховьям реки Калаус и её нагорной части. Часть приставства охватывали район Пятигорья, долины рек Верхней Кумы, Подкумка и их притоков. Кроме того, проживали здесь и горские народы: кабардинцы, абазины и бесленеевцы.

К Калаусо-джембойлуковскому приставству были отнесены низовье Калауса и районы бассейнов небольших рек Айгур, Барханчак, Камбулат и Кугульта. В его ведении находились ногайцы родов месит, канглы, карарюм.

Ачикулак-джембойлуковскому приставству была передана территория закумской безводной части между Моздоком и рекой

Кумой, принадлежащей Моздокскому округу. Кочевали здесь в основном едисанцы и джембойлуковцы⁸.

Караногай-едишкульское приставство располагалось на территории Моздокского и Кизлярского уездов. Территориальные границы этого приставства сложились гораздо раньше, чем в трёх предыдущих районах. Ему подчинялись караногайцы и едишкульцы.

Согласно ведомости главного пристава кочующих народов (таблица 1), численность ногайского населения в Кавказской области по состоянию на 16 октября 1838 г. составляла 64 232 души обоего пола.

Таблица 1⁹

№	Наименование приставств	Число душ		Кол-во жилищ	
		жен.	муж.	Подвижн. (кибитки)	Неподвижн. (сакли)
1	Караногай-едишкульское	16 922	15 745	5 137	—
2	Калаусо-джембойлукское	6 338	5 915	—	1 714
3	Ачикулак-джембойлукское	3 891	3 392	1 270	—
4	Калаусо-саблинское	6 139	5 890	—	1 918
	Итого:	33 290	30 942	6 407	3 632

В 1822 году Султан Менгли-Гирей, почти двадцать лет возглавлявший Главное приставство ногайских народов, был освобожден от своих обязанностей. Его отставка была вызвана тем, что он не сумел прекратить постоянные столкновения ногайцев с казаками, разрешить внутренние противоречия ногайского общества и, как следствие, допускал частые переходы ногайцев в пределы турецких владений. Вот почему и последовал рескрипт царя Александра от 24 июля 1822 г., согласно которому генералу А.П.Ермолову поручалось по местному усмотрению постепенно принять следующие меры:

“1) управление ногайцами соединить в лице одного главного пристава, коего выбор и определение вам предоставляется;

2) сложить все по сему предмету обязанности с Султан Менгли-Гирея и нынешнего главного пристава;

3) предоставить Султан Менгли-Гирею свободу жить, где пожелает; в вознаграждение же оказанных Российскому правительству заслуг, сверх получаемого им ныне пенсионна по 4 800 рублей ежегодно, отвести в вечное и потомственное владение 5 тысяч десятин земли;

4) определение к другой должности нынешнего ногайского пристава предоставляется вашему усмотрению;

5) определить к ногайцам и трухменцам потребное число частных приставов по распоряжению вашему;

6) предоставляется вам снабдить главного и частных приставов для отправления их должностей временным наказом”^{10/11}.

Вскоре генералом Ермоловым был подписан “Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области, впредь до издания устава”¹².

В соответствии с “Наказом”, ногайцы, которые раньше находились в ведомстве Султана Менгли-Гирея, были переданы в ведение главного карангайского и трухменского пристава Балуева. Ногайцы же, проживавшие “около бештовых гор и по реке Куме, ниже песчаного редута, остались под личным управлением Султан Менгли-Гирея”¹³. Однако в 1827 году и эти ногайцы были присоединены к ведомству главного пристава. “Наказ”, подписанный генералом Ермоловым в 1822 году, 6 февраля 1827 года был утвержден уже как “Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области”¹⁴.

Значение “Устава” в проведении колониальной политики по отношению к ногайскому населению было огромным, так как в начале XIX века продолжала расти активность народных масс, боровшихся против феодально-крепостнического угнетения, против многочисленных бесчинств приставов, творимых ими в этом многоплеменном и неустроенном крае.

Именно в такой трудной политической обстановке осуществлял свою деятельность наместник Кавказа генерал А.П.Ермолов, отличавшийся, по словам современников, талантами государст-

венного и военного деятеля, большой трудоспособностью и глубокими знаниями.

С помощью правительства Ермолов пытался искоренить административные злоупотребления, которые получили широкое распространение; стремился к приобщению народов, населявших этот край, к порядкам Российской империи. Следует отметить, что он добился некоторых успехов, так как многие старые чиновники, злоупотреблявшие своим служебным положением, были преданы суду или сняты с должностей.

Образование приставств показало, что на северо-востоке Кавказа немисливо было управлять народом, не зная его обычных правовых норм. В связи с этим главный ногайский пристав Балуев и его помощники стали активно изучать быт, обычаи и социальную структуру ногайского народа, что имело существенное значение для дальнейшей организации управления присоединенными народами. Впоследствии эти сведения легли в основу вновь разработанного в 1827 году "Положения о кочующих народах", которое действовало до 1917 г.¹⁵

Естественно, "Устав" 1827 года, как и "Положение", не был дарован ногайцам только как "попечение об улучшении благосостояния их" со стороны правительства. Конечная цель "Устава" была направлена на окончательное подчинение ногайского народа, на утверждение в его среде российской системы административного управления.

Тем не менее, организация приставств имела положительное значение для дальнейшего развития ногайского общества, ввела административную определённость, способствовала дальнейшему искоренению родовых и феодальных междоусобиц, постепенной ломке остатков патриархально-родовых институтов. Установление военно-административного управления, твёрдого единообразного порядка и централизованной власти имело важное положительное социально-политическое последствие для ногайского населения. Постоянные феодальные распри и войны среди ногайцев были прекращены. На территории их кочевий стала развиваться русская крестьянская колонизация, которая способствовала подъему производительных сил края и приобщению к земледелию прежних кочевых племен.

В этот же период система приставств для осуществления “полицейской и административной власти”¹⁶ была установлена и у других народов Северокавказского региона.

Административные преобразования проводились правительством для более действенного управления коренным населением Северного Кавказа. По мере внедрения в жизнь горских народов русской административной системы общинное управление постепенно заменялось государственно-административным. Когда горские народы Кубанской области были переселены на “плоскость” по левому берегу р. Кубань, для административного управления ими были созданы два приставских управления (Верхне- и Нижне-Кубанское) и два окружных управления – Бжедуховское и Натухайское. “Каждому из этих административных учреждений были даны основания, сообразные положению населения и военным обстоятельствам”¹⁷.

В конце Кавказской войны ускорилось вхождение в состав России новых территорий, на которых продолжалось создание приставских управлений. В связи с этим, 16 октября 1862 г. на основании имевшегося уже разрешения командующего армией приказано было открыть ещё два приставских управления: Верхне-Лабинское и Нижне-Лабинское. К началу 1863 г. они уже начали действовать. Вновь учрежденным управлениям были подчинены горцы, проживающие на левом берегу р. Лабы и при устье р. Белой. К 1 июня 1863 года в двух Лабинских приставствах насчитывалось до 17 000 человек обоего пола, не считая крестьян, численность которых предполагалась до 9 000, и той части горцев, которые были поселены по р. Кубани, в районе Верхне- и Нижне-Кубанских приставств.

Для надзора и контроля над горским населением в Карачай и другие горские общества были назначены приставы, которые осуществляли там “полицейскую и административную власть”¹⁸.

Они являлись непосредственными представителями командования на месте и имели власть над данным народом. Население Карачая и Черкесии лишалось свободы передвижения и свободы общения с другими народами¹⁹, то есть фактически назначение приставов было введением режима военной оккупации.

Как известно, российские власти старались всегда поддерживать феодальную верхушку завоеванных народов, в том числе и в

закабалении крестьян. Все это вызывало сопротивление горского населения, заставляло его бороться не только против собственных владельцев, но и против новой администрации. Карачаевские крестьяне, например, активно выступали против пристава Мистулова, разорявшего их бесчисленными штрафами и поборами.

В основном приставы назначались из русских офицеров, очень редко из горцев, но другой национальности. Например, приставом карачаевского народа в 50-х годах XIX века стал осетин – войсковой старшина Турчиев²⁰. И только в виде исключения за особые заслуги перед самодержавием тот или иной представитель местной знати назначался, как Султан Менгли-Гирей²¹ – приставом своего народа. Но такие случаи были единичны.

“Деление на приставства было очень неустойчивым и неудобным, так как число приставств, их названия и границы постоянно менялись. Порою один и тот же народ входил в несколько приставств или, наоборот, в одно приставство входили совершенно не родственные народы. Это объяснялось тем, что приставства создавались по мере завоевания царизмом новых территорий Северного Кавказа”²².

Согласно “Записке главного штаба Кавказской армии” от июля 1847 года, на Северном Кавказе было создано около 20 приставских управлений. Это были приставства “Бесленевских народов”, “Тохтамышевских аулов”, “Карачаевского народа”, “Урусбиевского, Хуламского, Чегемского и Балкарского народов”, “Мало-Кабардинское”, “Дигорское”, “Кумыкское”, “Назрановского народа”, “Карабулаков и чеченцев”, “Надтеречных чеченцев и Брагунского народа”²³. Главная задача приставских управлений заключалась в присмотре за поведением горских народов и исполнении ими “распоряжений правительства”²⁴.

О том, как часты были преобразования приставств, свидетельствует анализ их изменений за 15 лет.

В 1847 году на правом крыле Кавказской линии существовали пять приставств:

1) Главное приставство закубанских народов; оно ведало ногайскими племенами и дударуковскими абазинами. Центром приставства был Невинномысск;

2) приставство тохтамышевское, ведавшее ногайцами рода тохтамыш, во главе которого был капитан русской армии ногаец

Султан Азамат-Гирей. Сюда входила часть абазинских и кабардинских аулов. Центр приставства располагался в укреплении Усть-Джегут;

3) приставство бесленеевское и закубанских армян, куда входили еще и наврузовские ногайцы;

4) приставство темиргоевского, егерукаевского, хатукаевского и бжедуховского народов;

5) приставство карачаевского народа.

В 1848 году карачаевскому приставству были подчинены абазинские аулы.

В 1851 году приставства темиргоевского, егерукаевского, хатукаевского и бжедуховского народов были упразднены, а вместо них в 1852 г. было учреждено новое приставство – Нижне-Кубанское.

В 1855 году было упразднено главное приставство закубанских народов, вместо него создано приставство карамурзинских и кипчаковских ногайцев.

В 1856 году основано еще одно новое приставство – тебердинское. Оно просуществовало всего год.

В 1857 году приставство бесленеевское и закубанских армян было объединено с приставством карамурзинских и кипчаковских ногайцев в одно приставство закубанских ногайцев, а к карачаевскому приставству было присоединено тебердинское²⁵.

В 1861 году карачаевское приставство, вместе с присоединенным к нему тохтамышевским приставством, было переименовано в Верхне-Кубанское, а приставство закубанских ногайцев – в Нижне-Кубанское²⁶. Тогда же было образовано Лабинское приставство, объединившее народы, жившие между реками Белой и Лабой²⁷.

Согласно данным Ж.А.Калмыкова, политические права горцев Кубанской области, да и всего Северного Кавказа, были настолько ограничены, что они становились только “исполнителями распоряжений военных властей”²⁸.

Система приставств, несмотря на свою недостаточность, сыграла определенную положительную роль в организации управления горскими народами. Именно в период их существования стали исследоваться адаты – нормы обычного права народов Северного Кавказа. “Была подготовлена почва для дальнейшего усо-

вершенствования управления регионом: искоренялись старые родовые институты, вводилась административная определенность, происходила постепенная трансформация правосознания горцев, приспособление горских обществ к общеимперскому управлению и праву²⁹.

К 1863 г. приставства как переходная форма правления, необходимая для военного времени, выполнили возлагавшиеся на них функции и обязанности. После завершения Кавказской войны несостоятельность приставских управлений стала очевидной. По окончании активных военных действий система приставств стала тормозящим фактором, мешающим дальнейшему оперативному управлению регионом. Осенью 1864 года приставские управления были упразднены и заменены окружными правлениями.

§ 2. Создание военно-народного управления

С 1860-х гг. до конца века, считает майкопский историк В.Н.Мальцев, начинается новый период в проведении реформ, связанный не с войной, а с мирной жизнью. Новые реформы осуществлялись «в ходе мирного экономического освоения, иной политической обстановки»³⁰. Но мирная жизнь была затруднена продолжавшейся вынужденной миграцией горского населения в Турцию. Положение закубанских горцев до и после окончания войны, по сравнению с другими народами Северного Кавказа, оказалось наиболее тяжёлым. «Война, – писал Е.Д.Фелицын, – шла с неумолимой суровостью, посевы их истреблялись или вытаптывались лошадьми, а жители, изъявлявшие покорность, выселялись на плоскость под управление наших приставов, некоторые же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию»³¹.

Первыми, кому пришлось покинуть свои родные места, были бесленеевцы, занимавшие течение реки Ходзь. Здесь с 1861 г. началось возведение казачьих станиц.

«При переселении горцев в Турцию с мест жительства, – писали в своих донесениях царские чиновники, – нужно было принять особые меры, чтобы не заставлять их разбежаться по трущобам и тем наделить край бездомными людьми, готовыми на всякое хищничество. Необходимо было устроить дело так, чтобы они шли на переселение массами с наименьшею растратой своего имуще-

ства и чтобы не доводить их до крайности... Войска должны были двигаться облавой и понуждать целые аулы к переселению, давая им кратковременный срок для сбора имущества”³².

Источники свидетельствуют, что “общая численность западных адыгов, переселившихся в Турцию за период с 1858 по 1864 годы, по официальным данным, составляет 398 955 человек, включая 30 тысяч прикубанских ногойцев. В одном только 1864 году переселилось 342 748 человек адыгов. Но эти данные могут не отражать действительного положения”³³. По тем же официальным данным, в 1865 году в Кубанской области оставалось всего 106 798 адыгов, что, по мнению многих ученых, составляет всего 1/10 часть народонаселения Черкесии первой половины XIX века. “Если учесть, что численность западных адыгов в первой половине XIX века доходила до одного миллиона человек, то можно представить, сколько жизней унесла освободительная борьба горцев и сколько адыгов было изгнано на чужбину”, – пишет известный кавказовед А.Х.Касумов³⁴.

Из Кабарды ушло свыше 100 семейств. Переселение имело место также в Дагестане³⁶. Особенно массовый характер оно приняло в Абхазии³⁷.

Так завершилась вековая, кровопролитная Кавказская война, принёсшая народам Северного Кавказа неисчислимы страдания, гибель сотен тысяч людей, разорение экономики, запустение многих районов, массовый исход горцев, особенно адыгов, за рубеж, в пределы Османской империи. После переселения основной массы коренного населения Кубанской области в Турцию здесь остались жить те народы, которые до окончательного покорения Кавказа были переселены на Прикубанскую равнину и входили в Бжедуховский и Абадзехский округа, в Верхне- и Нижне-Кубанские приставства. Только карачаевцы остались на своих прежних местах, так как они не были переселены.

После окончания Кавказской войны российское правительство приступило к перестройке системы колониального господства на Северном Кавказе.

Следующим этапом административного реформирования Северного Кавказа стало введение системы военно-народного управления. Основными нормативными актами, регулирующими деятельность кавказской администрации в этом направлении, стали

“Особая инструкция для управления горцами”, составленная князем А.И.Барятинским, и инструкция “По управлению народами, не вошедшими в состав гражданского управления”³⁸.

На военно-народное управление возлагались, в основном, полицейские обязанности. В отчете кн. Барятинского за 1857-1859 гг. были изложены основные цели и задачи административного управления горскими народами:

1) судебные и полицейские функции возлагались на представителей царской администрации, в частности, на русских офицеров. Гражданские лица от управления отстранялись;

2) было сохранено применение норм обычного права, но по достаточно ограниченным категориям дел; вводилось словесное судопроизводство; на духовный суд возлагалось решение только тех дел, которые были связаны с религиозными нормами³⁹;

3) для естественного процесса формирования государственности и гражданственности у горцев создавались благоприятные условия; принимался ряд мер по восстановлению в правах высших сословий горского населения. Они должны были стать для российской администрации основной социальной базой;

4) предпринимался ряд эффективных экономических мер в целях повышения уровня благосостояния горцев (развитие торговли, промышленности, решение аграрного вопроса, выделение денежных пособий и т. д.);

5) проводился ряд мер, направленный на дальнейшее развитие культуры горцев, их традиций, на вовлечение их в сферу культурного влияния России.

Таким образом, система военно-народного управления ставила перед собой довольно сложный комплекс задач, охватывающий социально-политическую, экономическую и духовную жизнь горских народов Северного Кавказа. Результатом введения военно-народного управления должно было стать укрепление позиций России на Кавказе.

Следующим этапом административного реформирования Северного Кавказа было решение Главнокомандующего Кавказской армией князя Барятинского упразднить Кавказскую линию. Это было сделано его приказом от 3 мая 1860 г. Все пространство к северу от Главного Кавказского хребта “предписывалось впредь именовать Северным Кавказом”⁴⁰. В связи с этим были созданы

Ставропольская губерния, Кубанская и Терская области⁴¹. В Ставропольскую губернию, кроме русского и украинского населения, вошли степные кочевые народы: ногайцы, туркмены, калмыки Большедербетовского улуса. В Кубанскую область вошли карачаевцы, черкесы, западные адыги, ногайцы и абазины. В Терскую область вошли кабардинцы, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши.

Наряду с приставскими управлениями, в качестве временной меры, кавказская администрация первоначально создала два округа – Абадзехский и Шапсугский. После окончательного упразднения приставств было создано три округа: Верхне-Кубанский, в который вошли карачаевский, абазинский и армянский участки, Бжедуховский и Абадзехский. Опираясь на архивные документы, можно сказать, что округа, как и приставства, не изменили сущность управления и не внесли никакой организации в жизнь горских народов Кубанской области. “Вся забота бывших военнопольных управлений была обращена лишь на поддержание внешнего порядка в обществах и на исправное формирование милиции, предоставляя внутренние распоряжения в них старшинам и лицам высших фамилий”⁴².

В 1865 году Верхне-Кубанский округ был переименован в Эльбрусский.

В январе 1866 г. получило высочайшее утверждение “Положение об управлении горцами Кубанской области”, которое предусматривало скорые административные и судебные преобразования. К этому времени черкесские и абазинские аулы были переселены с гор на плоскость, а часть горцев предпочла переселиться в Турцию. Оставшуюся часть горских народов кавказская администрация расселила по левобережью средней Кубани и по ее притокам обоим Зеленчукам, Урупу, Лабее, Белой и Псекупсу. Не переселялись совсем и остались на своих местах только карачаевцы, проживающие в верховьях Кубани, а также некоторые ногайские аулы, которые не подвергались большим перемещениям.

Соответственно “Положению” 1866 года, местные жители Кубанской области были распределены по пяти военно-народным округам⁴³. Карачаевские и абазинские аулы по реке Куме и ее притокам, по этому “Положению”, вошли в Эльбрусский округ. Черкесы, абазины, ногайцы, жившие по Зеленчукам, – в Зеленчукский. Черкесы, ногайцы, армяне вошли в Урупский округ. Лабинский округ объединил аулы западных черкесов, расположенных по рекам Лабее и Белой. Псекупский округ объединил аулы западных

черкесов по среднему течению Кубани и нижнему течению реки Псекупс. Таким образом, начался процесс постепенного упразднения системы наместничества и переход к основам гражданского управления. К 1870 г. горское население, состоящее в военно-народном управлении, выглядело, по данным одного из документов РГИА, следующим образом, нашедшем отражение в таблице 2.

Сведения
о горском населении, состоящем в военно-народном управлении Кавказского края в 1870 г.⁴⁴

Таблица 2

	Душ обоего пола	Пространство, занимаемое гор- ским населением	Плотность на- селения на одну квадратную версту:
В Кубанской области	92,977	11,036 кв. верст	8 ^{1/3} душ
В Терской области	299,415	27,402	11
В Дагестанской области	432,773	23,784	18 ^{1/2}
В Сухумском отделе	66,478	6,020	11
В Закатальском округе	52,858	3,497	15
ИТОГО	943,858	71,541	

Предположение о будущем административном разделении горцев Кубанской области имело место и в докладе Генерального штаба подполковника Дукмасова за № 20 от 25 марта 1865 г. начальнику Кубанской области. В своем докладе горское население Кубанской области Дукмасов делит на 6 групп:

В первую группу предполагалось включить бжедухов, живущих на низменной Кубанской равнине между реками Афипсом и Пшишем, составляющих более 12 тыс. человек. Необходимо было причислить к ним “остатков натухайского и шапсугского народов, составляющих 13 643 тыс. человек обоого пола”⁴⁵. Основная же масса натухайского и шапсугского народов была насильственно, “силой оружия”, переселена в Турцию⁴⁶.

Вторую группу должны были составить “остатки” абадзехов, темиргоевцев, егерукаевцев и других мелких черкесских народов, живших разбросанно на реках Лабе, Фарсе, Белой. Их количество доходило до 10 тыс. человек. Абадзехи также предпочли уйти в пределы Османской империи вместо переселения на равнину.

Абдзахские депутаты обращались к самому Александру II с просьбой оставить их на местах их прежнего обитания. Но ответ царя был резким и категоричным: “Даю вам месячный срок одуматься. Через месяц вы должны объявить графу Воронцову, желаете ли перейти на места, указанные вам по р. Кубани, или же переселяйтесь в Турцию”⁴⁷.

В третью группу включались кабардинцы и махашевцы, жившие выше и ниже Лабинской станицы по рекам Ходзь и Чохрам. Число жителей этой группы составляло 11 тыс. человек.

Четвертую группу составляли “разноплеменные” жители Армавирского участка в количестве более 7 тыс. человек.

Пятую группу образовали жители Лабинского участка – ногайцы, абазинцы, кабардинцы, бесленеевцы и даже шапсуги, жившие по Кубани и Большому Зеленчуку числом в 12 742 тыс. человек.

В шестую группу были зачислены карачаевцы в количестве более 14,5 тыс. человек и причисленные к ним кумские абазинцы (чуть более 1,5 тыс. человек), что составило население в 16,35 тыс. человек. “Абазин полезно оставить на Куме и соединить с карачаевцами для того, чтобы лучше следить за тем, что будет происходить в Карачаевском обществе, но необходимо оградить их от притеснений большого Карачаевского общества”, – говорилось в докладе Дукмасова⁴⁸. Но учредить шесть особых отдельных управлений стало невозможным из-за отсутствия такого же количества чиновников, “вполне знакомых с обязанностями службы по военно-народным управлениям”⁴⁹.

Царская администрация предполагала решить две взаимосвязанные задачи. Первая состояла в том, чтобы добиться “органического единения горских народов с Россией”, вторая – установление над местным населением “твёрдой” правительственной власти⁵⁰. По мнению Ж.А.Калмыкова, именно желанием создать прочную правительственную власть объяснялось решение оставить управления в ведении военного ведомства, но привлечь представителей местного населения к сотрудничеству в сельской администрации и в судебных органах⁵¹. “Царизму, – считает историк, – необходимо было пойти на такой шаг с тем, чтобы сделать опорой своей власти местных феодалов и создать видимость народного представительства” в органах власти⁵².

В.Н.Мальцев предлагает хронологические рамки реформ связать с Кавказской войной и делит их на два периода, подчеркивая принципиально иные задачи преобразований второй половины XIX века⁵³. Таким образом, В. Н. Мальцев показывает, что завершение Кавказской войны представляет собою рубеж между двумя, резко отличающимися друг от друга периодами в процессе административно-судебного устройства Северного Кавказа в XIX веке.

Далее В.Н.Мальцев делит административное и судебное реформирование на Северном Кавказе на ряд последовательных этапов, отличающихся друг от друга как характером управления, так и степенью интеграции с общероссийским законодательством.

Первый этап – с 1802 по 1822 гг., со времени образования Кавказской губернии до преобразования ее в область.

Второй этап – с 1822 по 1844 гг., до перехода к институту наместничества.

Третий этап – с 1844 до начала 1860-х гг., он почти совпадает с завершением Кавказской войны и началом активного реформирования.

Четвёртый этап – с начала 1860-х до 1883 гг., его содержанием стал постепенный переход к основам гражданского управления, упразднение наместничества⁵⁴.

В.Н.Мальцев считает, что такое деление раскрывает все стороны административно-судебной системы, применявшейся на Кавказе и заключавшейся “в постепенном вовлечении региона в сферу российского административного устройства и юридических канонов с учётом местной специфики”⁵⁵.

Такой подход к проведению реформ, несомненно, ограничивал права коренного горского населения, несмотря на желание администрации учитывать местную специфику.

Кавказская война оказала огромное влияние на содержание, характер и направленность реформ. Прежде всего “влиянием войны объясняется глубокая противоречивость нововведений на Кавказе, их непоследовательность и двойственность”⁵⁶. Кавказская война показала, что военный фактор играл в системе управления Северным Кавказом главнейшую роль в течение всего XIX столетия. Немаловажную роль в непоследовательности преобразований сыграло и то, что в ходе войны не было выработано и не существовало “цельной концепции реформ”⁵⁷.

Очередная «перемена названия и расширения границ округов мало изменила сущность управления. Округа, как и приставства, не вносили никакой организации в жизнь горских народов и, главное, не освобождали их от режима военной оккупации»⁵⁸.

К 60-м годам XIX века, отмечалось в отчете наместника на Кавказе, «учреждения большей частью продолжали иметь то же самое устройство, которое им было дано 30 лет назад»⁵⁹.

Итак, всего в Кубанской области было создано 5 округов. Во главе округов стояли окружные начальники, возглавившие окружные управления, в состав которых входили два переводчика, два депутата, кадии, фельдшер и сторож. Окружных начальников местные жители по привычке продолжали называть приставами. В «Положении об управлении горцами Кубанской области» (1866) говорится, что для «ближайшего надзора за действиями окружных управлений и охранения интересов горского населения Кубанской области власть вверяется особому лицу с званием Попечителя горских народов Кубанской области»⁶⁰.

В Кубанской области на эту должность был назначен П.Г. Дукмасов. «Допустить генерального штаба подполковника П.Г. Дукмасова к исправлению должности попечителя горских народов, с производством ему назначенного по этой должности содержания», – говорится в рапорте исполняющего должность генерал-квартирмейстера начальника Кубанской области⁶¹. Первого помощника начальника Кубанской области П.Г. Дукмасова меньше всего волновали нужды народов Кавказа, хотя, по «Положению» 1866 г., помощник прежде остальных должен был думать о горцах и защищать их интересы. Он, как писалось в «Положении», заботится «о всех нуждах горцев и вообще изыскивает средства к их благосостоянию и принимает меры к поддержанию общего спокойствия в крае»⁶². На деле заботу о «спокойствии в крае» П.Г. Дукмасов выражал арестами и угрозами в отношении горского населения.

Для осуществления дальнейших задач был составлен штат должностных лиц будущего попечительского управления. В него вошли попечитель, письменный и словесный переводчики, делопроизводители, писари высшего, среднего и низшего классов, депутаты народных судов и сторож. В целом управление состояло из 18 человек.

В ведение Попечителя по управлению горскими народами Кубанской области были переданы дела упраздненного Горского отделения⁶³, а также часть дел других отделений штаба войск Кубанской кордонной линии и канцелярии начальника Кубанской области.

При составлении штата Кубанской милиции для управления Попечителя и пяти окружных управлений назначалось по 10 казаков и 12 милиционеров каждому, а также выделялась некоторая денежная сумма для первоначального обзаведения всем необходимым.

Далее для будущего горского управления необходимо было решить такие задачи, как составление проекта правил для выбора депутатов и кадиев (эфенди) в окружные суды, проектов и инструкций для окружных судов, а также для установления регулярной (тогда писали «правильной») аульной администрации, окружного и аульного судопроизводства.

Окружной начальник обладал обширными административными и полицейскими полномочиями. В своей деятельности он руководствовался соответствующими инструкциями для должностных лиц⁶⁴, «Положением» об управлении сельскими обществами⁶⁵, «Временными правилами горских словесных судов»⁶⁶, распоряжениями вышестоящей администрации. В подчинении окружного начальника находились все подразделения административной системы окружного управления. Он контролировал действия помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин, членов окружного и сельских судов.

Согласно «Положению» 1866 г., попечитель горских народов подчинялся только начальнику Кубанской области. Назначался он главнокомандующим Кавказской армией по представлению начальника области. В его обязанности входило наблюдать за действиями всех членов военно-окружных управлений. Он должен был принимать и разбирать жалобы на решения окружных судов, заботиться обо всех нуждах местного населения, принимать меры для поддержания общего спокойствия в крае. Попечитель должен был следить за своевременным поступлением податей, а также за правильным расходованием всех сумм, находившихся в распоряжении военно-народных управлений Кубанской области⁶⁷.

В дисциплинарном отношении попечитель пользовался правами начальника дивизии. Войскам, расположенным в пределах горских округов и рядом с ними, предписывалось исполнять требования попечителя в случае подавления восстания и устранения беспорядка, "грозящего нарушением общественного спокойствия"⁶⁸

В вопросах, превышающих его полномочия и власть, попечитель обращался к начальнику Кубанской области и действовал по его непосредственным указаниям. В своих личных докладах начальнику Кубанской области он излагал наиболее существенные нужды и потребности горского населения. В свою очередь, начальник Кубанской области делал через попечителя свои распоряжения и приводил в исполнение все приказы вышестоящего начальства в отношении горских народов. Особо ответственным за точность исполнения этих распоряжений являлся именно попечитель. Он управлял не только горскими народами, но возглавлял также Кубанскую милицию и одновременно пользовался теми же правами, которыми пользовались начальники военных отделов других областей Кавказа.

По вопросам делопроизводства при попечителе было создано управление с необходимым штатом для ведения дел. Что касается установленной законом отчетности, справок и необходимых сведений по военно-народным управлениям Кубанской области, то все эти документы "Попечитель представлял Кавказскому горскому управлению прямо от себя"⁶⁹

Кроме того, в подчинении попечителя находились медики, положенные штатом и направлявшиеся в те горские округа, в которых они были наиболее нужны. Медицинские работники, в свою очередь, представляли попечителю отчеты, в которых они излагали итоги своих поездок и "медико-топографические" сведения о местностях, занятых горским населением. Таким образом, достаточно обширная компетенция и огромная власть были сосредоточены практически в одних руках – помощника начальника области, именуемого попечителем горских народов.

Если рассмотреть судебную часть во вновь созданных военно-народных управлениях, то местные жители данных округов по таким преступлениям, как государственная измена, недовольство

правительством, другие уголовные преступления, наказывались комиссией военного суда по военно-уголовным законам.

Все случаи уголовных преступлений, совершенных жителями Кубанской области вне пределов округов, а также все тяжёлые спорные судебные дела, совершенные лицами, не проживающими в Кубанской области, подлежали разбирательству местных полицейских властей на основании общеимперских законов или же с учетом особых положений, которые существовали в местах, где возникали тяжбы или споры. В таких случаях судебные места посторонних ведомств до окончательного решения о положении возникавших дел извещали попечителя горских народов Кубанской области и ждали от него окончательного заключения.

Все спорные тяжёлые дела, возникавшие между горцами, а также все совершенные уголовные преступления и проступки на территории окружных управлений Кубанской области, разбирались окружным словесным судом.

О мерах взыскания по всем остальным совершенным уголовным преступлениям на территории горских округов попечитель входил «с особыми представлениями к начальнику области»⁷⁰. Лица, не принадлежавшие к местному населению и временно проживавшие в округах, за совершенные незначительные преступления и проступки попадали под юрисдикцию окружных начальников. Их дела разбирались окружным начальником без депутатов, на основании общих законов империи. По другим нарушениям виновные отправлялись в те судебные учреждения, которым они были подведомственны. Вот так сложно, с большими отклонениями, вводилась судебная реформа в горских округах Кубанской области, хотя как исходные и здесь провозглашались либеральные принципы судебных уставов 1864 г. Суды в горских округах руководствовались то адатом, то шариатом. Нередко они вынуждены были обходиться без того и другого, повинуюсь лишь временным инструкциям. Кроме того, в самих адатах обнаруживались противоречия. Поэтому судопроизводство на Северном Кавказе, и Карачай и Черкесия не представляли собою исключений, осталось запутанным и сложным.

Дальнейшей задачей правительства было «укрепление в горцах племенной отдельности»⁷¹, как говорилось в документе. Для этого округа нумеровались. Они обозначались приставствами №№

1, 2, 3, 4, 5 и назывались по порядку⁷². Бжедуховскому округу, как ближайшему к центральному административному пункту области, был присвоен № 1. Абадзехский округ обозначался следующей цифрой – № 2, бывшее Нижне-Кубанское приставство – № 3, Абазинский участок – № 4 и Карачай – № 5. При таком административно-территориальном разделении горцев Кубанской области местопребыванием начальников горских округов назначались те пункты, которые оказывались ближе к центру. Управление первого округа находилось на правом берегу р. Псекупса. Чтобы разместить управление, его начальство и штат, нужно было построить новое здание. Такие работы выполнялись немедленно и под кураторством самого наместника Кавказа⁷³.

Управление второго округа расположилось на речке Фарсе или против Курганной станицы с постройкой там самых необходимых помещений в течение года. Стан третьего округа должен был разместиться в Армавирском ауле, где уже имелось готовое помещение, некогда построенное для пристава. Управление четвертого округа должно было находиться на Малом Зеленчуке в бывшем стане Верхне-Кубанского приставства. Управление пятого округа разместилось в станице Верхне-Николаевской, на первое время наняв у казаков готовые помещения.

Местом пребывания попечителя и его управления была избрана станица Лабинская для того, чтобы “попечитель не был лишён возможности иметь непосредственное наблюдение за ходом дел в вышеназванных округах”⁷⁴.

Для размещения чинов попечительства у жителей Кубанской области покупались или нанимались частные дома в населенном пункте, назначенном быть центром горского округа. Большинство из избранных центров оказались казачьими станицами.

Итак, содержание военно-народного управления горских округов с включением содержания кубанской милиции требовало “ежегодные расходы в 65 649 руб. 85 коп., а именно:

- 1) на содержание попечительства – 10 598 руб. 60 коп.;
- 2) на содержание пяти окружных управлений – 32 650 руб. 25 коп.;
- 3) на содержание кубанской постоянной милиции – 22401 руб.”⁷⁴

На покрытие этих расходов пошли сбережения от упразднённых приставств и средства окружных управлений. От окружных управлений поступало «ежегодно 25 022 руб. 10 коп., от горского отделения при штабе войск Кубанской области – 1550 руб., от упразднения Кубанского конно-иррегулярного эскадрона около 21 726 руб. 50 коп., от упразднения Лабинского конно-иррегулярного эскадрона 14 426 руб. 50 коп. К этой цифре следует прибавить ещё 6 570 руб. 5 коп., которые должно уплачивать казне Карачаевское приставство, согласно принятому им на себя обязательству содержать на собственный счёт своё особое управление»⁷⁵. Таким образом, «составляется сумма в 72 555 руб. 33 коп., учитывая, за исключением 65 649 руб. 85 коп., ещё свободный остаток в 1 905 руб. 48 коп.».

В штат окружных управлений также включался медик. Его присутствие гарантировало наблюдение за санитарно-эпидемиологической обстановкой в районах, часто становившихся источниками массовых инфекционных заболеваний, обеспечивало возможность медицинской помощи горскому населению и должно было способствовать созданию более гуманного образа местной администрации.

Правительство привлекало к организации управления и местное духовенство. Для того чтобы горское население видело, что об их нуждах российские власти заботятся так же, как о нуждах казаков, каждому округу выделялось пособие для возведения одной мечети. Каждое пособие состояло из 1 тыс. руб. округу и безвозмездной выдачи строевого леса.

Окончание Кавказской войны несло мир в горские аулы. Но «Положение от 1 января 1866 года» накладывало на горцев новые тяготы. Местное население Кубанской области, как и большинство подданных Российской империи, было обложено повинностями и платежами в пользу государства. Налоги накладывались не на отдельных людей, а на семьи. За единицу обложения был принят «дым» (хозяйство), поэтому взимаемая подать получила название «подымной». С каждого «дыма» взыскивалось от 3 до 4,5 руб., независимо от хозяйственной состоятельности, степени зажиточности хозяйства или его бедности. «Подымная» подать соответствовала подушному окладу жителей центральных губерний, однако была значительно ниже. Помимо «подымной» подати, каждый «дым»

платил 5 руб. в год на содержание горской милиции, а с 1887 г. – ещё 1 руб. 33 коп. воинского налога. Общественные платежи и натуральные повинности, которые шли на содержание школ и фельдшерских пунктов, ремонт дорог и мостов, общественных зданий, тоже, в конечном счете, ложились на хозяйства отдельных семей⁷⁶. Раскладка податей и сборов производилась специальной комиссией, которая существовала в каждом аульном обществе.

Вплоть до 1860-х годов всеми делами в аулах и сёлах ведали приставы и князья. Земельная реформа и освобождение крестьян от личной зависимости подорвали власть местных феодалов над сельскими обществами, но усилили власть чиновников, назначаемых в горские округа царскими властями.

Правительство позаботилось о создании соответствующих административных органов сельского управления, которые могли бы выполнять регулирующие функции прежних владельцев.

В 1869–70 гг. было введено “Положение об устройстве аульных обществ Кубанской области”⁷⁷. Оно регламентировало жизнь сельских обществ, состав, круг деятельности, права и обязанности чиновников сельского управления. Согласно “Положению” 1869–70 гг., в сельских обществах горских округов власть сосредотачивалась в руках старшин и их помощников, которые выбирались на сельских сходах⁷⁸.

Компетенция аульных сходов была довольно обширна. Они избирали должностных лиц, решали земельные вопросы, выдавали увольнительные свидетельства, назначали опекунов и наблюдали за их образом действия, разрешали семейные разделы, заботились об аульном хозяйстве, проверяли деятельность должностных лиц⁷⁹.

В целом, “Положение” 1869–70 гг. предоставляло сельским сходам широкие полномочия. Но на деле сельские общества становились более подконтрольными местной администрации, так как они оказались лишены самостоятельности в решении важных вопросов. “Старшинами обычно назначались чиновники, офицеры, представители богатой верхушки. Сельская администрация во главе со старшиной служила активным проводником политики царизма. Она иногда чинила произвол и насилие. Сельские чиновники занимались взяточничеством, произвольно расходовали сельские общественные деньги”⁸⁰.

Неудивительно, что население аула с неприязнью относилось к этим навязанным им старшинам. “Недовольство аульных обществ своими старшинами – факт положительно общий”⁸¹, – писал Я.В.Абрамов.

“Положение о сельских обществах” предоставляло старшинам и их помощникам большие права. В их компетенцию входило следить за общественным порядком, за своевременным сбором налогов и руководить работой сельского схода, разрешать в административном порядке мелкие конфликты между жителями, добиваться исполнения судебных решений и т. д.⁸² За малейшее подозрение в антиправительственной пропаганде старшина мог любого человека подвергнуть аресту.

Лица, избранные в качестве старшин один раз, стремились остаться на этой должности как можно дольше, для чего любыми средствами добивались благосклонности начальства и не гнушались никакими средствами для достижения цели. Благоволение начальства давало, очевидно, больше шансов на благоприятный исход аульских выборов, чем личные взаимоотношения старшин с членами сельского общества.

На сельском сходе избирался и аульный суд. Судей должно было быть не менее трёх человек. Они избирались на общем сходе сначала ежегодно, а затем раз в три года.

Ведомству аульного суда подлежали имущественные споры и тяжбы между горцами, дела о мошенничестве и мелких кражах, дела о нарушении общественного порядка⁸³. Аульный суд созывался старшиной. Должность судей была платной. Жители аула были обложены особым сбором в пользу судей (1 рубль в год), который шел в аульные суммы, а из них выплачивалось жалованье судьям⁸⁴.

Таким образом, сельское “общественное” управление, созданное в Кубанской области, не имело особой самостоятельности и снизу доверху находилось в зависимости от административных структур, созданных областными и российскими властями. Должностные лица могли быть смещены в любое время в административном порядке. Начальникам округов были предоставлены широкие права в отношении выборных лиц аульной администрации, вплоть до их ареста. Положительным было то, что с введением данного “Положения” сельское управление Кубанской области

впервые получило единое устройство, деятельность сельских обществ и органов их самоуправления стала регулироваться едиными нормами законодательства.

Новая система административно-судебного управления была названа военно-народной. Формально всё население области подчинялось общим административным и судебным органам. Однако и при военно-народном управлении военные имели возможность управлять краем бесконтрольно. В дальнейшем жизнь потребовала новых реформ.

Одной из главных задач военно-народного управления была подготовка местного населения “к дальнейшим, более глубоким реформам, призванным приспособить общественно-политический строй горцев Северного Кавказа к социально-экономическому и политическому строю России”⁸⁵, – отмечает Ж.А.Калмыков. К концу 60-х годов правительство сочло эту задачу выполненной и сделало следующий шаг по пути “постепенного объединения” Кавказа с Россией⁸⁶. Таким шагом стала отмена системы военно-народного управления и распространение на горское население общего для России законодательства. Тем не менее изучение деятельности системы военного управления показывает, что ее результаты были противоречивы. Естественно, российские чиновники, опираясь на широкие полномочия, допускали злоупотребления своей властью. Примером могут служить действия некоторых чиновников, подталкивавшие часть горского населения к переселению в Турцию. Тем не менее в системе военно-народного управления были и положительные моменты, а именно:

- 1) проведение земельной реформы и прекращение отношений крепостной зависимости в горских обществах;
- 2) создание почвы для ликвидации власти родовой аристократии, что значительно облегчило переход горцев под управление российской власти;
- 3) создание условий для экономического роста горских обществ: развития сельского хозяйства, ремесла, торговли и т. д., что способствовало повышению жизненного уровня горских народов;
- 4) подготовка мер для развития просвещения и образования. Этому способствовало создание специальных школ для горцев, где основная часть учащихся обучалась за казенный счет, а остальные – за счет горских обществ;

5) сбор обширных статистических данных, дающий сведения о численности и социальном статусе населения горских обществ, качестве и количестве занимаемых ими земель.

Таким образом, анализируя действия системы военно-народного управления, созданной в период нестабильной обстановки на Северном Кавказе, можно прийти к следующему выводу. Несмотря на целый ряд недостатков, она явилась своего рода переходной ступенью, которая создавала благоприятные условия для вовлечения местного населения в сферу официального российского законодательства и подготавливала приобщение горских народов Кавказа к мирной жизни и к взаимовыгодному сотрудничеству горского и русского населения.

С 1 января 1871 года военно-народные округа Кубанской области были ликвидированы. «Положение» 1871 года вводило у горских народов гражданское управление. Горцы вошли, наравне с русским населением, в состав уездов, на которые была поделена Кубанская область.

Согласно новому «Положению», Кубанская область была разбита на пять уездов.

В Баталпащинский уезд вошли карачаевцы и абазины бывшего Эльбрусского округа. В Майкопский уезд вошли черкесы, абазины и ногайцы Зеленчукского и Урупского округов. В Екатеринодарский уезд вошли западные черкесы (адыгейцы) Лабинского и Псекупского округов. В эти же уезды вошли казачьи станицы, расположенные по соседству с аулами. Кроме того, в Кубанской области было два уезда почти исключительно с казачьим и русским населением – Ейский и Темрюкский⁸⁷.

В Баталпащинском уезде в 1871 году местное население составляло 44 507 человек, в Майкопском – 25 620 человек⁸⁸, в Екатеринодарском – 16 629 человек. Всего горцев в Кубанской области 86 756 человек из общего числа населения в 672 224 человек⁸⁹.

В пореформенное время в Кубанской области наблюдался быстрый рост числа переселенцев из центральных губерний России. Они составляли основную массу населения, которая оказывалась вынужденной арендовать казенные, помещичьи и казачьи земли на очень невыгодных для них условиях. В официальных документах их называли «иностранцами».

“Положение” об иногородних фактически распространялось и на часть горского населения Кубанской области. Все прибывшие в аул после проведения реформ вошли в разряд временно проживающих и иногородних, права которых были очень ограничены. Так, иногородние не входили в состав сельской общины, не имели права участвовать в собраниях сельских сходов, а главное, не имели права на получение земельного надела.

Положение крестьян и особенно горской бедноты с каждым годом усугублялось еще и многочисленными переплетениями старых порядков с новыми. Бесконечные подати и повинности, как натуральные, так и общественные, в основном выполнялись беднотой.

Вторая половина XIX века для горского населения Карачая и Черкесии была, таким образом, сложной и многотрудной. Усложнялась обстановка и тем, что шла постоянная перестройка земельных владений и, конечно, не в пользу крестьянства, а в угоду местной верхушки казачества. Лучшими земельными участками наделялись офицеры царской армии и чиновники администрации за преданность и верную службу царю. Всё это порождало недовольство населения властями, которое часто вело к открытым выступлениям, абречеству и другим видам сопротивления.

Революционная ситуация 1879-80 годов и последующая реакция оказали большое влияние на политическую обстановку и административное устройство Северного Кавказа. Чиновники Кавказской администрации были обеспокоены ростом социальных противоречий в горских аулах и увеличением случаев социального протеста горского населения. В связи с этим по Баталпашинскому уезду прокатилась волна репрессий. В Тебердинском ауле были арестованы Юсуп Боюнсузов, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков, обвинённые в государственной измене. Юсуп Боюнсузов был приговорён к 5 годам ссылки, Магомет Аксабеков и Магомет Казанчиков – к 2 годам⁹⁰. Составлялись списки горцев, предназначенных к высылке из края “административным порядком”⁹¹. Сама система гражданского управления оказалась обречена. Период гражданского управления, действительно, длился недолго – с 1871 по 1888 гг.

Особенно осложнилось положение в уездах Кубанской области с горским или смешанным населением в период русско-

турецкой войны 1877–78 гг. Это объяснялось тем, что представители горских народов, несмотря на то, что они были освобождены от несения воинской службы, нередко призывались в армию и, под видом добровольцев, отправлялись в район военных действий.

Правительственные власти и местная администрация прилагали все силы к тому, чтобы не допустить открытых и массовых выступлений местного населения против существующих порядков. Горскому населению Кубанской области запрещалось носить огнестрельное и холодное оружие, без которого они не представляли себе жизнь. Наряду с этим, местные власти предпринимали меры к выселению наиболее неблагонадёжных лиц во внутренние губернии России. Предпринимались и другие меры карательного характера.

В результате усиления колониального гнёта и русификаторской политики царизма у горских народов были отобраны даже те небольшие политические права, которые были даны им в 60–70 годы XIX века. «Всё управление областью было военизировано и подчинено казачьей администрации. Казачество в эти годы было одним из оплотов царизма, поэтому правительство стремилось повысить его роль и значение»⁹².

В проекте преобразования административного управления Кубанской и Терской областей, а также Кубанского и Терского казачьего войска, с циничной откровенностью сформулированы задачи, которые самодержавие возлагало на казачество. Правительство «воздвигало из казачьих станиц живой оплот на своих южных окраинах, оплот, который должен был сперва оградить спокойствие внутренних провинций от хищничества горцев, а затем стеснить и задавить этих горцев в их собственных землях»⁹³, — писал чиновник кавказской администрации.

Не лучшим было положение русского крестьянства, да и значительной части казачества. Нередко они попадали в столь же бесправное положение, в каком находилось горское население. В пореформенный период в среде самого казачества далеко зашло имущественное расслоение и политическое размежевание. Выделилась казачья верхушка, сосредоточившая в своих руках всю полноту власти и огромные земельные владения. Именно эта казачья верхушка и была тем оплотом самодержавия, который так нужен был царизму в годы реакции. Казачья беднота и поселившиеся

в большом количестве в станицах иногородние были враждебно настроены к казачьим старшинам.

Исключительные меры нужны были, чтобы “сохранить казачество как отдельное сословие и поддержать его бытовые особенности”⁹⁴, и в угоду этому приносились в жертву интересы всех остальных групп населения области – горцев, горожан и иногородних.

В горских округах Кубанской области вся власть по-прежнему оставалась в руках казачьей администрации, которая при этом сваливала ответственность за свои ошибки на самих же горцев – они якобы “продолжают по-прежнему коснеть в фанатических заблуждениях и весьма мало продвинулись вперед в своем гражданском развитии”⁹⁵.

Критика местного самоуправления нужна была властям для того, чтобы “оправдать военизацию административного управления Кубанской области и лишение горцев даже тех небольших прав, которые были даны им в 60-х годах XIX века”⁹⁶.

Что касается политической жизни горских народов, то и в этом отношении, по мнению ряда чиновников, дарование горцам гражданских прав не принесли желаемых результатов. Отсюда следовала необходимость лишения горцев этих гражданских прав и введение военной диктатуры казачьих начальников. Это, по мнению местной администрации, более соответствует “бытовым условиям горцев”⁹⁷ и “их традиционным взглядам на значение власти”⁹⁸. Отсюда следовало, что есть “серьезная необходимость усилить значение и права местной власти и строгость надзора за ними”⁹⁹. В.П.Невская справедливо подчеркивает фактическую обреченность системы гражданского управления в изменившихся условиях нового царствования.

В результате административных преобразований и контрреформ 1880-х годов гражданское управление и гражданские органы власти в Кубанской области были ликвидированы и заменены военно-казачьими отделами:

- 1) Ейским с главным городом Ейск;
- 2) Темрюкским с главным городом Темрюк;
- 3) Екатеринодарским с главным городом Екатеринодар;
- 4) Майкопским с главным городом Майкоп;
- 5) Кавказским с центром в станице Кавказская;

6) Лабинским с центром в станице Лабинская;

7) Баталпашинским с центром в станице Баталпашинская.

Кроме того, в состав Кубанской области вошёл и Черноморский округ.

Карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы, жившие по Кубани и Зеленчукам, вошли в Баталпашинский отдел Кубанской области. По К.Т.Лайпанову, Баталпашинский отдел был расположен “на стыке Кубанской и Терской областей, Грузии и Ставропольской губернии и занимал обширную территорию от Урупа до Кумы и от Главного Кавказского хребта до линии Владикавказской железной дороги”¹⁰⁰. Отдел был разделён на два участка: Бибердовский и Хумаринский. Черкесские, абазинские и ногайские аулы вошли в Бибердовский участок. Черкесские аулы Хумара и Кумско-Абазинский – в Хумаринский участок. Жители участков были подчинены участковым начальникам и атаману Баталпашинского отдела. Пределы их власти значительно расширились, особенно в отношении горского населения. Атаман отдела получил право карать и наказывать горцев без суда и следствия, “подвергать их по личному своему усмотрению или по представлению начальника участка аресту до 6 месяцев. При укрывательстве и не выдаче аульными обществами виновных в преступлениях атаман имел право взыскивать с них денежные штрафы до 500 рублей для вознаграждения потерпевших или на устройство мест заключения”¹⁰¹.

Таким образом, то ограниченное самоуправление, которое было дано горцам в 60–70-х годах XIX века, было фактически сведено на нет контрреформами 1880-х годов. Военно-народные округа были упразднены, уезды заменены отделами, в которых вся власть принадлежала казачьей администрации.

Тем не менее, несмотря на всю сложность проведения крестьянской реформы, административных и судебных преобразований, на половинчатый характер реформ 1860–70-х гг. в Карачае и Черкесии, они все же имели прогрессивное значение для горского населения. Нельзя отрицать и положительных сторон присоединения населения Северного Кавказа к России. Главное, что оно было связано с окончанием длительной Кавказской войны, приносившей столько страданий всем сторонам, участвующим в ней. С присоединением к России прекратились и внутренние усобицы между отдельными горскими народами и обществами.

Глава IV. Особенности проведения судебной реформы

§ 1. Адаты и шариат как основа традиционного судопроизводства в горских обществах Карачая и Черкесии во второй половине XIX века

Судебная реформа у горских и кочевых народов Северного Кавказа проходила сложно. Господство юридических норм старинного обычного права – адатов и свода законов мусульманского права – шариата усложняло проведение судебных преобразований в горских округах Кубанкой области.

Наряду с писанным законом (шариатом) у мусульман продолжало сохраняться и их старинное обычное право (адаты). А что такое обычное право? Юридический термин означает то, что обычно называют “неписанным законом”. Это прежде всего исторически сложившийся свод правил поведения и взаимоотношений друг с другом в традиционном обществе. Особенно велико было значение обычного права для горских народов, которые крепко держались за свои традиции и обычаи.

Как известно, традиционной организацией, руководившей жизнью карачаевцев и адыгских народов в XIX в., была сельская община. Внутри сельской общины существовали черты более архаических форм организации общества – родовой и семейной общины. Они были столь сильны, что и во второй половине XIX в. списки населения часто составлялись не по территориальному принципу, а по родовым группам.

Сельская община у многих горцев Северного Кавказа обозначалась арабским словом “джамаат”, употреблявшимся по отношению к обществу и народному собранию. Последнее указывало на то, какое большое значение в жизни общины имело народное собрание.

Авторитет народного собрания и старейшин был так велик, что в XIX в. все важнейшие вопросы решались народным собранием и старейшинами. Глубокое уважение к старикам у карачаевцев подчеркивал В.Я.Тепцов: “Уважение старших – это основной закон карачаевского нравственного кодекса”¹. Ему вторит современный исследователь К.И.Чомаев: “Горское этническое сознание еще в сильной степени сохраняло культ старшинств и семейной патри-

архальности. Это было отражением неразвитых социальных отношений и остатком тех времен, когда отсутствие государства и наличие родоплеменных связей вело к господству авторитарной власти старейшин, опирающихся на возникший по этому случаю нравственный закон почитания старшинства”².

Именно оно – народное собрание как высший орган власти соседской общины – решало вопросы войны и мира, разрешало конфликты между родами, земельные и имущественные дела, избирало судей, могло принудить даже феодальных владельцев к выполнению своих обязанностей. В компетенцию народного собрания входили сроки перегона скота и сенокоса, дела, связанные с землей и оросительной системой, а также обязанность следить за нравственностью населения. Оно могло принять решение об изгнании из общества человека, опозорившего себя предательством или другим тяжким преступлением.

Однако дальнейшее развитие адыгского и карачаевского обществ не могло не отразиться на деятельности этого древнего законодательного органа. Он постепенно стал терять черты патриархального демократизма. Несмотря на сохранявшийся авторитет старейшин, горская знать постепенно начинала играть все большую роль на собраниях и влиять на принятие решений, часто предопределяя их.

Таким образом, в первой половине XIX в. выборов должностных лиц в том смысле, как это делалось в пореформенный период, не было. Никто не выбирал, например, старейшин ни голосованием, ни закрытой баллотировкой. Ими становились наиболее авторитетные старики, мудрость которых была признана всем селением. Обычно это были главы семейных общин и аулов. Органов принуждения, которые заставляли бы членов общин выполнять решения совета старейшин или народного собрания, не было, их власть была основана на авторитете и поддерживалась общиной в целом. Решения старейшин и народного собрания проводились в жизнь с большей точностью, чем позже решения государственной власти, владевшей мощным аппаратом принуждения.

Авторитет старейшин и народного собрания держался веками, но с ростом экономического могущества правящей верхушки горского общества их значение стало падать.

Кроме народного собрания и совета старейшин, органом общинного управления являлся суд. При отсутствии писаного права суд у горцев Карачая и Черкесии был словесным примирительным разбирательством, основанным на обычном праве – адате. Суд у кавказских горцев по их древним обычаям, читаем в документе, есть “словесное примирительное разбирательство спорящих лиц по добровольному согласию их через избираемых ими судей или посредников их”³. Судебный орган в Карачае назывался Тере. Он был инструментом одновременно административного, гражданского и уголовного регулирования.

Согласно В.Ф.Миллеру и М.М.Ковалевскому, Тере не знал строгого иерархического деления, он состоял из самых опытных и влиятельных представителей всех сословий⁴. Редко приглашавшиеся на его собрания представители низших сословий (например, при разборе крестьянских дел) присутствовали на суде без права голоса. Тере заседал в составе от трех до семи человек. Члены Тере, –теречи, – ценились, прежде всего, за свои личные качества. Х.Х.Малкондуев отмечает, что “главные качества теречи – безупречность поведения и суждений, весомость мнения на основе хорошего знания народных обычаев и традиций. Сила теречи коренилась в его высочайшем авторитете среди населения, как человека высокой честности, сведущего в народных законах и действующего в соответствии с ними и со своим нравственным долгом”⁵.

Выборы в Тере проходили один раз в семь лет и отличались высокой демократичностью. Каждый аул выдвигал пять или семь наиболее достойных кандидатур, которые после тщательного обсуждения на сельской площади (ныгыш) утверждались сельским сходом. По данным опубликованных и полевых материалов, в разные периоды членами Тере были такие незаурядные личности, как Бедене Байчоров, Алий-Хаджи Крымшамхалов и другие.

Избранники общины выбирали из своей среды одного представителя в местный совет или Гитче Тере – Малый Тере (местный суд). Местные суды рассматривали более мелкие дела, касающиеся не общины в целом, а частных провинностей общинников.

В свою очередь Малые Тере выбирали по одному представителю в Общенародный Тере – Халкъ Тере. Общенародный Тере

собирался раз в два-три месяца по мере накопления вопросов в сельских общинах или из-за тревожной гражданской и политической ситуации.

Таким образом, этот судебный орган объединял самые известные умы и крупные авторитеты сельских общин Карачая. В.Ф.Миллер и М.М.Ковалевский называли их “верховными охранителями спокойствия и порядка”⁶.

Раз в несколько лет или в десятилетие, по случаям исключительным, созывался Уллу Тере или Верховный Тере. В его заседаниях принимали участие члены как общенародного Тере, так и Малых Советов.

В XIX веке в общинном судопроизводстве исследователи фиксируют черты сословности. Кроме Тере, обсуждавших дела общинников и общин (в них были представлены бии и уллу уздени), функционировал еще и бий кенгеш – “княжеский совет”, или Бий Тере. На княжеском совете обсуждались вопросы, касавшиеся только самих аристократов. В прошлом такие советы были у столь знаменитых фамилий как Абаевы, Урусбиевы, Крымшамхаловы. Бий Тере были семейными советами, но на них, по желанию князя, могли приглашаться и другие лица.

Согласно данным В.Ф.Миллера и М.М.Ковалевского, власть княжеских династий “не была неограниченной: важнейшие дела решались ими не единолично, а при участии и совета старейшин”⁷.

Важно заметить, что при Тере действовал отряд стражников (мыртазакъ аскер), выполнявший особо важные указания совета. “Они охраняли Тере в период работы”, – отмечает Ф.И.Леонтович. Стражники могли использоваться и для приведения в исполнение решений Тере.

Все гражданские, военные и уголовные дела, которые рассматривались на заседании Тере, решались словесно и утверждались верховным правителем (вали) окончательно, после чего решение суда “принимало силу закона”⁸. Место судебного разбирательства называлось “мехкеме”⁹.

После принятия ислама, в связи с усилением позиций мусульманской религии, в Тере стал присутствовать и духовный судья – кадий, что подтверждает “Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области”, где в разделе о карачаевцах говорится: “Суд и расправа находились в руках двух

сословий биев и уллу узденей, т.е. членами суда могли быть лица этих двух сословий, но с непременным участием народного эфенди¹⁰.

Как верховный судебный и законодательный орган, Тере мог отменять устаревшие адаты. После окончательного решения того или иного вопроса глашатаи, обычно из простого народа, оповещали все население о вердикте Тере.

Когда Тере рассматривал вопросы судебного характера, в качестве адвоката (екюля) обвиняемый мог нанимать любого человека по своему выбору¹¹. Обычно подбирали для такой роли человека авторитетного, честного, с острым умом, который мог бы парировать самые неожиданные вопросы и успешно защищать своего подопечного.

Решение Тере исполнялось беспрекословно всеми, не исключая и представителей высшего сословия – биев. Старейший и достойнейший из биев, он же фактически правитель народа, выносил решение. В Карачае известным правителем был Ислам Крымшамхалов, подписавший в Карт-Джурте в 1828 г. акт принесения присяги на верность России и вхождения Карачая в ее состав¹². Если учесть то, что еще в 1639 г. князей Крымшамхаловых упоминали русские послы, можно предполагать, что власть верховного правителя передавалась по наследству от отца к сыну.

Важно отметить и то, что в условиях тревожной военной и политической обстановки Тере рассматривались важнейшие проблемы, касавшиеся внутренней жизни и внешних отношений общества, определялись территориальные границы и границы пастбищных угодий. “Споры между общинами из-за границ, – писал М.М Ковалевский, – также входили в компетенцию народного собрания”¹³.

Судебные функции у адыгских народов выполнял “Хаса”. Он был не только судебным, но и сословно-представительным органом. Термин этот бытовал с далеких, еще “нартских” времен. В адыгском эпосе он фигурирует для обозначения архаических собраний и собрания нартов. Как пишет В.Х.Кажаров, это был политический институт, являвшийся высшим органом власти в рамках того общества, где он функционировал¹⁴. Существуют и другие названия аналогичных органов у адыгов. В данном случае следует вспомнить, что тот же институт Хан-Гирей обозначил как

“зефес”¹⁵, а К.Ф.Сталь – как “зауча”¹⁶. В первой половине XIX в. Хасу в одних источниках называют “народным собранием”, а в других – “народным сбором”¹⁷.

Как известно, среди западно-адыгских племен различались “аристократические” и “демократические” племена. В “аристократических” племенах во всех органах власти большой вес имели дворяне. К таким племенам относились бжедужи, темиргоевцы, махошевцы, егерукаевцы, бесленеевцы. У этих народов ярче проявлялись черты сословности их быта, сильнее было выражено господство князей и дворянства, более заметна была зависимость тлфокотлей, все еще считавшихся свободными общинниками.

Решающим на собраниях у этих народов, как и у кабардинцев, было слово князя. То есть фактически община уже полностью была во власти княжеского сословия, что подтверждают архивные документы, относящиеся к концу XVI – началу XVII в. В них указывается, что верховного князя избирали на совете всей кабардинской земли¹⁸. “Прежде воля князя – составляла весь закон”¹⁹, – писал по данной проблеме и кавказский генерал-губернатор П.С.Потемкин. Известно, что в пользу князей шли также штрафы и торговые пошлины²⁰.

Более демократичным было общественное устройство у абадзехов, шапсугов, натухайцев, где дольше сохранялись традиционные общинные органы власти. Старая феодальная знать была сильна и в этих племенах, но она была изгнана после знаменитой Бзюкской битвы конца XVIII в. Место старой знати заняла верхушка тфокотлей или тлхукотлы у кабардинцев²¹ – старшины, которые сосредоточили в своих руках большое богатство и политическую власть. В управлении большую роль стали играть выборные представители общин, не имевшие княжеского титула.

Главным образом из господствующего класса выбирались члены суда “хаса”, которые выполняли не только судебные, но и политические функции. Избранные судьи приносили клятву верности в соблюдении истины. Г.В.Новицкий говорит, что хаса был фактически судом присяжных. Он пишет, что, “уничтожив власть князей, натухайцы, шапсуги и абадзехи подчинили себя суду присяжных”²².

Таким образом, завершая характеристику этносоциальных судебных институтов горских народов Кубанской области, можно отметить, что власть в карачаевских и черкесских обществах принадлежала постоянно действующим судебным органам в лице Тере у карачаевцев и Хасы – у адыгов. Юридической основой судопроизводства являлось обычное право – адат. Это были народные суды, управлявшие всей жизнью и деятельностью горских обществ Карачая и Черкесии.

Перестройка общественной жизни карачаевского и адыгского населения на основе государственного управления, подчинение горских аулов российской администрации и судопроизводству подорвали политический вес общины. Ослабление обособленности общинного управления положило начало постепенному ослаблению и угасанию деятельности общенародного Тере у карачаевцев и Хасы у адыгов как высших выборных органов управления общественной и политической жизнью Карачая и Черкесии.

Как известно, многие нормы обычного права подвергались со временем значительным изменениям.

В зависимости от обстоятельств, адаты получали дополнения и совершенствовались в решениях третейских судов.

Все дела, возникающие между горцами, делились на гражданские и уголовные. Согласно понятию горцев о преступлениях, к гражданским делам относились разного рода тяжбы и споры (о праве на землю, о крестьянах мужского и женского пола, о праве собственности на движимое имущество, споры по невыполненным словесным договорам, споры за нарушение прав личными обидами, воровство, поджог и т. д.). К уголовным преступлениям относились случаи, связанные с убийством, изнасилованием, удар плеткой или явный грабеж²³.

Какое бы преступление ни совершил обвиняемый, по нормам обычного права горцев он подвергался наложению штрафа, и только за особо тяжкие преступления (убийство, увечья и т. д.) подвергался штрафу гораздо большему, чем по делам гражданским.

По всем делам и преступлениям мера наказания у горцев заключалась в том, что виновный платил пострадавшему вынесенный судом штраф рогатым скотом, лошадьми, овцами, оружием, конской сбруей, одеждой и крепостными людьми. Если виновный

был беден и не мог уплатить вынесенный судом штраф, то за него платил его покровитель. В случае несогласия со стороны покровителя, виновный продавался одному из горцев и полученные за него деньги или вещи отдавались пострадавшему. Телесным наказаниям суд, по адату, никого не подвергал, какого бы звания ни был подсудимый.

Для разбора дел, как гражданских, так и уголовных, назначались постоянные судьи в количестве 4 или 6 человек²⁴. Кроме того, избирались общий судья и посредник, который при разборе дела имел два голоса против одного из назначенных судей. Эта статья адатов четко отражает феодальную основу и ярко выраженную сословность горского суда. В тех случаях, когда суд сам не мог вынести решение, он обращался к почтенным старикам. Решение старейшин называлось маслагат. Если вынесенное решение (маслагат) повторялось в сходных случаях в течение долгого времени, оно превращалось в адат. Маслагаты могли отменить даже самые древние адаты.

Содержание адатов было разнообразным. Не только каждый народ, но каждый аул, каждое селение имело свои адаты. Общей для всех адатов было признание кровной мести и участие в ней всех членов рода, что еще крепче связывало родовую организацию. «Если члены рода (тукума) заметят кого-либо из родственников в дурных поступках, то они вправе убить его; не сделают они этого – они обязаны отвечать за все его противозаконные проступки»²⁵. Кровная месть как мера самосохранения и самообороны имела место у всех горцев Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, балкарцев, кабардинцев, черкесов, карачаевцев и др.).

Наличие талионного права приводило целые семьи к вражде, что подтверждают карачаевские пословицы: «Кёз орнуна кёз ал» (око за око), «тиш орнуна тиш ал» (зуб за зуб)²⁶. В этой обстановке главной задачей суда было избежать повода для кровной мести, так как для кровомщения не имело значения, являлось ли убийство родственника актом насилия, проявлением злой воли, случайным событием, приведшим к печальному концу, или же оно было совершено в ходе самозащиты как результат ответного вынужденного действия. Одним словом, в расчёт принимался только сам факт убийства, «а не обстоятельства, причины, по которым оно могло быть учинено»²⁷.

Возникнув в архаические времена, адаты в дальнейшем подвергались значительным изменениям, поэтому черты общинного быта переплетались в них с феодальными установлениями. Так, с возникновением феодальных связей даже кровная месть стала приобретать характер сословности. Это находит своё подтверждение хотя бы в том, что уздени обязаны были сопровождать своего князя в его поездках для осуществления кровной мести. В то же время кровная месть могла существовать только среди равных. С развитием сословной иерархии горских обществ она стала ограничиваться распространением на представителей только своего сословия.

Правом на кровную месть обладали все родственники убитого в следующем порядке: «сперва мстил сын убитого, затем братья, причем не делалось различия между старшим и младшим; далее жена, так по адату она после мужа получает по третейскому суду 3/4 части имущества; затем очередь доходила до ближайших родственников, потом до дальних, то есть родичей»²⁸. В Карачае, отмечает Б.В.Миллер, кровная месть не приняла такого губительного характера, как среди других горских обществ. Наиболее распространена была кровная месть у осетин.

Даже по истечении очень большого времени (20 лет) убийца не мог избавиться от мщения. Если родственникам не удавалось «вернуть его кровь» (къан алгъан)²⁹, то долг мести переходил по наследству. Это подтверждается и карачаевской пословицей: «Къарындагъы къан алыр (даже тот «вернёт кровь», который находится в утробе матери)»³⁰.

Меньше всего охранялась адатами жизнь крепостных и рабов. Они приравнивались к чужакам. «За кровь кулов или казаков должны уплачивать по оценке, чего стоит убитый», – сказано в карачаевских адатах³¹.

Система доказательств суда по адатам даже в XIX веке подчинялась нормам архаического судопроизводства. Одним из основных и неоспоримых доказательств горцы считали присягу (ант). Обвиняемый должен был в торжественной обстановке принести присягу в своей невиновности, и это считалось достаточным основанием для оправдания человека.

Наряду с личной клятвой применялась присяга соприсяжников из представителей атаула (атаул ант). И соприсяжником, и

свидетелем (“шагъатчы”) мог быть только мужчина. Женщины ни в свидетели, ни в соприсяжники не допускались. Исключение делалось лишь в том случае, когда не было свидетелей мужчин.

Кроме того, обычное право отражало существующие общественные отношения и утверждало господствующее положение дворянства.

Если рассмотреть обычное право адыгов XVIII – первой половины XIX века, то это прежде всего право феодально-патриархальное, “стоящее на страже интересов адыгских князей и дворян, под властью которых находилась вся остальная масса угнетенного и в той или иной мере закрепощенного адыгского народа”³².

Основным содержанием обычного права адыгов являлось упорядочивание и регламентация феодальных отношений в Черкессии, закрепление господствующего положения феодальной знати, определение прав и обязанностей феодально-зависимого крестьянства.

Так, по черкесским адатам, “за убийство князя хамышевцев и других племен, где находятся князья и первостепенные дворяне у шапсуг, абадзехов, натухайцев и убыхов, виновный отвечает 100 голов³³, которые судьи разделяют на мокрые и сухие, поставляя в число сих первостепенные, средние и низшие с их подразделениями, и соответственно сему назначают уже, сколько именно обязан в пополнении своего штрафа поставить крепостных своих людей, лошадей, оружия, конской сбруи, рогатого скота, овец и разных вещей домашнего изделия, что должно составлять по их исчислению на российскую серебряную монету не менее трех тысяч.

За рану и удар плетью или чем другим, причиненные князю или первостепенному дворянину, отвечает виновный 50 голов, но за убийство первостепенного дворянина у тех же черкесских племен, где находятся князья, отвечает виновный только 30 голов, а за рану и удар, ему причиненные, – 15 голов. С тем же штрафом виновный отвечает за убийство муллы и причиненные ему рану и удар. За убийство второстепенного дворянина также во всех племенах виновный отвечает 5 голов, за рану, ему причиненную, – 2 головы. За убийство простого черкеса во всех племенах виновный поставляет пару волов с арбою и принадлежностью к ней и 25 пустых тулуков, или 15 голов быков, или крепостного мальчика не

менее 12 лет, за рану и удар, ему причинённые, платит третью часть сего штрафа”³⁴, – говорится в нормах обычного права горцев.

Документ показывает, что, согласно нормам обычного права, за нанесение увечья или за убийство адыгского князя плата была значительно выше, чем за простого крестьянина. Кроме того, документ ясно отражает деление на многочисленные ступени самого господствующего класса адыгов, о чем сказано в работе В.К.Гарданова “Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века)”. “Эта пестрота, которую так тщательно регламентирует обычное право адыгов и других кавказских горцев, была естественна и необходима в период феодализма. Она была обусловлена присущей ему изолированностью и замкнутостью сословий, застывших в своих средневековых перегородках”³⁵.

Нормы обычного права рассматриваются и в работе Х.М.Думанова “Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX века)”. Исследователь считает, что “в XIX веке в Кабарде не было тех социально-экономических и культурных условий, на которых могла базироваться, как это было в России, развитая правовая система. Но классовое общество не может существовать без права, в каком бы виде оно не выступало”³⁶.

Как известно, карачаевские бии, так же, как кабардинские князья и ногайские мурзы, были бесспорными феодальными владельцами, права которых были узаконены адатом. Жизнь и имущество биев охранялись повышенной платой за кровь и штрафом. Привилегированное положение узденей тоже охранялось адатом. Калым за дочь узденя “по древнему обряду заключался в 15 предметах, 5 крестьянах, 5 штуках железными вещами и на 5 остальных предметов сенокосной земли, которая бы стоила одной служанки, 2-х быков и 2-х лошадей”³⁷. Кроме этого, горские феодалы владели основными средствами производства, землей и скотом, а также крепостными крестьянами, которых могли продавать, дарить, отдавать в счет калыма.

Как видно, адаты в течение многих веков передавались из поколения в поколение как устное право и сохранили свою силу до XX века.

Кавказская администрация уделяла большое значение изучению быта и обычаев коренных народов. Это было необходимо для того, чтобы не ошибиться при выборе курса в национальной политике на Северном Кавказе, поскольку без знания норм обычного права, без знакомства с внутренним, давно установившимся управлением горцев было невозможно подчинить присоединенные народы. Активный курс на сотрудничество с местными народами был взят в начале века, когда представители царской администрации начали на Кавказе сбор и запись норм обычного права. Первая попытка сбора и записи адатов горских народов Кавказа была предпринята в связи с учреждением в Кабарде так называемых “родовых судов” и “родовых расправ”, в которых судебные разбирательства проводились по адату и шариату.

В свое время (1818 г.) по поручению А.П.Ермолова сбором сведений по обычному праву у кочевых народов Кавказской области занимался известный на Кавказе общественный деятель А.Ф.Ребров.

В числе первых собирателей адатов, норм обычного права, можно назвать войскового старшину, смотрителя Екатеринодарского войскового училища и судью окружного суда Андрея Андреевича Кучерова, которым была произведена первая запись обычно-правовых норм на основании расспросов и показаний населения.

В 40-е годы XIX века сбор и запись адатов велась по всей Кавказской линии, в том числе и в Кубанской области. В течение 1843–1845 гг. было составлено 7 сборников по нормам обычного права, куда вошли чеченские, кумыкские, осетинские, кабардинские, карачаевские адаты. Чеченские адаты были собраны В.И.Голенищевым-Кутузовым, кумыкские – М.Б.Лобановым-Ростовским, кабардинские – ротмистром Давыдовским и майором Я.М.Шардановым, балкарские, карачаевские и адыгские адаты Черноморской линии – А.А.Кучеровым, осетинские и чеченские – Т.А.Норднстренгом.

На основании этих материалов капитаном генштаба М.Я.Ольшевским был составлен общий свод собранных адатов, который затем был передан через секретаря Ставропольского статистического комитета И.В.Бентковского в Одесский университет. Здесь они были обработаны и опубликованы профессором Одес-

ского университета Ф.И.Леонтовичем под названием “Адаты кавказских горцев”³⁸. Впервые эти записи были опубликованы в 1882 году и внесли крупный вклад в изучение обычного права горцев Северного Кавказа.

Ярким дополнением к работе Ф.И.Леонтовича служит заметка начальника Эльбрусского округа Н.Г.Петрусевича, который написал первую статью о карачаевских адатах.

Согласно его данным, до 70-х годов XIX века счет процентов велся, исходя из приплода скота. Это давало кредитору возможность в течение нескольких лет не только удвоить или утроить сумму данного долга, но получить с должника, благодаря нарастающим процентам, буквально удесятеренную сумму. Н.Г.Петрусевич в своем небольшом, но интересном исследовании “Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам” приводит такие примеры: “Исали Эркенов задолжал Хаджият Долаевой тридцать копеек, а через 7 лет вынужден был заплатить ей по суду 3 коровы с телками, одну телушку-двухлетку и 2-х баранов с барашками. Ибрай Чотчаев купил у Исы Чотчаева мерку хлеба, цена которой была 50 копеек, но денег вовремя не отдал. Через 6 лет он вынужден был уплатить за этот долг 5 коров”³⁹.

Такой метод исчисления процентов был очень выгоден ростовщикам и разорителен для народа. С конца 60-х годов счет процентов на скот был заменен денежным. Но размер ростовщических процентов по-прежнему был очень высок.

Обычное право горцев также дает возможность определить сущность общественно-политических, социально-экономических и бытовых отношений в горских обществах. По карачаевским адатам, например, можно пронаблюдать все более растущую силу местных феодалов (Крымшамхаловых, Дудовых и др.). Верными помощниками царской администрации в Карачае и проводниками колониальной политики были, прежде всего, князья Крымшамхаловы. Они располагали самыми большими земельными участками. Так, штаб-ротмистр Хаджи-Мурза Крымшамхалов имел 1 060 десятин земли, другие члены этой фамилии имели по 200 десятин⁴⁰, в то время как крепостные крестьяне почти не имели земельного участка. Первым старшиной аула Карт-Джурт был назначен Абдуразак Крымшамхалов⁴¹ – крупный землевладелец, царский офицер, имевший чин поручика. Несмотря на злоупотребление властью,

постоянные взятки и мошенничества, ему было отведено 200 десятин земли. Так поддерживала и способствовала дальнейшему обогащению горских феодалов царская администрация в целях укрепления союза с горской феодальной верхушкой.

Таким образом, в XIX веке у народов Карачая и Черкесии все еще остались сильными родо-племенные патриархальные отношения. Основные земельные вопросы решала сельская община. Она следила за нравственностью своих членов, обеспечивала защиту своего селения. Это способствовало торможению процесса феодализации, и чем дальше в горах жили народы (например, карачаевский), тем сильнее была власть общины, хотя формально пореформенная община в Карачае считалась бессословной. Она объединяла лиц всех сословий: биев и узденей из освобожденных аулов и бывших вольноотпущеников. Фактически же в пореформенной общине сохранялись и старые сословные перегородки, к ним добавились новые. Старые средневековые перегородки заключались в том, что права сословий по-прежнему резко различались. Лица привилегированных сословий и в общине находились на особом положении. Для них делались исключения в аульных правилах, их нельзя было, как рядовых общинников, арестовать, оштрафовать или отправить на общественные работы⁴². Они не были подсудны аульному суду⁴³. Вся власть в общине, зародившейся еще в глубокой древности, вырабатывалась веками, основывалась на адатах и составляла основу управления. Нормы обычного права дополнялись и видоизменялись в силу «изменявшихся внутренних и внешних политических условий в течение веков, уступая постепенно позиции феодальным отношениям, но сохраняя свою основу»⁴⁴.

Таким образом, народы Северного Кавказа имели адаты, сходные в общих чертах, но в деталях отличавшиеся от норм обычного права других горцев. Являясь неписаными правилами общественной и семейной жизни, определяющими взаимоотношения сословий, права наследования, размеры штрафов за убийство и различные проступки и т. д., адаты представляли собой достаточно разветвленную систему социальных норм, основу которой составляли местные обычаи, в основном неисламского происхождения, так как адат существовал у горцев до распространения ислама на Кавказе. О силе этих обычаев говорит тот факт, что даже вне-

дрение ислама в жизнь горских обществ не привело к полной замене адатов шариатом.

“Нормы общественного поведения и взгляды, выработавшиеся задолго до XIX века и ставшие основой общественного быта в сельской общине, продолжали действовать (в пережиточной форме) и после перестройки общественной жизни горцев на основе государственного управления и внедрения в горскую деревню царской администрации. Многие вопросы общественной жизни продолжали решаться по адату”⁴⁵.

В настоящее время изучение норм обычного права и его изучение как источника права необходимо для учета национальных особенностей горских народов нашей страны, а также при формировании общей правовой системы. Поднимая вопрос об обычном праве, следует помнить, что оно составляет одну из частей национальной культуры, возрождение которой является показателем духовного оздоровления нашего общества.

Помимо адатов, источником права горских народов являлся также шариат – мусульманское право, основанное на главнейших положениях ислама.

Основные источники мусульманского права отличаются большим разнообразием. Исследователи разделяют мусульманское право на две группы взаимосвязанных норм:

1) юридические предписания Корана и Сунны (хадисы – собрание преданий, имеющих правовое значение, о поступках, высказываниях и даже молчании пророка Мухаммада);

2) нормы, сформулированные мусульманско-правовой доктриной на основе “рациональных” источников, опирающихся прежде всего на единогласное мнение (иджму) известных правоведов и на “кияс” (умозаключение по аналогии)⁴⁶.

Наибольшую значимость представляют нормы первой группы, особенно те, которые зафиксированы в Коране.

Характеризуя Коран как источник мусульманского права, следует иметь в виду, что “среди его норм, регулирующих взаимоотношения людей, заметно преобладают общие положения, имеющие форму отвлеченных религиозно-моральных ориентиров и дающие простор для толкования правоведами. Что же касается немногочисленных конкретных правил поведения, то большинство из них возникли при решении пророком конкретных конфликтов,

оценке им отдельных фактов или в ответе на задаваемые ему вопросы»⁴⁷.

Как известно, Коран не только духовная книга – это, скорее, нравственно-юридический кодекс, освещающий вопросы религиозно-нравственного, гражданского, уголовного и государственного права.

“Кроме суда по обычаям, горцы с недавних времен ознакомлены с судом шариа, то есть духовным судом, который производится муллою по правилам алкорана. Сколько турецкое правительство, особенно перед начатием прошедшей войны с Россией, ни старалось ввести между горцами во всеобщее употребление суд-шариа, для чего разслано было к ним по разным местам нарочитых мулл, но цели своей не достигло. Горцы сначала хотя и приняли опыт, по-видимому, с энтузиазмом, но, увидев впоследствии неправильные действия, суждения и злоупотребления мулл, стали помалу отставать от него, так что ныне все возникающие дела между князьями, дворянами и простым народом кавказских горцев разбираются судом по древнему их обычаю (адат). Одно духовенство по делам, между оными возникающим, разбирается шариа, впрочем, не возбраняется никому и из другого сословия горцев разбираться в своем деле сим судом. Совершенно зависит от воли и согласия спорящих сторон избрать для разбора своего дела суд адат или шариа”⁴⁸, – говорится в “Сведениях о народных преданиях и обычаях горских народов”, собранных смотрителем Екатеринодарского окружного училища войсковым старшиной А.А.Кучеровым.

Шариа, или право мусульман, был основан на своде религиозных норм – Коране, хотя Коран в основном состоит из положений, которые часто противоречат друг другу. Тем не менее мусульманское право выработалось в нечто цельное, проникнутое одним и тем же духом. Распространителями шариа у горцев являлись муллы, для обучения которых требовалось не менее трех лет, в то время как для обучения судьи – 15 лет.

На Западный и Северный Кавказ ислам проник с начала XVIII века, главным образом, при содействии турок и крымских татар. Внедряя ислам среди народов Северного Кавказа, Турция стремилась к полному присоединению к себе горцев. Когда этого сделать не удалось, и Кавказ вошёл в состав Российской империи,

Турция продолжала вести среди горского населения антирусскую пропаганду с позиций ислама, призывая к газавату против “неверных”.

По словам Л.Я.Люлье, суд по шариату у горцев был введён решением народного собрания 1822 года среди абадзехов в промежутке между 1825 и 1829 гг.⁴⁹ У кабардинцев, кумыков и ногайцев шариат упрочился раньше, чем у абадзехов, шапсугов, натухайцев, у которых все дела решались преимущественно адатом. У бжедухов, темиргоевцев, бесленеевцев и кубанских кабардинцев шариат и адаты были в одинаковом употреблении.

Шариатом решались такие вопросы, как купля-продажа земли, дома, брачные дела, вопросы наследования. Главная роль в шариатском суде отводилась “кадиям или наибам, которые избирались на народном собрании через 3 года. Лица, которые не оправдали доверия народа, могли быть сменены и ранее этого срока”⁵⁰.

Какое бы решение у народов Северного Кавказа ни выносил шариатский суд, оно являлось окончательным для спорящих сторон, так как “неуважение к решению его считалось за равное неуважение к собственной религии”⁵². Если же стороны не соглашались с решением суда, то дело пересматривалось вторично, но уже другим составом суда.

Несмотря на то что шариатский суд рассматривал семейные дела, наказания, выносимые судом, были слишком жестокими. В случае употребления запрещенных “напитков и яств, не совершенные молитвы” в установленное время, “прелюбодеяния холостых” и за прочие малозначительные проступки виновные подвергались наказанию розгами. А если женатый мужчина совершил “прелюбодеяние” с женой другого, то обоих их побивали публично “каменьями”⁵³.

Такие дела, как похищение девушки или вдовы, воровство, решались по-прежнему адатом. Шариат во многом противоречил нормам обычного права, к которому горцы издавна привыкли. Поэтому в важных случаях общинники предпочитали судиться по адату, и лишь по маловажным вопросам обращались к шариату.

Царская администрация на Кавказе уделяла особое внимание мусульманскому духовенству с целью привлечения его на свою сторону, так как за влияние в регионе, кроме России, боролись

Иран и Турция. В связи с этим проводилась политика не жесткого подавления выступлений горцев, а привлечения их на свою сторону. «Ни единой силой оружия принадлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие и имеющие в оных от войск убежища; но паче правосудием и справедливостью нужно приобрести их к себе уверенность...»⁵⁴ – говорилось еще в инструкции Екатерины II от 28 февраля 1792 г. В прокламациях А.П.Ермолова от 26 июня и 1 августа 1822 года также горцам гарантировалась свобода веры и обычаев. «Класс эфендиев есть именно то, от привлечения которого может произойти польза, если не большая, то и не меньшая, чем приобретаемая силой оружия»⁵⁵, – писал военным начальникам на Кавказе в 1836 году А.Х.Бенкендорф. Такое большое внимание уделяли власти мусульманскому духовенству Северного Кавказа.

Мусульманское духовенство во главе со своими духовными судьями выступало против коренных горских обычаев – адатов, стремясь навязать народу мусульманское право. Еще активнее боролось местное духовенство против введения русскими в Карачае и других горских обществах выборных судов. «Высшие сословия и муллы, не желая расставаться с исключительными правами на судебную власть в обществах, представляли народу в невыгодном свете учреждения судов из выборных от всех свободных горских сословий и тем замедлили ход выборов», – говорится в отчете о военно-народном управлении Кубанской области с 1 января 1863 по 1 января 1869 г.⁵⁶

Из третейских и выборных судьи постепенно сделались постоянными. Было установлено место, где должны были заседать эти судьи. Учреждались народные суды – мехкеме (судебные палаты), дела в которых решались по шариату. Каждое мехкеме состояло из одного муфтия и трех кадиев. Муфтий был начальником судебного округа, а кадии составляли его совет.

Таким образом, в их руках соединялись не только судебная, но и административная власть. Царизм сумел подчинить мусульманское духовенство своим интересам, чтобы эфенди и муллы проводили идеологическую пропаганду, необходимую российской администрации. Духовные судьи (кадии), как и третейские (тере), решали дела в пользу князей и феодалов.

Выбор на должность кадия или эфенди представителей феодальной знати не бывал случайным⁵⁷. «Они были опорой царизма в годы войны, союзниками по борьбе с антиколониальным движением народа. Они стали его опорой и в пореформенный период»⁵⁸, – писал Г.Петров, посетивший Карачай в 1870-е годы. Он отмечал, что и в это время все внутренние распорядки общины зависели от князей.

Феодальная верхушка черкесов, карачаевцев, абазин и ногайцев использовала в своих целях и суд, и народное собрание, которые в XIX веке только по форме напоминали общинные институты, а по содержанию были уже скорее институтами феодального права.

Таким образом, большую роль в судопроизводстве в горских округах Кубанской области играли нормы обычного права – адаты, – и мусульманского права – шариат. Они отражали процесс становления феодальных отношений и уровень их развития, степень влияния мусульманского окружения на народы Северного Кавказа.

Адаты и шариат стали той основой, на которой строилась политика российской администрации по отношению к горскому населению. Созданные на Северном Кавказе судебные и административные органы в своей деятельности обязательно руководствовались нормами обычного права, которые продолжали играть существенную роль в жизни горских народов. Российские власти пытались внедрить в правовую систему горцев нормы российского законодательства. Но такие попытки до поры до времени заканчивались, как правило, неудачно.

§ 2. Создание новых судебных учреждений

Наиболее последовательной из реформ 1860–70-х гг., проведенных в Российской империи, была судебная. Вместо сословного феодального суда она вводила новый, бессословный суд, основанный на принципах юридического равенства.

Новые судебные уставы уголовного и гражданского судопроизводства, утвержденные 20 ноября 1864 года Александром II, гарантировали «суд скорый, правый и милостивый, равный для всех»⁵⁹. И действительно, власти стремились к осуществлению

этой цели. Создавались институты присяжных заседателей, адвокатов, нотариат⁶⁰.

Судебная реформа впервые утвердила в России 4 основных принципа нового права:

- независимость суда от администрации;
- несменяемость судей;
- гласность;
- состязательность судопроизводства.

Были созданы общие и мировые суды. Мировой суд (в составе одного человека – мирового судьи) разбирал менее важные дела и гражданские иски.

Общий суд состоял из Окружных судов, Судебных палат и Сената. Окружные суды разбирали все гражданские и уголовные дела (кроме особо важных). Судебная палата рассматривала особо важные уголовные и почти все политические дела (кроме особо важных). Особо важные политические дела были подсудны Верховному уголовному суду, который функционировал не постоянно, а лишь в исключительных случаях. Единой кассационной инстанцией для всех судов империи был Сенат.

Известный историк и публицист Г.А.Джаншиев хорошо показал, насколько судебная реформа была необходима стране и её гражданам, и как её восприняли современники.

Вот как отзывалась о судебной реформе редакция газеты «Вестник Европы»: «Высочайшая власть, совершившая судебную реформу нынешнего года, сделала прочное дело, историком которого останется сам стоустый народ, а нами в летописях народной жизни назовется годом «откуда есть пошла наша правда»⁶¹.

Не менее восторженный отзыв о судебной реформе дается в «Русском Вестнике»: «Из всех великих реформ нынешнего царствования судебная реформа наиболее способна коренным образом изменить условие нашего народного и государственного быта; как ни решительны и глубоки были государственные преобразования, предшествовавшие судебной реформе, ей одной принадлежит самый обширный круг действий на все наши общественные отношения, частные и официальные, и вместе с тем на понятие всех классов народонаселения»⁶².

Открытию новых судебных учреждений посвятили статью и «Санкт-Петербургские ведомости». «Давно желанное торжество

свершилось; 17 апреля открыты новые судебные места в Санкт-Петербурге. Всё заставляет надеяться, что результаты не останутся ниже ожиданий, что они привьются к нашей почве и пустят в ней прочные и глубокие корни. Главная роль в этом великом деле принадлежит теперь судьям, прокурорам и присяжным поверенным⁶³, – говорилось в ней.

Отзывы газет того времени свидетельствуют, что судебная реформа действительно произвела на многих современников глубокое впечатление. Российская общественность ждала от этой реформы многого: новых планов, новых порядков, новых судебных учреждений. “Где есть благоустроенный суд, там есть право, где есть право, там есть ограждение личности, там есть законная свобода⁶⁴, – писала газета “Голос”.

Однако очень скоро обнаружилось, что новый суд не может быть равным для всех. Для крестьян не были отменены такие наказания, как телесные и наложение клейма на лицо. Для них тюремное наказание могло быть заменено наказанием розгами. То, что в основе нового судостроительства и судопроизводства лежал буржуазный принцип равенства всех перед законом, было очевидно. На деле отношение российского судопроизводства к дворянству, разночинцам, мещанству и крестьянству было совершенно различным. Члены Государственного совета, министры и чиновники старше титулярного советника подлежали особому суду. Духовный суд разбираал дела только лиц духовного звания. Служившие в армии могли быть судимы военным судом, для крестьянства сохранили волостной суд. Все это говорит о том, что принцип бессловности суда на практике не удалось соблюсти, в системе судопроизводства и после реформы сохранились элементы старых процессуальных форм.

В состав суда мог попасть не каждый. Для этого необходимо было обладать определённым имущественным, образовательным и служебным цензом, то есть судьей мог стать только состоятельный и образованный человек. Классовый характер суда проявлялся и в порядке избрания присяжных заседателей. Присяжными заседателями юридически могли стать представители всех сословий, фактически же эта норма также ограничивалась имущественным цензом. Но даже с такими ограничениями введение института присяжных изменило деятельность окружных судов в лучшую сторо-

ну, так как суд присяжных – наиболее демократическая форма определения виновности или невиновности обвиняемого. Судебная реформа 1864 года, несмотря на некоторые пережитки прошлого (нарушение бессловности суда, сохранение особых судов для крестьян и духовенства, телесных наказаний для крестьян, ссыльных, каторжных и штрафных солдат), явилась самым крупным в истории Российской империи шагом к правовому государству. Она наиболее последовательно из всех проведенных преобразований 1860–70-х гг., содействовала развитию цивилизованных норм законности и правосудия в стране.

В течение десятилетий все реформаторские проекты в России выливались в полумеры, и даже великие реформы 1860 –начала 1870-х годов не вышли за рамки незавершенных либеральных преобразований. Также противоречиво развивалась в России и судебная реформа. В ней также отразилось нежелание чиновных реформаторов решительно расчистить путь для развития гражданских отношений в сфере политики и права.

Ещё более сложным оказалось проведение судебной реформы на Северном Кавказе, где базис оставался феодальным, а в области права господствовали нормы адата, переплетавшиеся с нормами шариата. Специфика юридических норм народов Северного Кавказа препятствовала распространению на них в полном объёме русского законодательства, что, по мнению чиновников кавказской администрации, не способствовало “полному замирению” этого беспокойного края.

К общим причинам, побуждавшим правительство проводить судебно-административные реформы, присоединились и местные причины, обусловленные военно-колониальной политикой русского царизма. Для народов Северного Кавказа судебная реформа явилась самым кардинальным изменением в их жизни, так как внесла в их жизнь, помимо адатов и шариата, более современные нормы уголовного и гражданского законодательства

Самым низшим звеном территориально-административного устройства в 60-х годах XIX века в горских округах Кубанской области было сельское население с его основными должностными лицами.

“Положение об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении”⁶⁵,

изданное в 1868 г., определяло не только порядок образования аульных обществ, их состав, круг деятельности, права и обязанности лиц аульного правления. Оно касалось и вопросов аульного суда.

Судебными правами, по положению, наделялся аульный сход. В аульный сход входили “все совершеннолетние домохозяева, принадлежащие к составу аульного общества”⁶⁶, – говорилось в “Положении”.

Как известно, аульное общество составлялось “из всех лиц свободного состояния, живущих в одном большом или нескольких маленьких посёлках, соединённых для удобства управления в одно общество”⁶⁷. В работе сельского схода с правом решающего голоса могли принимать участие только главы самостоятельных хозяйственных единиц, причем не все, а только достигшие 25-летнего возраста. Лишены были права голоса не только женщины и батраки, но и все младшие члены семьи мужского пола. В некоторых случаях лишались голоса и совершеннолетние главы семейств – когда они находились под следствием или отдавались под надзор общества решением судебных и административных органов⁶⁸.

Решения аульных сходов выносились в виде приговоров, которые заносились в специальную книгу и подписывались членами схода.

Приговоры могли касаться материальных отношений внутри сельского общества; вопросов землепользования на общинных землях⁶⁹; удаления неугодных лиц из аула⁷⁰; строительства и ремонта общественных зданий, дорог, школ, мечетей. Кроме того, сельские сходы утверждали сметы расходов из общественных касс, которые ежегодно пополнялись за счёт мирских сборов с населения⁷¹. Из этой суммы выделялось жалованье членам сельского правления и учителям сельских школ.

Все дела в сельском суде разбирались словесно, причем, во время разбирательства на сходе разрешалось находиться и посторонним.

Собирал сход и занимал на нём первое место аульный старшина. Время созыва очередного схода и характер обсуждаемых вопросов во многом зависели от его решений. Старшина мог поддержать очередной сход, изменить повестку дня по своему усмотрению (были случаи, когда старшина разгонял сход до окончания

его работы), имел право за малейшие проступки штрафовать жителей аула, подвергать их аресту и т. д.⁷².

Кроме старшины, в управление аула входила комиссия для раскладки и взимания податей и других сборов. В горских округах Терской области, также, как и в Кубанской, старшины назначались, в основном, из представителей сельской знати, несмотря на то, что выдвигали кандидатов и зажиточные и беднейшие слои населения. Так, в 1909 году на сельском сходе жители аула Кучмазукино на должность старшины выдвинули две кандидатуры: Хажумара Шогенцукова и Юсуфа Алокова. Народ проголосовал за Шогенцукова, однако прошёл Алоков в связи с тем, что он являлся представителем зажиточной части аульчан. «Администрация утвердила его на должность старшины, так как он был более надежной фигурой, чем менее состоятельный Шогенцуков», – пишет в своей работе современный исследователь Ж.А.Калмыков⁷³.

Но были и популярные старшины, такие, как поручик Ожай-Хаджи Байчоров в Карачае, проработавший 24 года на этой должности в ауле Верхняя Теберда⁷⁴. «Этого человека признавали все»⁷⁵, – отзывались о нем старожилы. Не менее популярными были Кючук Блимготов, проработавший 22 года в ауле Мара, Даулет-Гирей-Хаджи Байрамуков и Ахмат Байрамуков⁷⁶. Эти старшины служили не только интересам администрации, но и своему народу. В большинстве случаев аульные старшины вместе с аульной администрацией и русским самодержавием уделяли сельским сходам значительное внимание, так как здесь решались вопросы об уплате налогов, о недоимках и задолженностях, объявлялись различные указы и распоряжения.

Вмешательство чиновников в аульские выборы и практика назначения аульных старшин было вызвано желанием российского правительства «иметь в аулах своих людей», защищавших интересы администрации, писал в своей работе «Кавказские горцы» Я.В.Абрамов⁷⁷. Жители аула с недоверием относились к сельским старшинам, если те защищали интересы русского самодержавия. Недоверие к ним усиливалось частыми среди старшин случаями злоупотреблений своим положением⁷⁸. И во второй половине XIX века общественные суммы нередко переходили в карманы аульных властей, хотя «Положением» 1868 г. им предписывалось забо-

тяться о нуждах общества. На деле потребности сельской общины старшиной могли и вовсе не учитываться.

Все жители аула были связаны круговой порукой – за преступление одного отвечали все. За воровство на территории общины все село несло материальную ответственность. Между правовым положением горских и казачьих общин равенство соблюдалось не всегда. “В то время, как за убийство казака на аульной территории весь аул нес жестокое наказание, убийство горцев часто оставалось безнаказанным. Такая разница в защите личности также не могла не порождать недовольство населения”⁷⁹.

Таким образом, общественное устройство сельских сходов, как органов сельского общественного управления, было далеко не демократичным, хотя состав и характер сельских сходов постепенно приобретали черты буржуазно-демократических органов. Сельские сходы не освободили горское население от опеки крупных местных владельцев, которые во всех аулах в качестве старшин продолжали руководить хозяйственной и общественно-политической жизнью сельских обществ в горских округах Кубанской области.

Сельские сходы находились под жестким контролем окружающей администрации, которая грубо вмешивалась в их деятельность и утверждала в должностях сельских правлений в основном представителей княжеского рода и дворянства. Сельская буржуазия, а вместе с ней и крупные феодалы, опираясь на поддержку царской администрации, способствовали ликвидации тех ничтожных прав сельских сходов, которые были предоставлены им в результате административных преобразований 60-х годов XIX века.

Во второй половине XIX – начале XX века в каждом ауле функционировал аульный суд, полномочия которого определялись “Временными правилами Горских Словесных Судов”⁸⁰. Избирались аульные суды в составе трех человек на три года на аульных сходах простым большинством голосов⁸¹, а затем утверждались начальником Кубанской области. Членов суда избирали из числа зажиточных крестьян на сельском сходе⁸². Аульный суд разбирал имущественные споры и тяжбы между горцами, дела о мошенничестве и мелких кражах (если цена краденного не превышала 10 руб.), о наследстве и опекуновстве (если стоимость имущества не

превышала 100 руб.) и дела о нарушении общественного порядка⁸³.

Представители мусульманского духовенства не являлись членами аульного суда, но были обязаны принимать участие в заседаниях суда, если вопрос касался бракоразводных процессов, уплаты калыма, раздела имущества и т. д. Во всех остальных случаях суд руководствовался нормами обычного права (денежное взыскание, арест), и присутствие эфенди было необязательным.

С точки зрения Ж.А.Калмыкова, «сельские административно-судебные органы были призваны сохранить и упрочить сложившиеся общественно-политические отношения, так как они отвечали интересам царского правительства»⁸⁴.

Положительным было то, что во второй половине XIX века в связи с введением таких юридических институтов, как адвокатура и прокурорский надзор, у подсудимых в окружных и сельских судах появилась возможность нанимать себе защитников. Судебные процессы разрешались в большинстве случаев в пользу зажиточных и обладающих властью людей, что еще раз подтверждает зависимость суда от администрации и господство в них феодального права.

Царская администрация на Северном Кавказе поддерживала нормы обычного права горцев, отводя незначительную роль шариату. Это объяснялось прежде всего стремлением ограничить роль мусульманского духовенства в общественной жизни горцев. Кроме того, применение адатов в судопроизводстве горцев «давало возможность внести в народные суды начал гражданских и сблизить их постепенно с порядками общего судопроизводства»⁸⁵.

«Народные» или окружные суды действовали под председательством окружного начальника или его помощника «в составе трёх депутатов и двух кадиев по выбору населения»⁸⁶, то есть члены новых судебных органов избирались из местного населения, а председателями являлись начальники военно-народных управлений, — пишет Ж.А.Калмыков⁸⁷.

По примеру российского судебного законодательства, все судебные дела в народных судах подразделялись на гражданские и уголовные. В ведении окружных судов оставались гражданские иски и менее важные уголовные дела (воровство, драка, грабеж и

т. д.). Исключение составляли уголовные дела, связанные с убийством и нанесением ран, которые тоже оставались в ведении народного суда, если преступление не было совершено по политическим мотивам.

Наиболее важные дела, такие, как “измена, возмущение против правительства, личное неповиновение начальству и оскорбление его, разбой, похищение казённого имущества, убийство и поранение с увечьем”, были изъяты из ведомства народных судов. В остальных случаях виновные наказывались в административном порядке, что означало выселение в Сибирь или в одну из внутренних губерний России.

Если преступление горца считалось особо опасным, царская администрация передавала его военному суду для осуждения по военно-полевым законам. И во многих случаях судьба горца зависела от начальника округа или даже начальника участка, так как строгого и точного порядка в отношении наложения на горцев наказания за совершенные преступления не существовало.

Таким образом, в 50-х – начале 60-х годов XIX века на Северном Кавказе были созданы новые судебные учреждения, которые назывались “народными”, хотя реальное участие в них “народного элемента”⁸⁸ было незначительно. Достаточно отметить, что в горских судебных учреждениях вся власть принадлежала чиновникам административно-политического аппарата управления, которые одновременно выполняли обязанности председателей областных, окружных и участковых органов суда. В состав судебных учреждений входили также местные феодалы и мусульманское духовенство, которые защищали, прежде всего, свои классовые интересы.

Наряду с новыми судебными учреждениями у горских народов Кубанской области сохранились посреднические (медиаторские) суды, которые создавались сторонами, участвовавшими в тяжбе, в каждом конкретном случае. Решения медиаторских судов считались окончательными и обжалованию не подлежали⁸⁹.

К 60-м гг. XIX века, отмечалось в отчете наместника Кавказа, аульские учреждения большей частью продолжали иметь то же самое устройство, которое им было дано 30 лет назад⁹⁰. Как на одну из важнейших причин новой реформы, указывалось на “несостоятельность суда”, не только “не внушавшего населению

никакого доверия”, но и “заставлявшего даже самую администрацию предпочитать полицейскую расправу правильному судебному преследованию”⁹¹. Это ещё раз подтверждает, что указанные судебные учреждения были созданы применительно к нормам обычного права горского населения Кубанской области. Являясь орудием осуществления колониальной политики царизма, народные судебные учреждения сводили на “нет” ту правовую основу (ограничение прав коренного населения, влияние на местные адаты в случаях спорных дел и т. д.), которую так усердно превозносила царская администрация на Северном Кавказе. То есть окружные суды на национальных окраинах, хотя и содержали некоторые элементы буржуазного суда, все же, по своему характеру, оставались сословными, так как “члены суда, как правило, избирались из представителей местной аристократии”⁹².

30 декабря 1869 года в Кубанской области были введены судебные уставы, изданные 20 ноября 1864 года в России. Однако они были распространены только на русское население области, а что касается горского населения, то в тот раз судебная реформа их не коснулась.

С 1 января 1871 года горское население Кубанской области перешло в гражданское управление. Одновременно с введением гражданского управления в горских округах вводились и новые судебные учреждения – Горские Словесные Суды.

Аналогичные ранее существовавшим так называемым “народным судам”, Горские Словесные Суды имели мало общего с судебными уставами 1864 года. Новые суды вводились, якобы, временно, до полного, как писалось, “распространения русского законодательства”⁹⁴.

В соответствии с этим, для руководства работой судов 18 декабря 1870 года было обнародовано постановление о введении в Кубанской и Терской областях “Временных правил Горских Словесных Судов”, утвержденных Наместником Кавказским. Но это снова были “временные” правила, которые вводились “впредь до полного введения судебных уставов 20 ноября 1864 года в местностях, занимаемых горским населением Кубанской и Терской областей”⁹⁵.

Судебная реформа 60–70-х годов XIX века на Северном Кавказе, вызванная политическими потребностями России, подменяе-

мая различными временными правилами, так и не была распространена на горское население Кубанской области. Русские суды и законы не всегда были последовательны в своих решениях, и попытка сочетать их с местными адатами не всегда получалась удачной. Об этом писал М.Н.Рейнке: “Хотя в пределах всего Кавказского наместничества и введены судебные уставы 20 ноября 1864 года, но в разных частях края допущены столь существенные от них отступления, что объединения судебной организации являются лишь мнимыми”⁹⁶.

“Временные правила” для горских судов были неудачной попыткой “применения к горским и народным судам начал русского судопроизводства”⁹⁷. В Кубанской области было создано три Горских Словесных Суда: Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский, где наиболее сосредоточено горское население.

1. Екатеринодарский Горский Словесный Суд.

В ведомстве Екатеринодарского Горского Словесного Суда находились г. Екатеринодар и 33 селения Кубанской области Екатеринодарского отдела, а также одно селение Темрюкского отдела, в котором проживали темиргоевцы, бжедуховцы, шапсуги, натухавцы.

Председателем Екатеринодарского Горского Словесного Суда являлся младший помощник атамана Екатеринодарского отдела титулярный советник Евтихий Васильевич Капустин. Кроме председателя, в суде находились двое судей – депутаты Абубагир Тлахас и Камбулат Бжегаков, а также кадий Магомет Совмис. Депутаты получали жалованье в год по 200 рублей, а кадий – 300. Все это жалованье выплачивалось по смете штаба Казачьих войск.

Делопроизводство в суде велось по уголовным, гражданским и опекунским делам, именованным спискам лиц, подвергшимся денежным штрафам за разные проступки, алфавитам лиц, подвергшихся наказаниям по приговорам Горского Словесного Суда.

Поступающие в Горский Суд дела рассматривались по истечению одного года с момента поступления (“например, дело номер 199-1909 г., отложенное 8 апреля 1909 года до другой очереди, не назначено до сего времени”, – писал Н.М.Рейнке в 1912 г.)⁹⁸.

Все поступающие в суд уголовные дела рассматривались судом в коллегиальном составе, и статья 11 “Временных правил”, которая гласила: “Совершённые горцами и предусмотренные уста-

вом о наказании судебные проступки: против порядка управления (ст. 29-34), против благочиния, порядка и спокойствия (ст. 35-51), против общественного благоустройства (ст. 52-7), против народного здоровья (ст. 102-116) – и все нарушения уставов: о паспортах, о строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного (ст. 58-161) – решаются одним председательствующим в Горском Словесном Суде, без участия депутатов¹⁹⁹ – в данном случае не соблюдалась.

2. Майкопский Горский Словесный Суд.

В ведомстве Майкопского Горского Словесного Суда находилось 13 аулов Майкопского отдела с проживающими в них кабардинцами, абадзехцами, темиргоевцами, абазинами. В течение года Майкопский Горский Словесный Суд рассматривал примерно 443 гражданских и 151 уголовных дел.

Так же, как и в Екатеринодарском Горском Словесном Суде, в Майкопском велись книги по делопроизводству, где регистрировались заявления по уголовным делам, велись описи по гражданским делам и описи по делам опекунам. Имелся настольный журнал, входящий и исходящий реестры. В отличие от Екатеринодарского Горского Словесного Суда, в Майкопском книга для записывания налагаемых штрафов не велась, так как штрафы уплачивались в управление атамана отдела.

Председателем Майкопского Горского Словесного Суда был назначен младший помощник атамана Майкопского отдела надворный советник Антон Иванович Альшанский. Кроме того, в составе суда имелись двое судей – депутаты Омар Сиюхов и Келемет Кунжев, а также кадий Джанхот Хатков. Майкопский Горский Словесный Суд отличался образцовостью благодаря опытности председателя суда надворного советника Альшанского.

Баталпашинский Горский Словесный Суд

В ведомстве Баталпашинского Горского Словесного Суда находилось 34 аула Баталпашинского отдела. Горское население отдела отличалось разнородностью и большим количеством языков. Отдел населяли следующие горские народы: кабардинцы, абазины, карачаевцы, бесленеевцы, ногайцы и абадзехи. По количественному составу горское население Баталпашинского отдела было весьма значительным. Численность населения отдела составляла 71562 горца различных народностей.

Баталпашинский Горский Словесный Суд был более загруженным делами, чем другие Суды Кубанской области. Из-за отсутствия опытного руководства дела в этом суде шли очень медленно.

Из года в год огромное количество дел оставалось нерассмотренным, в связи с чем переносилось на следующий год. По данным 1910 года, положение дел Баталпашинского Горского Словесного Суда выглядело следующим образом.

Таблица 3
Положение дел в Баталпашинском Горском Словесном Суде на 1910 год¹⁰⁰

Состояние и движение дел	Уголовных	Гражданских	Всего
К началу года в суде находилось	1 443	1 446	2 889
В течение года поступило	234	551	875
Удалось рассмотреть	176	417	593
Осталось к январю 1911 г.	1 789	1 580	3 369

Председателем Баталпашинского Горского Суда был назначен младший помощник атамана Баталпашинского отдела титулярный советник Иосиф Константинович Литевский. Также имелись судьи – депутаты Мусса Ахлов и Идрис Батчаев, кандидаты к этим депутатам Якуб Карданов и Таугери Урусов и два кадия: от карачаевского народа хаджи Джагафар Хачиров, а от зеленчукских горцев – хаджи Исса Ионов.

В отличие от Екатеринодарского и Майкопского Судов, кадии Баталпашинского Суда вместо 300 рублей получали по 150 рублей в год из тех денег, которые отпускала казна на одного кадия. Поступающие в Баталпашинский Суд дела разбирались в течение двух-трех лет. Заседания Суда для разбора дел назначались лишь в определённые месяцы и редко, поэтому в течение года и накапливались нерассмотренные дела.

В канцелярии суда находились книги по делам уголовным, гражданским, шариатским, опекунским и кассационным, настольный журнал, две книги для записи лиц, оштрафованных за неявку в суд (одна по карачаевским аулам, а другая – по зеленчукским), книга для записей штрафных сумм, книга для вещественных доказательств, квитанционная книга для записи пошлин и другие. Для всех горских судов было характерно ведение делопроизводства, где отмечались постановления суда заседаний Горских Словесных Судов. Заседания в горских судах происходили ежедневно или в устанавливаемые начальником области сроки, за исключением воскресных и табельных дней, а также времени полевых работ. В местностях с мусульманским населением, суды не собирались по пятницам и во время праздника Курбан-Байрама.

Статья 22 “Временных правил” гласила: “Горский Словесный Суд разбирает дела устно и публично. При закрытых дверях разбираются дела о поступках против прав семейственных, об оскорблении женской чести и других соединенных с соблазном действиях, а также дела о проступках, преследуемых не иначе, как по жалобам частных лиц, и дела исковые, когда обе стороны просят о негласном разбирательстве дела и суд найдет их просьбу уважительно”¹⁰¹.

В Горских Словесных Судах велся реестр, где отмечались номера по порядку засвидетельствования; число и месяц засвидетельствования; лица, для которых совершено засвидетельствование, место жительства свидетелей; содержание засвидетельствованных актов; расписка в обратном получении засвидетельствованных актов лицами, предъявлявшими их. Реестры выдавались ежегодно за подписью правителя канцелярии, а затем по истечении года сдавались в суд для хранения.

Второй судебной инстанции для горского населения в Кубанской и Терской областях не было. Жалобы на решения горских судов рассматривались и разбирались только начальником области, что можно считать подтверждением зависимости суда от администрации, несовместимой с содержанием судебных уставов 1864 года.

Как уже говорилось, Горский Словесный Суд состоял из председателя, назначаемого администрацией, депутатов (судей) и одного кадия¹⁰². Члены горских судов избирались на три года дву-

степенными выборами: каждое сельское общество выбирало доверенных, а они после принесения клятвы закрытым голосованием избирали депутатов и кадия¹⁰³. Окончательное утверждение членов суда производилось начальником Кубанской области. Н.М.Рейнке передает слова одного из местных деятелей, рисующие степень участия начальника области в решении поступающих к нему дел: “Рассмотрение непосредственно начальником области, обремененным сверх всяких сил другими делами службы, поступающих к нему на окончательное решение всех апелляционных жалоб из Горских Словесных Судов, является невыносимым. Не может справиться с этим делом и его правитель канцелярии; всё зависит от столоначальника, ему приходится верить на слово”¹⁰⁴.

Основную ответственность за деятельность суда нес председатель суда – окружной или уездный начальник. Он мог назначать время проведения заседания суда, выбирать дела, подлежащие рассмотрению, определять порядок ведения судебного заседания. Часто он же и выносил приговор. За “нарушение спокойствия и благопристойности” на суде председатель мог наказать виновных штрафом от 25 копеек до 3-х рублей¹⁰⁵.

Представители администрации также определяли выбор судей и кадия. Вначале аульные общества выбирали доверенных лиц, а затем из их числа начальник округа, а позже атаман отдела, назначал кадия и депутатов. Зависимость суда от администрации подчёркивал параграф пятый “Временных правил”, где говорилось: “Горские Словесные Суды непосредственно подчинены начальнику области, от которого зависит наложение взысканий дисциплинарных на лиц, служащих в этих судах, и распоряжение о предании виновных суду в случае более важных преступлений по должности”¹⁰⁶.

Горский Словесный Суд разбирал дела гражданские и часть дел уголовных: о краже с оружием и без оружия, если цена похищенного не превышала 300 рублей и если кража совершена в первый раз, дела о похищении, растлении и изнасиловании женщин и т. д. Если же цена ущерба превышала 300 рублей или преступление совершалось повторно, дело считалось неподсудным горскому суду и рассматривалось общими судебными учреждениями. Если истец или ответчик не принадлежали к горскому населению, то

Горский Словесный Суд также не имел права рассматривать такие дела.

Если определять достоинство суда исключительно степенью его дешевизны для казны и для тяжущихся, то горские и народные суды были близки к идеалу. Девять горских судов Терской и Кубанской областей обходились казне в 9 720 рублей. Сам порядок избрания депутатов горских и народных судов был настолько несовершенным, что в судебную коллегия очень редко попадали достойные люди. Никаких общих для всех судов судопроизводственных правил не существовало, хотя это было необходимо.

В своем большинстве горские суды сочетали в себе элементы российского судопроизводства с местным феодальным правом. Широко были распространены в суде такие пережитки родового быта, как соприсяжничество, очистительные присяги, материальная ответственность родственников за нанесенный ущерб и прочее. Основания для вынесения решений по-прежнему оставались неясными и двойственными.

Многие гражданские и уголовные дела решались по нормам обычного права горцев (кражи, умыкание женщин, увечья). Шариат рассматривал дела о разводе, калыме, законности рождения и правах наследования¹⁰⁷. Бракоразводные процессы совершались вне суда, лично кадием. Кроме того, наказания, которые мог налагать Горский Словесный Суд, сводились или к уплате вознаграждения (по гражданским делам), или к штрафу (по уголовным). Сумма штрафов обычно не превышала 100 рублей.

Дела, для решения которых обычай не сложился, рассматривались по законам Российской империи и не подлежали ведению Горских Словесных Судов. Это были в основном иски, связанные с интересом казенных управлений или иски, в которых участвовали в качестве истца или ответчика лица, не принадлежащие к горскому населению. В обоих случаях дела решались мировым или окружным судом, в зависимости от рода и цены иска. Надо отметить, что «должность судьи сулила большие выгоды, так как в судах царило взяточничество»¹⁰⁸. Поэтому перед выборами желающие попасть в судьи не жалели ни денег, ни обещаний. Часто были случаи прямого подкупа избирателей. Н.М.Рейнке так передает слова очевидца: «Баллотировка походит на продажу с публичного торго выгодных должностей депутатов горского суда»¹⁰⁹.

Маловажные дела решались аульными судами. Для всех судебных инстанций было характерно крайнее равнодушие к нуждам горцев и бюрократическая волокита. Военные в любое время могли отстранить судей от должности. В горских округах отсутствовали присяжные поверенные и адвокаты.

Правила для каждой области вырабатывались без согласования с подобными же правилами, установленными в других областях, без предварительного обследования быта местного населения. Система уголовных репрессий, опираясь на административные круги, даже в самых ярких проявлениях преступности, не ограждалась ни государственным, ни общественным порядком.

Таким образом, Горские Словесные Суды были настолько несовершенны, что в администрации Кубанской области был поставлен вопрос о коренной реформе или полном упразднении существующих Горских Словесных Судов.

Основными недостатками, по мнению администрации, были отсутствие юридического образования у председателя Горского Словесного Суда и полная неподготовленность к юридической деятельности судей – депутатов от горского населения, подчас совершенно не знакомых с местными обычаями. Например, многонациональное горское население такого отдела, как Баталпашинский, было представлено только двумя депутатами, тогда как каждое горское поселение отдела представляло собою отдельный народ, имевший свои особые обычаи, практически неизвестные депутатам от другого народа. Как недостаток Горских Словесных Судов фигурировало и отсутствие апелляционной инстанции.

Горские суды не были популярны у самих горских народов, и нередко участники тяжб избегали разбирательства их дел в Горском Суде.

Горские обычаи (например, насильственное похищение женщин, тайное взятие вещи, близкое по понятию к краже и т. д.), находившиеся в ведении Горских Словесных Судов, не заслуживали покровительства¹¹⁰.

Одним из главных недостатков суда было лжесвидетельство, настолько укрепившееся в нем, что сам народ не верил своему суду. Например, если предстоял разбор дела о краже, то, согласно адату, горец должен был представить пять соприсяжников. Они должны были присягнуть в том, что подсудимый не совершал

кражи. Если же хоть один из соприсяжников отказывался присягнуть в пользу подсудимого, то это считалось достаточным основанием для его осуждения. Примеров тому можно привести много. Однако важно не количество примеров, а извращенное применение норм адата, допускаемое в Словесных Судах.

Следующий недостаток заключался в том, что судьи не избирались, как это было предусмотрено, а назначались администрацией. Терялось самое драгоценное свойство суда – вера в него со стороны населения, а отсюда “недалеко и до лжеприсяги и до взятничества”¹¹¹.

Необходимость упразднения горских и введение общеимперских судов доказывал ещё в 1870 году кабардинский просветитель Казим Атажукин. В “Заметке на статью г. Граббе” он писал, что чем скорее будет устранено старое судопроизводство, “не обещающее ничего хорошего, тем будет лучше”¹¹².

В отчёте начальника Кубанской области отмечалось, что сравнительно небольшое в процентном отношении горское население области (на 2 млн. населения области приходилось около 108 тысяч горцев обоего пола) “близко к слиянию с коренным русским элементом и вполне созрело к принятию реформы Горских Судов в смысле их упразднения”¹¹³. Однако в связи с ожиданием утверждения нового положения об аульных обществах, а также в виду предстоявшего пересмотра общего вопроса о судопроизводстве штаб Кавказского военного округа приказал начальнику Кубанской области в отзыве от 28 марта 1902 г. повременить с данным вопросом¹¹⁴.

В отчете за 1906 год начальник Кубанской области вновь указал на необходимость упразднения Горских Словесных Судов с передачей дел, рассматриваемых этими судами, в подсудность общих и мировых судебных установлений. В рапорте указывалось, что незнание горцами русского языка не может служить препятствием для передачи дел в общие и мировые суды, так как “молодое поколение” свободно владеет русским языком.

По мнению наместника Кавказа, и такая мера была преждевременной, в канцелярии наместника сочли нужным только пересмотреть “Временные правила” для Горских Судов от 18 декабря 1870 года с целью изменений и дополнений, согласно необходимым по требованиям жизни горского народа и правосудия.

Итак, Горские Словесные Суды, просуществовавшие несколько десятилетий, в начале XX века перестали соответствовать изменившимся условиям жизни. В связи с этим в высших сферах власти был поставлен вопрос об их упразднении или о передаче подсудных им дел в компетенцию мировых судей.

19 июня 1911 года в ауле Бибурдовском Кубанской области (местность Эльбурдан) по распоряжению сенатора Н.М.Рейнке было созвано совещание должностных лиц судебных органов и представителей местного горского населения для выяснения вопроса о недостатках организации существующих Горских Судов. На совещании к обсуждению были предложены три возможных решения вопроса:

- а) оставить Горские Суды как есть;
- б) упразднить эти суды, передав все дела единоличным мировым судьям;
- в) реформировать Горские Суды так, чтобы дела решал мировой судья при участии двух выборных от населения депутатов, но с правом только совещательного голоса.

Внимательно выслушав сенатора, участники разделились во мнениях в соответствии с предложенными вариантами. Большинство высказалось за сохранение Горских судов или же замену их мировыми судами с участием в их работе представителей местного населения с правом совещательного голоса. Представитель Баталпашинского округа предложил создать съезд кадиев в качестве апелляционной инстанции по шариатским делам.

Таким образом, в конце XIX – начале XX века судебные учреждения в том виде, в каком они функционировали, не могли отвечать требованиям времени. Но кавказская и центральная администрация не стремилась к особым преобразованиям, специально задерживая введение более прогрессивных судебных институтов, и невольно способствуя дальнейшему сохранению старых правовых норм, не противоречившим интересам царизма и феодальной верхушки.

Не решаясь сразу заменить на Северном Кавказе горские суды российскими, царское правительство придавало особое значение постепенному проведению судебной реформы, так как судебная деятельность представляла собой одну из функций государственного управления и отвечала его политическим интересам.

Удерживало центральную администрацию от быстрых нововведений и то, что при любой системе суда необходимо было учитывать особенности общественного строя, традиции, нравы, нормы обычного права, а также религиозные убеждения горского населения. В начале XX века на местах стало ясно, что медлить с нововведениями уже невозможно. Поняли это и в Петербурге. На Северный Кавказ была отправлена новая комиссия.

После проведенного совещания по вопросу преобразования судебной системы члены комиссии вернулись в Петербург с твердой уверенностью в необходимости проведения судебной реформы на Кавказе. Исходя из доклада комиссии, Министерство юстиции признало целесообразность упразднения горских и народных судов и выдвинуло проект реформы «судебной части для горского населения областей: Кубанской, Терской, Батумской, Дагестанской и округа Закатальского»¹¹⁵. Согласно новому проекту, обсуждавшемуся в правительственных кругах, на местное население Кавказского края, в том числе и в горских округах Кубанской области, предполагалось распространить русское законодательство со всеми его последствиями. Но правительство Николая II к проекту отнеслось с некоторым недоверием, и поэтому его осуществление было отложено. В 1914 году намеченные преобразования были прерваны началом Первой мировой войны.

Таким образом, одной из наиболее последовательных и радикальных реформ 1860–70-х годов в России была судебная, но и она осталась незавершенной. Не был реформирован Сенат – высшая судебная инстанция, сохранялся сословный волостной суд, имели место телесные наказания и т. д. Оставались еще суды, в которых пережитки феодальных отношений тормозили не только развитие хозяйства, но и правовую сторону жизни страны. Феодальным было право, по которому судили население, разные сословия подлежали разным юридическим нормам. А на Северном Кавказе судопроизводство продолжало усложняться переплетением российского законодательства с нормами обычного права и шариата. В этом регионе преобразования судебной системы были менее решительными, чем в центральных районах Российской империи.

Несмотря на ограниченность преобразований, на половинчатый характер и непоследовательность реформ в Карачае и Черкесии, они все же имели прогрессивное значение для горского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика проведения крестьянской, административной и судебной реформ у народов Северо-Западного Кавказа в XIX веке заключалась в особом геополитическом положении Северного Кавказа, где в течение нескольких десятилетий шла длительная Кавказская война, вызванная рядом причин.

Сложной была социальная стратификация населения, различным уровнем развития феодальных отношений внутри горских сообществ. Основными формами права были обычай и нормы мусульманского права – шариат. Важнейшим источником для определения уровня развития феодальных отношений у разных народов явились адаты.

Тесное переплетение феодальных отношений с пережитками патриархально-родового строя придавало горским обществам более архаичный вид, чем на самом деле. Видимая архаичность быта горского населения вводила в заблуждение российскую администрацию на Кавказе. Позже архаичность горских обществ стали преувеличивать некоторые историки¹¹⁵.

Адаты показывают наличие значительного имущественного и социального неравенства в горских обществах между простым народом и феодальной верхушкой: биями у карачаевцев, пши и тлекотлешами у адыгов, мурзами у ногайцев, агмиста-ду и агмиста у абазин.

Незавершенность процесса феодализации заключалась в том, что сельская община оставалась основной формой организации населения, а основная масса крестьян продолжала считаться свободными общинниками.

С середины XIX века земельные отношения у горских народов, как и весь строй их жизни, подверглись влиянию российского законодательства. Процесс развития капиталистических отношений, который в XIX веке уже шел в России, сыграл немалую роль и в жизни горских народов. Горские селения, где раньше господствовали только князья и дворяне, стали изменяться под влиянием вовлечения территории Северного Кавказа в модернизационные процессы, протекавшие в российском обществе.

Феодальные отношения и сословные пережитки были ослаблены проведенными на Северном Кавказе преобразованиями

1860–70-х гг.: отменой крепостного права, земельной, административной и судебной реформами.

Административные преобразования длились несколько десятилетий. Их основной целью было более полное подчинение горских народов Кубанской области российской администрации.

Первой формой правления на завоёванных территориях Северного Кавказа в первой половине XIX века была система приставств. С введением приставств политические права горцев Кубанской области, да и всего Северного Кавказа, были настолько ограничены, что горские народы становились только исполнителями указаний приставов. Такая система просуществовала до середины 50-х годов XIX века.

Преобразования проводились в интересах правительства. Они мало затрагивали положение народа и не ограничивали административной власти феодальных владельцев. Но в то же время они содействовали прекращению феодальных набегов и тем несколько улучшили положение основной массы населения.

По “Положению об управлении горцами Кубанской области”, в январе 1866 года были введены военно-народные управления, и все горские народы Кубанской области были распределены по пяти военно-народным округам: Эльбрусскому, Псекупскому, Лабинскому, Зеленчукскому, Урупскому¹¹⁶. В условиях войны управления стали носить более военный, чем народный характер. Начальниками округов могли быть только военные лица. Тем не менее, введение системы военно-народного управления улучшило положение горских народов. С 1860-х гг., когда стали создаваться военно-народные управления, российское правительство стало ограничивать административную власть горской знати. Эту потерю оно компенсировало им большими земельными наделами, достигшими порой нескольких тысяч десятин. Так, жители Клычевского аула (726 человек) имели надел в 3 721 десятину, а такие крупные владельцы, как Бек Мурза Трамов, – 500 десятин, поручик Кмузов – 1 500 десятин¹¹⁷, Хаджи-Мурза Крымшамхалов в Карчае имел 800 десятин¹¹⁸ и т.д.

Одновременно велась политика укоренения на Кавказе русских дворян, которым тоже даровались огромные латифундии. Так, графу Н.И.Евдокимову было пожаловано 1 060 десятин, генерал-адъютантам П.Х.Граббе и Г.И.Филипсону – по 6 000 деся-

тин¹¹⁹. Среди новых кавказских землевладельцев были генералы, офицеры, лица местной администрации, которые, таким образом, лишали горцев части их земель.

Земельная реформа проводилась с учетом сословного строя: тысячи и сотни десятин земли находились в руках высших сословий горского населения, а мизерные участки по 6-7 десятин (а иногда и меньше десятины) доставались крестьянам. Перераспределение земельных владений обострялось тем, что административные и аграрные преобразования проводились в условиях не законченной еще Кавказской войны. Только через несколько лет после её окончательного завершения начался переход к гражданскому управлению.

С января 1871 года военно-народные округа были ликвидированы. «Положение» 1871 года вводило у горских народов гражданское управление. Горское население Кубанской области, вместе с русским населением, вошло в состав уездов, на которые была поделена Кубанская область: Баталпащинский, Майкопский, Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский. Но период гражданского управления длился недолго, до 1888 года. С конца 1880-х годов уезды были преобразованы в отделы, в результате чего горское население целиком оказалось в подчинении казачьей администрации. У горцев Кубанской области были отобраны даже те небольшие крохи самоуправления, которые они получили в предыдущий период.

Включение территории Кубанской области в общее русло экономического развития России отразилось не только на развитии экономики, но и на социальной стратификации населения. Шел процесс имущественного расслоения крестьянства, появлялись новые социальные группы – зажиточные крестьяне, которых называли кулаками, и безземельные батраки. Формировались и новые сословия, придававшие особый статус жителям Кубанской области. Население в ней стало делиться на коренных жителей, которые обладали имущественными и политическими правами, и иногородних, не имевших права на получение земельного надела и голоса в народном собрании. Половинчатость, нечеткость, незавершенность реформ, постоянно менявшихся социальные отношения внутри народов, населявших Кубанскую область, отрицательно сказывались на положении основных слоев ее населения.

Судебная реформа должна была заменить сословный суд, находившийся в руках феодальной верхушки, бессословным судом, способным уравнивать всех перед лицом закона. Судебная реформа 1864 года вводила гласность, состязательность, независимость суда от администрации. Центральным звеном нового судебного устройства стал окружной суд с присяжными заседателями. Положительным в новом суде было то, что присяжные заседатели (12 человек) назначались из представителей всех сословий. Для избрания присяжных заседателей, однако, вводился имущественный ценз. Из-за него присяжными могли становиться лишь достаточно зажиточные люди.

Мировой суд, где главную роль играл мировой судья, разбирал менее важные дела и гражданские иски. Принцип несменяемости судей обеспечивал независимость суда от администрации и являлся одним из основных начал “правильного” (по терминологии того времени) судебного устройства.

Даже в России судебная реформа осталась незавершенной. Не был реформирован Сенат – высшая судебная инстанция, сохранялся сословный волостной суд, имели место телесные наказания и т. д.

Пережитки феодальных отношений тормозили не только развитие хозяйства, но и правовую сторону жизни страны. Феодальным было право, по которому судили население. Разные сословия подлежали разным юридическим нормам. А на Северном Кавказе судопроизводство усложнялось еще более переплетением норм российского законодательства с нормами обычного права (адатами) и шариатом. Обычное право (адаты), как и мусульманское право – шариат, отражало существовавшие общественные отношения.

Как на одну из важнейших причин реформы можно указать на “несостоятельность суда”, не только “не внушавшего населению никакого доверия”, но и “заставляющего даже самую администрацию предпочитать полицейскую расправу правильному судебному преследованию”¹²⁰.

Введение на Северном Кавказе с 1869 года судебных уставов по российским образцам 1864 года не ликвидировало сословности горского суда. В преобразованиях судебной системы на Северном Кавказе имели место консерватизм и непоследовательность. Глав-

ными причинами, тормозившими проведение кардинальной реформы горских судов, были различная подсудность населения Кубанской и Терской областей, смешение гражданского и уголовного судопроизводства, вмешательство в судопроизводство администрации.

Отсутствие юридического образования у глав Горского Словесного Суда, неподготовленность к юридической деятельности судей из депутатов, не всегда знакомых с местными обычаями, отсутствие апелляционной инстанции и непопулярность Горских Судов в среде горского населения вынудили начальника Кубанской области 2 февраля 1902 года направить командующему войсками Кавказского военного округа специальный рапорт. В нем был поставлен вопрос об упразднении Горских Словесных Судов как уже не соответствующих общественной жизни горцев в округах Кубанской области. Дальнейшее преобразование судебной системы в Кубанской области, однако, развития не получило, а в связи с началом Первой мировой войны, было приостановлено вообще.

Таким образом, реформы 60–70-х годов XIX века, проведенные в Центральной России, в том числе и на Северном Кавказе, представляют собой сложное явление. И поэтому их нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, они ломали традиционное устройство горских обществ, но, с другой стороны, эта ломка была исторически оправдана. Несмотря на ограниченность, это были действительно великие реформы, которые изменили коренным образом всю жизнь страны, в том числе и горских народов Северного Кавказа. Они помогли горским народам подняться на более высокую ступень общественного развития. В связи с этим очень сложно оценивать однозначно влияние реформ на судьбу горских народов. Нельзя ни преувеличивать положительного значения реформ, ни сводить их только к потребностям колониальной политике. При всех положительных сторонах, конечной целью реформ было укрепление власти местной администрации, а не улучшение положения народа. Тем не менее судебная реформа явилась значительным шагом к зарождению институтов правового государства в Кубанской области, содействовала развитию цивилизованных норм законности и правосудия.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Кавказ. 1867. № 67
- ² Положение дела освобождения сословий в горских округах Кубанской области // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1868.
- ³ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. I. Одесса, 1882; Он же. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. 1883.
- ⁴ Петрусеви́ч Н. Г. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам // ССКГ. Вып. IV. Тифлис, 1870.
- ⁵ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I
- ⁶ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I-II М. 1890; Он же. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12.
- ⁷ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Вып. XIV. Тифлис, 1892.
- ⁸ Миллер Б. В. Из области обычного права // Этнографическое обозрение. 1902. № 1-2.
- ⁹ Джаншиев Г. А. Из истории судебной реформы. М., 1883.
- ¹⁰ Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства Юстиции. 1912. № 2.
- ¹¹ Рейнке Н. М. Горские словесные суды Кубанской области. СПб., 1912.
- ¹² Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис. 1813.
- ¹³ Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах. // СМОМПК. Вып. XXV. Тифлис, 1898.
- ¹⁴ Иваненков Н. Карачаевцы // ИОЛИКО. Вып. V. Екатеринодар, 1912.
- ¹⁵ Чурсин Г. Ф. Поездка в Карачай // ИКОИРГО. Тифлис. 1915. № 3.
- ¹⁶ Абрамов Я. В. Кавказские горцы. Краснодар, 1927.
- ¹⁷ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871. Т. I

¹⁸ Македонов Л. В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908.

¹⁹ Алиев У. Д. Кара-Халк. Ростов, 1927; Он же. Карачай. Ростов-на-Дону, 1927.

²⁰ Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации // Революция и горец. 1931. № 12. Он же. Карачай прежде и теперь. Ростов/Дон, 1931.

²¹ Хубиев И. (Карачайлы). Адат и шариат. Ураза на Северном Кавказе // Революция и горец. 1920. № 3.

²² Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М. 1960; Он же. // Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. № 1; Он же. О социальном положении не закрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.

²³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М. 1963; Она же. Из истории сношений западных адыгов и северо-кавказских абазинцев с русским государством в XVI-XVII вв. // Труды КЧНИИ. Вып. IV. Серия историческая. Черкесск, 1963.

²⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX вв). М. 1967; Он же. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в. // Советская этнография. 1963. № 4.

²⁵ Покровский М. В. Очерки социально-экономической истории адыгских племен в конце XVIII – первой половине XIX века. Диссертация. М. 1957.; Он же. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989.

²⁶ Кумыков Т. Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX веке. Нальчик, 1962; Он же. Атажукин Кази. Нальчик. 1969; Он же. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959; Он же. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965.

²⁷ Невская В. П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; Она же. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды КЧНИИ. (Сер. Ист.). Вып. 3 1959; Она же. Карачай в XIX веке. Черкесск, 1966; Она же. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956; Она же. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (конец XVIII – начало XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1985; Она же. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: дореформенный период. Черкесск, 1960.

²⁸ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957.

²⁹ Очерки истории Дагестана: В 2 т. Т. I. Махачкала, 1957.

³⁰ Очерки истории Карачаево-Черкесии. С Древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. I. Ставрополь, 1967.

³¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР: (С древнейших времен до наших дней). В 2 т. Т. I. Грозный, 1967.

³² История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1967.

³³ История Северо-Осетинской АССР. М., 1987.

³⁴ Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов/Дон, 1977.

³⁵ Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века / Отв. редактор Н. М. Анфимов. Ростов/Дон, 1989.

³⁶ Трехбратов Б. А. Первые шаги... Выступления армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905-1907 гг. Краснодар, 1989.

³⁷ Чекменев С. А. Переселенцы. Пятигорск, 1994.

³⁸ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М., 1988.

³⁹ История народов Северного Кавказа (XVIII – 1917 г.) Т. II. М., 1988.

⁴⁰ Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974.

⁴¹ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

⁴² Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

⁴³ Абазины. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989.

⁴⁴Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в./ Отв. ред. и сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1956; Он же. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Советская этнография. 1960. № 5.

⁴⁵Думанов Х. М. Обычное и имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1976.

⁴⁶Азаматов К. Г. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968.

⁴⁷Эдиева Ф. Д. Обычное право в системе общественных отношений карачаевцев в XIX веке. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1975.

⁴⁸Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала. 1988.

⁴⁹Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века). Нальчик, 1995.

⁵⁰Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX в. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.

⁵¹Калмыков Ж. А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских обществах) в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.

⁵²Вечерний Ставрополь. 1997. № 161.

⁵³Там же

⁵⁴Сюкияйнен Л. Р. Шариат, адат и российское законодательство: соперничество или взаимодействие? // Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2002. С. 124-131.

⁵⁵Исмаилов М.-С. А. Адаты Дагестана в конце XIX и первой четверти XX вв. // Там же. С. 107-110.

⁵⁶Бабич И. Л. Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Там же. С. 86-95.

⁵⁷Магаяева П. И. Адаты как источники судебных решений в Карачае и Черкесии в XIX веке // Там же. С. 114-117.

⁵⁸ Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо-Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917). Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Краснодар, 2000.

Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Ростов/Дон, 2001.

Соловьева Н.Г. Социально-экономическое развитие и общественное движение в Карачае и Черкесии во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 2002.

⁵⁹ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие Карачаево-Черкесии (1870-1917). Сборник документов. Ростов/Дон, 1985.

⁶⁰ Акты Кавказской археографической комиссии / Под ред. Ад. Берже. Тифлис, 1866 - 1905. Т. I-XII. (В дальнейшем: АКАК)/

Глава I

¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 7

² Рейнке Н. М. Горские Словесные суды Кубанской области. СПб., 1912. С. 9

³ Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. С. 69.

⁴ Невская В. П. Присоединение Черкесии и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. С. 7.

⁵ История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С. 55

⁶ Там же.

⁷ Невская В. П. Присоединение Черкесии и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. С. 7 - 10.

⁸ Лавров Л. И. Абазины. Историко-этнографический очерк // КЭС. М., 1955. С. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 126. Л. 27.

¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6652. Л. 16

¹² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Т. II. С. 338.

- ¹³ Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 291.
- ¹⁴ ГАКК Ф. 452. Оп. 1. Д. 605. Л. 4
- ¹⁵ Ламберти. Описание Колхиды или Мингрелии // ЗООИД Т. X. Одесса, 1877. С. 210.
- ¹⁶ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 148.
- ¹⁷ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. Ч. 3. СПб., 1835. С. 133.
- ¹⁸ Петрусевиц Н. Г. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам // Сборник сведений о карачаевских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1870. С. 45.
- ¹⁹ Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. СПб., 1810.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 414. Д. 300. Л. 45.
- ²¹ Зубов П. Указ. соч. С. 133
- ²² АКАК. Т. VIII. С. 906.
- ²³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6382. Л. 6-7
- ²⁴ РГВИА. Ф. 414. Д. 300. Л. 92.
- ²⁵ РГВИА, Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 10.
- ²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6288. Л. 360-361.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 545. Оп. 1. Д. 107, Л. 43-44.
- ²⁸ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1. С. 311-312.
- ²⁹ История народов Северного Кавказа. М. 1988. Т. 2. С. 55-56.
- ³⁰ Напсо Д. А., Чекменев С. А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993. С. 15.
- ³¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М. 1967. С. 16.
- ³² Торнау Ф.Ф. Воспоминания Кавказского офицера // Русский вестник. 1864. Т. 53. № 10. С. 69
- ³³ Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1891. С. 131.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России// Полн. собр. соч. Т. III. С. 592-595.
- ³⁶ Там же.

- ³⁷ Там же.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 257. Оп. 3. Д. 406. Л. 5.
- ³⁹ ГА КБР Ф. 16. Оп. 1. Д. 1036. Л. 10.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. 1900. С. 76.
- ⁴² Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 41.
- ⁴³ Дубровин Н. Д. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 263.
- ⁴⁴ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1886. Л. 5-6.
- ⁴⁵ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. 1913.
- ⁴⁶ ГАСК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 129. Л. 80.
- ⁴⁷ Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX вв. / Под ред. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 247.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Леонтович Ф. И. Адаты Кавказских горцев. Одесса, Вып. I. 1882. С. 150.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. I. С. 123.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Броневский С. Указ. соч. С. 42.
- ⁵⁴ Хан-Гирей. Беспленей Абат // Кавказ. 1847. № 42.
- ⁵⁵ Алиев У. Кара-Халк. Ростов/Дон, 1927. С. 45.
- ⁵⁶ Азатами называли крепостных крестьян, освобожденных от крепостного права до отмены крепостного права в Карачае в 1868г.
- ⁵⁷ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. Ростов/Дон, 1985. С. 17.
- ⁵⁸ Там же. С. 18.
- ⁵⁹ Кавказ. 1867. № 38.
- ⁶⁰ Леонтович Ф. Адаты Кавказских горцев. С. 135.
- ⁶¹ Кавказ. 1867. № 38.
- ⁶² Кавказ. 1867. № 50.
- ⁶³ Кавказ. 1867. № 51.

- ⁶⁴ Люлье Л. Я. Черкесия. Краснодар, 1927. С. 43.
- ⁶⁵ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 520. Л. 3.
- ⁶⁶ Кавказ. 1867. № 37.
- ⁶⁷ Венюков М. И. Очерк пространства между Кубанью и Белой // ЗИРГО. 1863. № 1-2. С. 66.
- ⁶⁸ Кавказ. 1867. № 38.
- ⁶⁹ Фадеев А. В. О социальном положении незакрепощенных крестьян у кавказских горцев в дореформенный период // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 228.
- ⁷⁰ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 207.
- ⁷¹ Там же.

Глава II

- ¹ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. С. 31.
- ² Там же. С. 33.
- ³ ГАКК. Ф. 574. Д. 507. Л. 22-37.
- ⁴ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908. С. 31.
- ⁵ Эдиева Ф. Д. Аграрный вопрос в обычном праве карачаевцев в первой половине XIX века // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. С. 91.
- ⁶ Труды комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ. 1908. С. 31.
- ⁷ ГАКК. Ф. 574. Д. 507. Л. 22-27.
- ⁸ Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь, 1981. С. 93.
- ⁹ Фадеев А. В. К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев к середине XIX века // Исторические науки. 1959. № 1. С. 59.
- ¹⁰ ГАКК. Ф. 574. Д. 507. Л. 22-27.
- ¹¹ Там же.
- ¹² ГАКК. Ф. 574. Д. 507. Л. 22-37.

- ¹³ Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса. Вып. I. 1882. Кулы и казаки – категории крепостных крестьян. Старшинами в русских документах называли карачаевских феодалов.
- ¹⁴ Невская В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Тр. КЧНИИ. Вып. IV. Ставрополь, 1964. С. 85.
- ¹⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. Л. 53-112.
- ¹⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 194. Л. 43.
- ¹⁷ Невская В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Тр. КЧНИИ. Вып. IV. Ставрополь, 1964. С. 85.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 286. Св. 868. Д. 24. Л. 1 - 4.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГАКК. Ф. 574. Д. 507. Л. 22-37.
- ²² Чурсин Г. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. 1900. № 322.
- ²³ Труды комиссии... С. 32-33.
- ²⁴ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 130. Л. 1-2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 130. Л. 15.
- ²⁷ Иваненков Н. Указ. соч. С. 38.
- ²⁸ Орлов М. В. Возможна ли частная земельная собственность в Карачае // ИОЛИКО. Вып. III. Екатеринодар, 1902. С. 173.
- ²⁹ Там же. С. 175.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 400. Азиат. часть. 1867. Д. 29. Л. 54-63.
- ³¹ Невская В. П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX века // Тр. КЧНИИ. Вып. IV. Ставрополь, 1964. С. 90.
- ³² Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1923. С. 199-200.
- ³³ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 121.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Броневский С. Указ. соч. С. 42.
- ³⁶ Люлье Л. Черкесия. Краснодар, 1927. С. 23.
- ³⁷ Броневский С. Указ. соч. С. 121.
- ³⁸ ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 448. Л. 18.
- ³⁹ Сталь К. Ф. Указ. соч. С. 153.
- ⁴⁰ Броневский С. Указ. соч. С. 114.

⁴¹ Хан-Гирей. Князь Пшьской Ахадягоко. Из сочинения под заглавием «Биографии знаменитых черкесов и очерки черкесских нравов» // СМОМПК. Вып. 17, Тифлис, 1893. С. 28.

⁴² Теучеж Ц. Восстание бжедухов // Избранные произведения. Майкоп, 1955. С. 33.

⁴³ Фелицын Е. Д. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области // КОВ. 1887. № 27.

⁴⁴ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 545. Л. 14.

⁴⁵ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск. 1956. С. 97.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии. Черкесск. 1959. С. 141.

⁴⁸ ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 635. Лл. 129 - 130.

⁴⁹ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. Ростов/Дон, 1995. С. 250.

⁵⁰ Гаврилов А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Вып. II Тифлис, 1869. С. 66.

⁵¹ Кубанский календарь на 1900 г. Екатеринодар, 1899. Отд. 6. Т. 6. С. 38.

⁵² Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Тр. КЧНИИ. Сер. ист. Черкесск, 1959. Вып. 3. С. 137.

⁵³ Из рапорта правителя канцелярии Кубанской области надворного советника Г.Г. Коваленского начальнику Кубанской области Я.Д. Маламе о результатах проверки деятельности местной администрации, порядке землепользования, социально-экономическом положении и просвещении в горских аулах Баталпашинского отдела // Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. Ростов/Дон, 1995. С. 163-167.

⁵⁴ Корелин А. П. Российские реформаторы. М. 1995. С. 121.

⁵⁵ Ключевский В. О. Курс Русской истории. Т. 3. М. 1993. С. 456.

⁵⁶ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. С. 592.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

⁵⁹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 598. Л. 7.

- ⁶⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 378. Л. 4-27.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 593. Л. 6.
- ⁶² ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 1.
- ⁶³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 42.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 4. Оп. 69. Д. 89. Л. 8-9.
- ⁶⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 259. Л. 1.
- ⁶⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 42.
- ⁶⁷ Там же. Л. 46.
- ⁶⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 103.
- ⁶⁹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 158.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. ЛЛ. 266-268.
- ⁷¹ Невская В. П. Карачай в XIX веке // Ас-Алан. 2002. С. 282.
- ⁷² ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653.
- ⁷³ Невская В. П. Карачай в XIX веке. С. 283.
- ⁷⁴ Чурсин Г. Ф. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. 1900. № 322.
- ⁷⁵ Невская В. П. Карачай в XIX веке. С. 283.
- ⁷⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 266-268.
- ⁷⁷ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 593. Л. 7.
- ⁷⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 653.
- ⁷⁹ Невская В. П. Карачай в XIX веке. 2002. С. 285.
- ⁸⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 653. Л. 27.
- ⁸¹ Там же. Л. 1008.
- ⁸² ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 592. Л. 11.
- ⁸³ Там же. Л. 13.
- ⁸⁴ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 593. Л. 15.
- ⁸⁵ Там же. Л. 10.
- ⁸⁶ Там же. Л. 15.
- ⁸⁷ Там же. Л. 15.
- ⁸⁸ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 594. Л. 2.
- ⁸⁹ Там же. Л. 4.
- ⁹⁰ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 597. Л. 3.
- ⁹¹ Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права // Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Грозный, 1971. С. 168.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1988. С. 277.

⁹⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 227-228.

Глава III

¹ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.) Нальчик, 1995. С. 28.

² АКАК. Т. II. 1868. С. 986

³ Там же. С. 994.

⁴ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. ЛЛ. 65-70.

⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 68. Л. 23.

⁶ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 7-15.

⁷ После смерти Султан Менгли-Гирея (1830 г.) подвластные ему ногайцы были присоединены к Калаусо-Саблинскому приставству. После объединения оно стало называться «Калаусо-Саблинское» бештау кумское приставство. См: ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 423. ЛЛ. 3 - 5.

⁸ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2737. ЛЛ. 12 - 14.

⁹ Таблица составлена по: Ведомость главного пристава кочующих народов // ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2919. ЛЛ. 5-6.

¹⁰ Цит. по: Кочекаев П. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата, 1973. С. 122.

¹¹ АКАК. VI. Ч. 2. 1875. С. 524.

¹² ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. ЛЛ. 11 - 15.

¹³ Там же. ЛЛ. 1-5.

¹⁴ АКАК. Т. VII. 1896. С. 933.

¹⁵ Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 43.

¹⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁷ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. Л. 53.

¹⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

¹⁹ ГАКБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1481. Л. 17.

²⁰ ГАСК. Ф. 70. Оп. 1. Д. 914. Л. 18.

²¹ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 915. Л. 41.

²² Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 39.

²³ АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 645 - 646.

- ²⁴ Кавказ. 1867. № 69.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 9 / 857. Д. 436. Л. 10.
- ²⁶ Кавказский календарь на 1872. Тифлис, 1871. С. 101.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 868. Д. 24. ЛЛ. 200-201.
- ²⁸ Калмыков Ж. А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 43.
- ²⁹ Свечникова Л. Г. Народы Северного Кавказа в истории России // Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (15 - 17 октября 2001 г.). Ставрополь, 2002. С. 23.
- ³⁰ Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX века. // Кавказская война: Уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 264.
- ³¹ Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 164.
- ³² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6696. Ч. 15. Л. 267.
- ³³ Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Нальчик, 1992. С. 189.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ЦГА СОР. Ф. 12. Оп. 8. Д. 239. Л. 40.
- ³⁶ История Дагестана. Т. 2. М. 1968. С. 142-144.
- ³⁷ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975.
- ³⁸ Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской Армией. 1857-1859 гг. Б./м., 1861; Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказским краем, Тифлис, 1907. С. 168-169.
- ³⁹ Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской Армией. 1857-1859 гг. Б. М., 1861.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 379. Л. 23.
- ⁴¹ АКАК. Т. XII. С. 191.
- ⁴² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. Л. 53-112.
- ⁴³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2 Л. 6.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 11. Д. 138. Л. 36-37.
- ⁴⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6696. Ч. 2. ЛЛ. 271-272.

- ⁴⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 30 / 286. Св. 870. Д. 19. Л. 9.
- ⁴⁸ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик, 1995. С. 11.
- ⁵¹ Там же. С. 11-12.
- ⁵² Там же. С. 12.
- ⁵³ Мальцев В. Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе второй половины XIX века. // Кавказская война: уроки и современность. Краснодар, 1995. С. 264.
- ⁵⁴ Там же. С. 265.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь. 1964. С. 40.
- ⁵⁹ Отчет по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 г. – 6 декабря 1872 г. Тифлис. 1873. С. 34.
- ⁶⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 19-20.
- ⁶² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 466. ЛЛ. 53-112.
- ⁶³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 78. Л. 2.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 260 (№ 910). Д. 72. Л. 40-141
- ⁶⁵ Кануков А. А. Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении... в горском населении Терской области. Владикавказ. 1908. С. 12.
- ⁶⁶ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ. 1894. Вып. 4. С. 135-148.
- ⁶⁷ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- ⁷¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- ⁷² Там же. Л. 7.

- ⁷³ Там же. Л. 5.
- ⁷⁴ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ⁷⁵ Там же. Л. 13.
- ⁷⁶ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1036. Л. 386.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 69. ЛЛ. 42-50.
- ⁷⁸ Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар, 1911. С. 329 - 333.
- ⁷⁹ Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881. С. 81.
- ⁸⁰ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 282.
- ⁸¹ Абрамов Я.В. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 25.
- ⁸² Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар, 1911. С. 330.
- ⁸³ Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881. С. 89.
- ⁸⁴ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 646. Л. 4.
- ⁸⁵ Калмыков Ж. А. Административно-судебные преобразования в Кабарде и в горских (балкарских) обществах в годы русско-кавказской войны. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 123.
- ⁸⁶ РГИА. Ф. 1268. Оп. 14. Д. 11. Л. 13.
- ⁸⁷ Очерки истории народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. С. 431.
- ⁸⁸ ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 1036. Л. 411.
- ⁸⁹ Там же. Л. 557.
- ⁹⁰ ГАКК. Ф. 452. Оп. 3. Д. 130. Л. 17.
- ⁹¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 3. Д. 29. Л. 1.
- ⁹² Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 40.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 5.
- ⁹⁴ Там же. Л. 19.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же. Л. 27.
- ⁹⁷ Невская В. П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964. С. 54.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 19.

¹⁰⁰ Лайпанов К. Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917-1920 гг.). 2-е изд. 1987. С. 6.

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 47.

Глава IV

¹ Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека. // СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 97.

² Чомаев К. Дореволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа // Вопросы национальной психологии. Черкесск, 1972. С. 130.

³ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. Ростов/Дон, 1985. С. 73.

⁴ Миллер В.Б., Ковалевский М.М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Т. 2. Кн. 4. С. 574.

⁵ Малкондуев Х. Х. О балкаро-карачаевском Тере // Мир культуры. Нальчик, 1990. С. 58.

⁶ Миллер В.Б., Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 574.

⁷ Там же.

⁸ Битова Е. Г. Социальная история Балкарии XIX века. Сельская община. Нальчик, 1997. С. 107.

⁹ Карачаево-балкаро-русский словарь. М., 1989. С. 462.

¹⁰ ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

¹¹ Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб. 1886. С. 100.

¹² Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб. 1851. С. 193-194.

¹³ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 77.

¹⁴ Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992. С. 16.

¹⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 128-129.

¹⁶ Сталь К. Ф. Указ. соч. С. 155.

¹⁷ Налоева Е. Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // Вестник... 1967. №3.

¹⁸ Кабардино-русские отношения в XVI - XVIII вв. М. 1957. Т. 1.

¹⁹ Там же. С. 360.

²⁰ ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

- ²¹ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1. С. 205.
- ²² Новицкий Г. В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. 1829. № 24.
- ²³ Там же.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 194. Л. 29.
- ²⁵ Караулов Н. А. Основы мусульманского права // Литературно-художественный альманах «Стрижамент». Ставрополь, 1991. С. 500.
- ²⁶ Алиев С. Ч. Карачай нарт сезде. Пословицы и поговорки на карачаевском языке. Черкесск, 1963. С. 419.
- ²⁷ Каргинов С. Кровная месть у осетин // СМОМПК. Вып. 44. 1915. С. 200-201.
- ²⁸ Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. М., 1892. № 1. С. 13.
- ²⁹ Полевой материал. 1995. а. Хурзук, Джуккаев Ньюрахмад.
- ³⁰ Полевой материал. 1997. Кисловодск, Алиев Солтан.
- ³¹ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Одесса, Вып. I. 1882. С. 284.
- ³² Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 130.
- ³³ “Сие головы есть у горцев технический термин, которого они на русский язык перевести не могут, а объясняют так: головы или разделяют на мокрые и сухие. Под именем мокрых голов разумеется все живое, а под именем сухих – всякого рода вещи и оружие (примечание автора документа)” // Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. Ростов/Дон. 1988. С. 74.
- ³⁴ Из сведений о народных преданиях и обычаях горских народов, собранных смотрителем Екатеринодарского окружного училища войсковым старшиной А. А. Кучеровым.
- ³⁵ Гарданов В. К. Указ. соч. С. 132.
- ³⁶ Думанов Х. М. Обычное имущественное и наследственное право кабардинцев (вторая половина - начало XX). Нальчик, 1976. С. 16.
- ³⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 274.

- ³⁸ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 246.
- ³⁹ Петрусович Н.Г. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам. // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1870. С. 57.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 400. Азиатская часть. 1871. Д. 1. Л. 20.
- ⁴¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 577. Л. 66.
- ⁴² РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 42. Л. 14.
- ⁴³ Там же. Л. 15.
- ⁴⁴ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993. С. 141.
- ⁴⁵ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 121.
- ⁴⁶ Бартольд В. В., Беляев Е. А., Васильев Л. С. и др.
- ⁴⁷ Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М., 1986. С. 65.
- ⁴⁸ Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник документов. Ростов/Дон, 1985. С. 78.
- ⁴⁹ Люлье Л. Я. Черкесия. 1927.
- ⁵⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 24.
- ⁵¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 264.
- ⁵² ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25.
- ⁵³ Там же. Л. 924.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 42. Л. 47.
- ⁵⁵ Калмыкова Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX в.). Нальчик, 1995. С. 86.
- ⁵⁶ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 46. Л. 66.
- ⁵⁷ ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.
- ⁵⁸ Петров Г. С. Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1880.
- ⁵⁹ Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 305.
- ⁶⁰ Пушкарев С. П. Обзор русской истории. Ставрополь, 1993. С. 339.

- ⁶¹ Джаншиев Г.А. Из истории судебной реформы. М., 1883. С. 130.
- ⁶² Там же. С. 133.
- ⁶³ Там же. С.130.
- ⁶⁴ Там же. С.140.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 69. Л. 42-50.
- ⁶⁶ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Ставрополь, 1967. С. 112.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Кануков А.А. Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении и их повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1908. С. 9.
- ⁶⁹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 3. Д. 621. Л. 24.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. 452. Оп. 3. Д. 105. Л. 1.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 29. Д. 42. Л. 43.
- ⁷² ЦГА КБР. Ф. 6. Д. 271. Т. 2. Л. 36 - 37.
- ⁷³ Калмыков Ж. А.. Установление русской администрации в Кабарде и в Балкарии (конец XVIII – начало XX века). Нальчик, 1995. С. 73.
- ⁷⁴ Полевой материал. 1997. Кисловодск. Алиев Солтан.
- ⁷⁵ Полевой материал. 1997. пос. Новый Карачай. Магаяев Исмаил.
- ⁷⁶ Полевой материал. 1997. пос. Новый Карачай. Эльканов Къая.
- ⁷⁷ Абрамов Я. В. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 24.
- ⁷⁸ Там же. С. 25.
- ⁷⁹ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. С. 144.
- ⁸⁰ Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, 1894. Вып. 4. С. 145 - 148.
- ⁸¹ ГАКК. Ф. 452. Оп. 2. Д. 646. Л. 4.
- ⁸² Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С.75.
- ⁸³ Памятная книжка Кубанской области. Екатеринодар, 1881. С. 89.
- ⁸⁴ Калмыков Ж. А. Указ. соч. 1995. С. 76.
- ⁸⁵ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 175.

- ⁸⁶ Рейнке Н. М. Горские словесные суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 10.
- ⁸⁷ Калмыков Ж. А. Указ. соч. С. 75.
- ⁸⁸ Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Указ. соч. С. 6.
- ⁸⁹ Акты Кавказской Археографической комиссии (АКАК). Т. 12. С. 1194-1197.
- ⁹⁰ Отчет по главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем великим князем Михаилом Николаевичем. 6 декабря 1862 – 6 декабря 1872 г. Тифлис, 1873. С. 34.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Калмыков Ж. А. Указ. соч. С. 58.
- ⁹³ Там же. С. 27.
- ⁹⁴ Там же. С. 100-109.
- ⁹⁵ Рейнке Н. М. С. 10.
- ⁹⁶ Там же. С. 40.
- ⁹⁷ Там же. С. 10.
- ⁹⁸ Рейнке Н. М. Горские Словесные Суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 49.
- ⁹⁹ Терский Календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 139.
- ¹⁰⁰ Рейнке Н. М. Горские Словесные Суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 49.
- ¹⁰¹ Терский календарь на 1895 год. Владикавказ, 1894. С. 139.
- ¹⁰² Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. Тифлис, 1907. С. 89.
- ¹⁰³ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 24.
- ¹⁰⁴ Рейнке Н. М. Горские и Словесные Суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 25.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. 1870. Д. 143. Л. 9.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 15. 1870. Д. 143. Л. 13.
- ¹⁰⁸ Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956. С. 115.
- ¹⁰⁹ Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края. СПб. 1912. С. 17.
- ¹¹⁰ Там же. С. 29.
- ¹¹¹ Шаханов Б. Избранная публицистика. Нальчик, 1991. С. 119.

- ¹¹² Кумыков Т. Х., Кази Атажукин. Нальчик, 1969. С. 171.
- ¹¹³ Рейнке Н. М. Горские Словесные Суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 29.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 134.
- ¹¹⁶ РГВИА. Ф. 404. Оп. 260/910. Д. 72. Л. 47.
- ¹¹⁷ Фелицын Е. Д. К вопросу о сословиях горских племен Кубанской области // КОВ. 1887. № 21.
- ¹¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 635. Л. 129 - 130.
- ¹¹⁹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 635. Л. 129 - 130.
- ¹²⁰ Мальцев В.Н. Влияние Кавказской войны на административно-судебные реформы на Северном Кавказе II половины XIX века. // Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 270.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ № 1

РАПОРТ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СУЛТАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ ГЕНЕРАЛУ ТОРМАСОВУ ОТ 1-ГО ИЮЛЯ 1811 ГОДА № 236

Георгиевск

Будучи с марта месяца по предписанию вашего высочества за Кубанью, между обитающимися там разными племенами горского населения. С прокламацией вашего высочества, честь имею донести, что следующие народы по убеждению моему повергли себя в вечное подданство Высочайшему Престолу и в присутствии моём по их закону и обычаю учинили приём пред. св. кораном, приложив к присяжным местам свои печати, а именно: Ногайского племени Татары, состоящие под властью моего родного брата султана Саламат-Гирея Мангиты, Кипчаки и Каспулаты, обитающие по рекам Зеленчуку и Урупу, лежащих в 50-ти верстах от границы нашей, объемлющие по кордону дистанцию до 75 вёрст от поста Беломечетского вниз по Кубани до строящегося вновь укрепления св. Николая, за ними Бесленейцы и Бесельбаевцы, подвластные первые Пехлеван-Султану, а последние владельцам Канухову и Сулухову, живущие в вершинах р. Урупа и впадающих в неё Большого и Малого Тегеня; жилища обеих народов находятся в 100 верстах от кордонной линии.

С. 838 АКАК за 1870, Т. 4.

Документ № 2
ОБЫЧАИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОГО
И УГОЛОВНОГО ПРАВА ГОРЦЕВ

1. Убийство человека, выкупается уплатой цены крови

В прежнее время цена крови была:

За убийство пши (князя)	100 сха
За убийство вуорк (дворянина)	42 сха
За убийство тльфлокотля (простолюдина)	20 сха

Счёт сха за убийство вуорка состоял из следующих вещей:

Панцыри	2
Шлемов	2
Шашек из сорта, который назывался кияме	2
Налокотников	2
Хороших коней	2
Ружей	1 (це- ною в 16 быков)
Серебряный кубок	1
Быков	8
Посредственных лошадей для дополнения счёта до 42 сха	25
Итого	42
Счёт за убийство тльфокотля:	
Рабов	2
Панцырей	2
Шлемов	2
Налокотников	1 пара
Шашек	2
Ружей	2
Лошадей	2
Итого	23 сха

В последствии цена крови дворянина была назначена в 30 сха, а ещё позднее цена крови простолюдина возвышена сперва до 28 сха, а потом и до 30. По шариату, повсеместно вошедшему в употребление, цена крови определена в 200 нестельных коров. По общему согласию этот штраф признан равняющимся пени в 30 сха.

2. Кто убьёт раба, тот не подлежит кровомщению со стороны его хозяина, цены крови не полагается, но уплачивается стоимость убитого.

3. Обида, нанесённая семейству обещанием женщины или девушки, если дело доходит до миролюбивого соглашения, раньше оплачивалась ценою в 15 сха за дворянина вуорк; в настоящее время одна и та же пеня назначается и для дворянина, и для простолюдина. Она составляет двадцать четыре головы крупного рогатого скота.

Раньше муж сам казнил свою жену, обрезая ей кончик носа и выгонял. Но уже давно этот обычай потерял силу. Бывали примеры, что муж убивал жену, не навлекая на себя кровомщения её родных и не делаясь несколько ответственным перед её родственниками.

4. Нет определённого закона для наказания изменников. Собрание народных старшин решает их участь.

5. Совершивший воровство обязан возратить именно то, что украл; если же он не может этого сделать, то вносит плату в 7 раз большую цены украденного. Кроме того, он платит штраф в 9 цю (быков).

6. У дворян и простолюдинов отцовская власть на семейство не ограничена. Глава семейства может не только лишить сына наследства, но просто убить его без всякой перед кем бы то ни было ответственности. Та же неограниченная власть признаётся за общиной, которая имеет право жизни и смерти в отношении каждого своего члена.

7. Кто оскорбит гостя, в чьём бы доме тот не был, платит хозяину дома штраф в одну сха; в случае убийства гостя платят десять таких цен за бесчестие дома, независимо от цены крови, следующей родственникам убитого.

8. После смерти отца дети мужского пола наследуют всё недвижимое и движимое его имущество. Каждый из них

имеет одинаковое право на наследство, которое они делят между собой поровну. Женщине права наследства не предоставлены, однако вдове умершего наследника с общего согласия предоставляют в пожизненное пользование доход с некоторой части имения, но и оно, после её смерти, поступает в общий раздел к наследникам.

9. Невеста составляет неотъемлемую собственность жениха. Если в то время, пока невеста остаётся ещё в родительском доме, она будет кем-нибудь похищена, то жених вправе преследовать похитителя и обязан ему мстить. Подобное оскорбление принадлежит к числу самых нетерпимых обид; в этом случае требования чести обязывают всякого решаться на самые крайние меры для получения удовлетворения. Ссоры этого рода по большей части сопровождаются кровавыми последствиями. Если родители невесты содействовали её похищению и это будет доказано, то они лишаются калыма, а невеста принадлежит по праву первому жениху.

10. Отказаться от невесты без причины и без основательного повода значит нанести оскорбление и ей, и её семейству. При этом часть калыма, обыкновенно выплачиваемая предварительно женихом, не возвращается и даже он должен в виде пени за отказ дополнить к этой части столько, чтобы составила половина условленного калыма. Калым (или плата выкупа) составляет: за дочь князя (пши) от пятидесяти до ста сха, за дочь дворянина (вуорк) тридцать сха, за дочь простолюдина двадцать пять сха.

Таким образом, эти правила были установлены для освещения неприкосновенности обычаев и считались для каждого горца полезными, приличными и необходимыми. Но именно в этих обычаях и находились главные причины того, что ни одна из попыток переменить общественное устройство у горцев не имела успеха.

В связи с тем, что денег у горцев в обращении не было, уголовные пени определялись и уплачивались по расчёту общепринятых определений стоимости.

Например, мерами ценности у черкесов были: сха, цю, тооп.

Сха, как мера уголовной пени бывает двух видов: 1) вуорк-сха - по кровомщению, привилегированного класса, и 2) сха про-

стая по кровомщению простолюдина. Стоимость сха за дворянина была намного выше чем за крестьянина. Сха - означает "голова". Ценности сха невозможно определить точно. Хорошая кольчуга, шлем, налокотники, шашка, лук, ружьё, большой котёл из меди и т. п., вещи, если стоят не больше шестидесяти цю (бык) и не меньше шестидесяти баранов, то составляет одну сха.

Так, в уплате за князя (пши) сха считалось в шестьдесят - восемьдесят цю (быков), за дворянина (вуорк) - считается уже меньше в зависимости от рода; до 8 цю, в уплате за крестьянина.

Цю значит "бык". Плата эта принималась натурою, а также предметами домашнего хозяйства и т. п. Вещами цю равняется 6 тооп.

Тооп значит "штука или отрезок пряжи", достаточный на платье мужское или женское.

У горцев кровомщение не есть необузданное, неуправляемое чувство, это скорее обязанность, налагаемое честью, общественным мнением, требованием кровь за кровь. Между тем, нет примеров преднамеренных убийств, и вообще убийства были крайне редки.

Самой тяжёлой обидой для горца - был случай оскорбления, наносимый посягательством на честь родственницы, женщины или девушки. Такого рода случаи никогда не оканчивались примирением, пока позор не будет смыт кровью виновного или одного из родственников.

Случайные убийства относились к разряду умышленных, или вынужденных. Они оплачивались тоже ценой крови.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что из всех преступлений жёстче всего наказывалось нарушение общественных обязательств, то есть уважение неприкосновенности личных и имущественных прав каждого, которое устанавливалось между родами и общинами каждого народа.

Документ № 3
**ИЗ ОТЧЁТА КАВКАЗСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА В. С. СОТНИКОВА**

О социально-экономическом положении и исполнении повинностей кочующими народами в 1842 г.¹¹

(не ранее 1 января 1843 г.)

г. Ставрополь

Кочующие в Кавказской области ногайцы разделяются на 8 народов: караногайский, едишкульский, калаусо-саблинский, бештаво-кумский, калаусо-джембулуковский, ачикулак-джембулуковский, едисанский и трухменский. Склонность к осёдлой жизни проявляется в народах калаусо-саблинском, бештаво-кумском и калаусо-джембулуковском, которые имеют постоянные сакли и оставляют их только летом, по необходимости следовать за передвижением своих табунов. Народы сии занимаются хлебопашеством, хотя весьма в малом размере; сверх того разводят домашнюю птицу, собирают масло, достают из-за Кубани лес, и всем этим торгуют на ярмарках и базарах. Пр. народы, исключая небольшой части ачикулак-джембулуковцев, занимаются исключительно скотоводством и круглый год кочуют по степям; песчано-солонцеватый грунт их пастбищ не способен к обрабатыванию. В отношении ремесленности у них есть свои седельники, кузнецы, слесаря, серебряки².

Трудолюбием ногайцы (не) отличаются, все занятия по хозяйству лежат у них на жёнах, которые занимаются тканьем позументов, шитьём одежд и вышивкой серебром и золотом. Благосостояние ногайцев, зависящее от скотоводства, в голодный 1833 год и в последовавшие затем суровые зимы сильно пострадало от истребления табунов, и в настоящее время они беднее, нежели прежде.

За повинность трухмяне содержат 5 1/2 почтовых станций на Астраханском тракте. По состоявшимся на настоящее трехлетие

¹ Датируется по содержанию.

² Серебряки - мастера по серебру.

подрядным ценам содержание лошадей на станциях обходится им в 11 657 рублей. 14 1/4 копеек серебром ежегодно.

Караногайцы, едишкульцы, ачикулак-джембулуковцы и едишанцы обязаны перевозкой казённого провианта в магазины левого фланга Кавказской линии, для чего выставляют ежегодно по 10 тыс. арб с платою от казны по 2 копейки ассигнациями за каждую версту и арбу.

Калаусо-джембулуковцы исполняют подобную перевозку в магазины право фланга на 1 820 арбах за такую же плату.

— Калаусо-саблинцы и бештаво-кумцы поставляют 280 арб для перевозки на минеральные воды дров и строевого леса; сверх того, в продолжении 8 летних месяцев наряжаются от них вооружённые люди для содержания кордонов по Кисловодской линии. В течение 1842 года обращалось в этой повинности 1 920 человек.

Наряд вычючников к охотникам из горцев, поступающим на службу в Кавказский конно-горский полк, составляет также личную повинность магометан, но ни один народ в особенности ею не обязан. Время и мера исполнения этой повинности не определены; они образуются с потребностью охотников на укомплектование полка и зависят от распоряжения военного начальства. В 1842 году наряжено во вычючники 7 человек³.

Гражданский губернатор-Сотников.

ГАСК, ф. 444, оп. 1, Д. 1787. Подлинник.

Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. Сборник. / Ростов/Дон. стр. 63.

³ Опушен текст, не относящийся к кочующим народам.

Документ № 4
**ИЗ ПОСЕМЕЙНОГО СПИСКА КАБАРДИНЦЕВ И
 БЕСЛЕНЕЕВЦЕВ ВЕРХНЕ-КУБАНСКОГО ПРИСТАВСТВА,
 ПРИЧИСЛЕННЫХ КО 2-й КАТЕГОРИИ С НАДЕЛОМ 150
 ДЕСЯТИН И К 3-й КАТЕГОРИИ С НАДЕЛОМ ПО 5,5
 ДЕСЯТИН НА ДУШУ**

8 апреля 1863 г.

г. Ставрополь

Наименование аулов	2 категория		3 категория		Итого
	число				
	душ	десятин	душ	десятин	
Тамбиева	4	600	21	115,5	715,5
Сидова и Эшбо- кова	7	1050	68	374	1424
Атлескирова	7	1050	78	429	1479
Хаундукова	10	1500	211	1160,5	2660,5
Тлук Хаундуков	6	900	47	258	1158
Касаева	12	1800	141	775,5	2575,5
Карамурзина	3	450	25	137,5	587,5
Атажукина	21	3150	175	962,5	4112,5
Кучук Тазартуко- ва	6	900	79	434,5	1334,5
Джамбот Тазарту- кова	9	1350	106	583,5	1933,5
Дошкукова	7	1050	87	478,5	1528,5
Куденетова	1	250	46	253	503
Бериасланова	3	450	122	671	1121
Баташева	2	300	46	253	553
Хатужоко Хамур- зов	1	150	3	16,5	166,5
Итого:	99	14950	1285**	9295*	24245*

Майор Аглинцев, Прапорщик Литвинов.

ЦГВИА, ф. 14 257, оп. 3, д. 278, л. 33. Заверенная копия.

* Ошибки в подсчете в документе.

Документ № 5
РАПОРТ ЗАВЕДУЮЩЕГО БАТАЛПАШИНСКИМ
ОКРУГОМ Н. Г. ПЕТРУСЕВИЧА ИСПРАВЛЯЮЩЕМУ
ДОЛЖНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ
КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ О ЖЕСТОКОМ ОБРАЩЕНИИ
ЭФЕНДИ АЛИ АБУКОВА
С КРЕПОСТНЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

27 сентября 1865 г.
пост Николаевский

В прошлом году в октябре месяце крестьяне, принадлежащие эфендию Али Абукову, братья Ибрагимовы и другие в числе 8 человек, будучи подвергаемы различным притеснениям, Абуковым угрожаемым за неисполнение ими приказания убить Ожая Байчорова, с которым он имел поземельный спор, подвергнуты им жесточайшему истязанию. Крестьяне эти, зная свирепость Али Абукова, привязавшего одного из своих крестьян, по имени Берикета, за шею железною цепью зимою в сакле, от чего тот умер, подали прошение на своего владельца Али Абукова, надеясь на справедливую защиту и покровительство.

В то же время житель Абуковского поселка Али Бесленев подал прошение на Али Абукова, что он 2 раза на его покосное место, где уже было накошено, оба раза по несколько копен сена, выпускал свой конный табун, которым все его сено, сложенное в копны, было распадено* и покосное место выбито и вытравлено. Самого же [Бесленеева] Абуков, встретив, избил палкой, причем прошиб ему голову, в каком виде он приносил жалобу на Абукова полковнику Ильинскому, председателю комиссии, бывшей в прошлом году для осмотра земель Карачая и соседних с ним.

Немного раньше того между Абуковым и карачаевским узденем Ожамом Байчоровым возник спор по поводу земли, нанимаемой ими рядом на Хумаринском участке. Спор этот едва не кончился убийством Байчорова, если бы Абукова не удержали присутствующие. Для решения спора был послан бывший при Верхне-Кубанском округе словесным переводчиком прапорщик Алабердов, указавший им границы, которыми Абуков не удовольствовался.

* Так в тексте. Надо - разбросано.

ся, вследствие чего возникла опять ссора, для разбора которой вторично был послан Алабердов, нашедший, что Абуков пас свой табун на земле, оставшейся за Байчоровым, и на его же земле поставил свой кош, почему Алабердов, распорядившись согнать табун с земли Байчорова, обо всех неправильных поступках Абукова донес начальнику бывшего Верхне-Кубанского округа, представляя поданные ему два прошения и рапорт Алабердова, просил для усмирения Абукова назначить следствие, которое начальник штаба войск Кубанской области предписал командиру 4-й бригады Кубанского войска поручить одному из подведомственных ему офицеров, вследствие чего назначен был войсковой старшина Соколов.

Доводя об этом до сведения Вашего высокоблагородия и принимая во внимание, что на основании положения в военноподанных округах Кубанской области все дела туземцев между собою должны решаться в окружных словесных судах, прошу ходатайства Вашего об истребовании этого дела от войскового старшины Соколова и передаче его в управление Эльбрусского округа для решения в окружном словесном суде.

Заведующий округом артиллерии штабс-капитан Петрусевиц.

ГАКК, ф. 774, оп. 1, д. 239, л. 1-2. Подлинник.

Документ № 6
РАПОРТ ПРИСТАВА АЧИКУЛАКСКОГО,
ДЖЕМБОЙЛУКСКОГО, ЕДИСАНСКОГО И
ЕДИШКУЛЬСКОГО НАРОДОВ И. Д. ЭСМОНТА
ГЛАВНОМУ ПРИСТАВУ КОЧУЮЩИХ НАРОДОВ
ТИМОФЕЕВУ О РАЗРЕШЕНИИ НОГАЙЦАМ ПАХАТЬ
ЗЕМЛЮ НА ТЕХ ЖЕ УСЛОВИЯХ, КАК ПРЕЖДЕ,
ВМЕСТЕ С РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ

25 марта 1865 года.

Ставка Ачикулак.

По существовавшему до настоящего времени порядку некоторые из беднейших ногайцев, вверенного мне народа, за неимением быков и земледельческих орудий распахивали народную землю совместно с жителями окрестных селений, платя в пользу общественного капитала половинную противу положенной за распашку земли сумму.

С наступлением настоящей весны подобные вышесказанным ногайцам обратились ко мне с просьбой о дозволении им пахать народную землю на тех же условиях. Принимая во внимание бедность просителей, падёж в подведомственном мне народе в прошлом году, а также неурожай хлеба и сена, я имею честь представить настоящее обстоятельство на разрешение вашего высокоблагородия, так как составление по этому случаю общественного приговора, о чём, впрочем, мною предложено народу, - за наступлением уже удобного для распашки земли времени могло бы лишить просителей возможности произвести таковую своевременно.

Коллежский ассессор Эсмонт.

Помета: Разрешить, но во всяком случае приговор должен быть обществом составлен об этом.

ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 218, л. 1-1 об. Подлинник

24 апреля 1865 года ачикулакскому приставу было послано предписание главного пристава: "Принимая во внимание причины, изложенные в рапорте вашего высокоблагородия от 25 марта за № 470, я разрешаю Вам дозволить беднейшим ногайцам вверенного Вам народа за неимением быков и земледельческих орудий распашивать народную землю совместно с жителями окрестных селений", но с условием составления приговора народа. Народный приговор был составлен и ногайцы получили право "иметь распашку на землях, им принадлежащим, пополам с окрестными крестьянами".

(ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 218, л. 2-3).

Совместное пользование землёй способствовало укреплению хозяйственных связей ногайского и русского крестьянства.

Документ № 7
**ЗАПИСКА ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА
КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ ГОРЦАМИ
П. Г. ДУКМАСОВА НАМЕСТНИКУ КАВКАЗСКОМУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ НИКОЛАЕВИЧУ
О ПОЛОЖЕНИИ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ
ГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

[Не ранее 1867 г.*]

г. Екатеринодар

Горское население Кубанской области, оставшееся за переселением огромной массы оного в Турцию в 1864 году, занимает ущелья верхней Кубани и ее притоков, а затем тянется узкою полосой вдоль левого берега Кубани, оканчиваясь верстах в 25 ниже г. Екатеринодара. Кроме того, горское население занимает нижнюю половину левого берега Лабы и ее притоки Чохрам и Фарс и, сверх этого, еще и низовье правой стороны р. Белой.

Общая численность горцев не превышает 75 тыс. душ. Все население разделяется на множество мелких племен, из коих каждое по происхождению, образу жизни, нравам, обычаям и преданиям принадлежит к одной из 3-х главных горских народностей: черкесской, татарской и абазинской. Кроме того есть до 3 тыс. горских армян и несколько горских греков и евреев.

В административном отношении горцы разделяются на 5 военных округов. Племена распределены в округах следующим образом:

В Псекупском округе живут бжедухи, шапсуги, незначительное число абадзехов, натухайцев и несколько семейств хакучей. В Лабинском - кабардинцы, абадзехи, темиргоевцы, махошевцы, хатукаевцы, егерухавцы, шапсуги и хакучи и несколько семейств бждедухов.

В Урупском** — горские армяне, бесленеевцы, ногайцы, хатука-

* Докум. датируется по содержанию.

** Армяне утверждают, что они выдвинуты на Кавказ великим переселением народов; греки же производят свой род от аргонавтов; но вероятнее, что армяне зашли в горы как торговцы, а греки могут быть потомками греческих выходцев, поселившихся в греческих колониях, существовавших по берегам Чёрного моря (примеч. автора докум.).

евцы, горские греки и незначительное число семейств абадзехов и других черкесских инородцев. В Зеленчукском - абазинцы, ногайцы, бесленеевцы, кабардинцы, шахгиреевцы и частью абадзехи и другие черкесские племена; и в Эльбрусском - карачаевцы, абазинцы и частью кабардинцы и горские евреи.

Таким образом, в 2-х округах—Псекупском и Лабинском-все население черкесского племени, в Эльбрусском, за небольшим исключением, - татарского племени (карачаевцы), но в Урупском и Зеленчукском все народности нередко живут смешанно в одних и тех же аулах.

Горское население в сословном отношении разделяется на три главных разряда. К высшему сословию, пользовавшемуся правами, подобными феодальным, принадлежат султаны*, князья и уздени 1-й степени; к среднему - уздени остальных 2-х степеней, свободные люди (азаты или вольноотпущенники), к низшему же - все зависимые сословия. Эти последние состоят в крепостной зависимости у лиц первых двух разрядов, но бывают случаи, что даже крестьяне имеют у себя крестьян.

Все крестьяне, находящиеся у горцев Кубанской области, могут быть разделены на три раздела: 1) унауты, 2) пшитли и 3) оги. По собранным сведениям, в Кубанской области находится ныне: унаутов - 3 172, пшитлей - 14 295 и огов - 163 души обоого пола.

Разделяя же зависимые сословия по округам, в каждом из них оказывается.

* Звания султанов между горцами издревле не существовало. Теперешние горские султаны суть потомки крымских гиреев (примеч. Автора докум.).

I. Об унаутах

(По-карачаевски джолсуз-кул - бесправный раб)

В округах	Число семейств			Число душ крестьян					
	владельцев			унаутов		пшитлей		огов	
	унаутов	пшитлей	огов	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Псекуп-ском	268	278	-	130	308	804	685	-	-
Лабинском	478	693	2	349	663	2944	2421	61	48
Урупском	248	156	4	143	326	589	524	25	21
Зеленчук-ском	294	389	1	172	466	2357	1823	5	3
Эльборус-ском	288	346	-	292	353	1134	1014	-	-
Итого:	1576	1862	7	1056	2116	7828	6467	91	72
	3445 сем.			17630					
				975 душ. мужск.					
	из них:			8655 женск.					

Во время междоусобных войн и войн горцев с соседями пленные обоюго пола обращались в унауты. Точно так же поступали и с русскими военнопленными, за которых не могли ожидать выкупа; беглые же солдаты и казаки, смотря по той пользе, какую можно извлечь из дезертира, получали права пшитлей, огов, а часто даже и права свободных людей.

Унаутами называются рабы, не имеющие никаких прав ни личных, ни по имуществу. Все время унаута принадлежит владельцам, а потому крестьянин не может располагать собою; за обиды и увечья, нанесенные унауту, получает вознаграждение владелец; убийство унаута считалось прежде нанесением вреда имуществу его владельца. Все лица этого сословия лишены права вступить в брак, и так как мужчина не может требовать себе от владельца жены, а девушки и женщины - о выдаче их в замужество, то половые сношения их весьма свободны. Многие унаутки имеют детей, и это не ставится им в порок. В прежнее же время, когда мальчики и девочки продавались в Турцию по высоким ценам, некоторые владельцы сами содействовали незаконному сближению унауток, получая иногда за это некоторую плату от мужчин, которые, однако, не приобретали через это родительских прав над своими детьми.

Между черкесскими племенами Лабинского, Урупского и

Зеленчукского округов унауты хотя и могут обращать в собственность подарки, получаемые от посторонних лиц, но если эти подарки состоят из скота, то унауты должны продать его и пользоваться лишь деньгами; если же владелец дозволит унауту не продавать скот, а держать у себя, то весь приплод обращается в собственность владельца.

Продажные цены на унаутов существовали следующие: в Лабинском, Урупском, Псекупском и Зеленчукском округах без различия пола, но судя по возрасту, красоте, физической способности к труду, знанию ремесла и другим обстоятельствам унауты ценились от 100—300 руб.; у карачаевцев же и ногайцев унауты постоянно продавались дороже, и цены им доходили до 400 и даже до 500 р. Хорошие ремесленники и девушки-красавицы продавались нередко и вдвое дороже против выше показанных цен.

II. О пшитлях

(По-карачаевски—джоллукул, что значит
правный крестьянин).

Второй вид зависимых сословий составляют пшитли. Они считаются собственностью владельца и передаются по наследству, как всякое другое имущество, но пшитли уже имеют права как семейные, так и по имуществу, хотя с большими ограничениями; временем же своим крестьянин не может располагать по своему усмотрению. Пшитли ведут свое начало или от пленных и унаутов, которым даны семейные права и отдельное домашнее хозяйство, или же (в самой незначительной степени) от свободных, которые за долги и вследствие крайней бедности должны были стать в обязательные отношения к заимодавцам или благодетелям их.

Многие из теперешних крестьян с незапамятных времен служат роду настоящих их владельцев; но большая часть перешла к ним посредством купли, дара или же наследства. Покупая семейство пшитлей, владелец обыкновенно определял повинности приобретаемых крестьян, права их в присутствии нескольких свидетелей (поручителей) с обеих сторон. Эти свидетели [были] впоследствии блюстителями адата (обычая), условленного при покупке, и которым владелец и крестьяне руководствовались во взаимных отношениях.

Считая пшитлей своею собственностью, владелец обязан покупать жен взрослым крестьянам, зато при выдаче замуж девушек

и вдов пшитлей получает в свою пользу калым за них.

О калыме

Калым за девушку у черкесских народов принят в 200 руб., за женщину же, бывшую уже в замужестве, платится 100 руб. У племен абазинского и ногойского, а также и бесленеевцев, живущих в Зеленчукском округе, норма калыма за девушку 300 руб., а за женщину половинная цена; у карачаевцев платят за девушку 300, а за женщину 250 руб.

Из полученного калыма владелец дает отцу невесты в Псекупском округе - пару быков и корову; в Лабинском и Зеленчукском - 10 руб. или корову с телком; в Урупском - пару быков и корову; в Эльборусском: у карачаевцев 50 руб., а у абазинцев - 20 руб. Крестьянин, получая означенную часть из калыма дочери, обязан, в случае женитьбы своего сына, помогать владельцу при покупке невесты именно тою суммою денег или тем количеством скота, какое получил от него из калыма за свою дочь.

Права пшитлей на имущество

Пшитли могут владеть имуществом как движимым, так и недвижимым. Имущество пшитлей, по способу приобретения, разделяется на три вида, и с каждым из них связаны особые права пользования: 1) имущество, данное владельцем крестьянину в пособие при водворении его у помещика или в случае обеднения; 2) имущество, приобретаемое на заработанные деньги, и 3) имущество, оставшееся от подарков и по брачным договорам (накях).

Имущество пшитля, отнесенное к первому виду собственности, считается принадлежащим помещику*, но находится в постоянном пользовании крестьянина. В случае смерти крестьянина имущество это переходит к наследникам его в прямом мужеском поколении; но если наследники эти жили отдельной семьей от покойного, то означенное имущество уже переходит не к ним, а к владельцу, или же, по его усмотрению, к другим лицам. Точно так

* Приплод от скота, полученный во время нахождения оного у крестьянина, считается также собственностью владельца.

же при продаже крестьянина другому владельцу имущество остается у помещика или же должно быть выкуплено за особую плату.

Право пользования этим имуществом ограничено для крестьянина участием владельца: крестьянин не может продать, заложить или подарить что-либо из этого крестьянского имущества не иначе, как с согласия владельца.

При продаже крестьянина в другие руки (как увидим ниже), его имущество остается у старого владельца; но новый должен дать приобретенному крестьянину взамен одного другое, такого же качества и в том же количестве.

Кроме этого разряда имущества крестьянин может приобрести оное собственным трудом: на деньги, вырученные от законной (как увидим ниже) половины заработка*, от продажи остатков хлеба, дров и других предметов сельского хозяйства.

Права пшителя на увеличенное таким образом имущество состоят в следующем: 1) из всех хозяйственных принадлежностей и орудий, сделанных крестьянином или приобретенных на деньги, вырученные от заработка, при отходе крестьянина от помещика последний получает лишь половину, другая же часть без всякого выкупа отдается пшитлю; 2) из скота, приобретенного на всю сумму заработанных денег, половина принадлежит владельцу; половина приплода от него также отдается владельцу. Если же часть приплода, составляющая собственность пшителя, кормилась владельческим сеном**, то половина одного принадлежит владельцу.

Напротив того, если из всей суммы заработанных денег будет выделена законная половина владельца, а на другую половину, падающую на долю пшителя, сей последний купит скот, то таковой с приплодом кормится сеном владельца, он получает половину, как выше сказано. У ногайцев же и карачаевцев все приобретенное

* Все заработанное крестьянином, с разрешения владельца, на стороне должно делиться пополам между владельцем и крестьянином.

** Все сено, скошенное крестьянином в рабочее время, обыкновенно не разделялось между крестьянином и владельцем, а потому считалось собственностью владельца, хотя крестьянин кормил свой скот обыкновенно вместе с владельческим. Своим сеном крестьянин мог считать только то, которое скошено в праздничные дни, или же крестьянином крестьянина (примеч. автора до-кум.).

крестьянином считалось неотъемлемою собственностью владельца.

Дышерик, или подарок, сделанный сторонним лицом крестьянину без отдара* подарившему, есть неотъемлемая собственность пшителя, но если пшитель отдарит хотя какую-нибудь незначительную вещь из собственности, считавшейся владельческой, то такой дышерик считается уже собственностью владельца и будет находиться у пшителя лишь во временном пользовании. Если дышерик будет состоять из скота, за который пшитель не отдарит и не будет кормить сеном владельца, то такой дышерик, вместе с приплодом от него, есть неотъемлемая собственность крестьянина; но когда дышерик будет кормиться сеном владельца, то в таком случае означенный скот с приплодом делится пополам.

Сверх трех означенных способов приобретения имущества существует еще один, повсеместно принятый у горцев Кубанской области с различными (хотя и значительными) видоизменениями. Такой способ приобретения истекает из накяха (или брачного договора), по которому жених должен подарить невесте, обыкновенно, корову. У беглых кабардинцев крестьянка, в случае размножения ее скота от накяха свыше 15 штук, должна или кормить оный своим сеном, или платить владельцу половинную стоимость одного косца на весь покос, или же нанимать на половину покоса одного косца на ее собственные деньги. Но если она кормит такой скот сеном владельца, то из всего приплода половина бычков принадлежит владельцу, а телушки - крестьянину. В Псекупском же, Урупском, в остальной половине Лабинского и в Зеленчукском округах, а также и у кумских абазинцев Эльборусского округа весь скот с приплодом, хотя бы и кормился владельческим сеном, принадлежит крестьянину, но за сено владельческое означенный скот употребляется на помещичью работу. В Карачае, как сказано было выше, владельцы не признают за крестьянами права собственности на имущество, каким бы способом оно приобретено ни было, но крестьяне утверждают, что имущество, доставшееся по накяху, составляет их неотъемлемую собственность.

Всё имущество крестьянина, которое, сообразно вышеизложенным правилам, считается собственностью владельца, но нахо-

* Одаривания.

дится в пользовании пшителя, состоит под непосредственным контролем помещика. Поэтому крестьянин имеет право продать или променять что-либо не иначе, как с согласия владельца.

Из скота, находящегося в пользовании крестьянина, он может резать ежегодно одну большую рогатую скотину или, сообразно с ценностью оной, известное количество мелкого скота, но не более того, и при этом с таким расчетом, чтобы рез скота не приносил ущерба хозяйству. Шкура от зарезанного таким образом скота употребляется крестьянином на его домашние надобности. Если пшитель с согласия владельца продаст что-либо из имущества последнего, находящегося в его ведении, и на часть этих [денег] приобретет какой-либо другой предмет, то деньги, оставшиеся за расходом на покупку, должны принадлежать владельцу так же, как и купленное.

Если скот, приобретенный посредством дышерика и накаях, не кормился владельческим сеном, то право распоряжения оным принадлежит крестьянину бесконтрольно.

О натуральных повинностях пшителей и их владельцев

а. По посеву и сбору хлеба

Каждый крестьянин, живущий отдельным домом, получивший от владельца своего пару, две или три пары быков с погоничами и железо для плуга, должен сам изготовить плуг* и, выпав на каждую пару волов по 3 загона (около 4 дес.), обязан засеять их зерном, которое получает от владельца (из части прошлогоднего урожая или купленным владельцем). Если у крестьянина с владельцем не может составиться 4-х пар волов, необходимых для плуга, то он должен: приискать себе товарища, спрячясь с другим крестьянином своего же владельца или иным кем-либо и, получив на свою долю часть загонов, распаханых сообща с товарищем, отделить эти загоны особыми приметами, а потом засеять оные, как выше сказано.

Когда созревает хлеб, то и на обязанности этого же крестьянина лежит уборка хлеба и провоз оного в аул. В Карачае, если у

* Деревянные части для арб и разных хозяйственных орудий владелец не обязан давать крестьянину, а этот последний должен сам сделать.

крестьянина есть собственная земля, то такую он обрабатывает владельческими быками при неимении собственных; кроме того в Карачае (а частью и в Псекупском округе) продолжительность пахоты зависит от количества* земли, которую владелец может указать крестьянину для посева.

Жатва производится всеми взрослыми мужчинами и женщинами, исключая Карачай, где жнут только женщины. Молотья везде лежит на обязанности мужчин.

По уборке хлеб разделяется следующим образом: из всего количества он отделяется 1/10 на духовенство и бедных (зекят). Затем отделяется необходимое количество на семена и для продовольствия в будущем году: рабочих (на полевых работах), табунщиков, пчельников и других лиц, кои не могут заниматься земледелием, наконец, для гостей владельца; и уже после этого весь остальной хлеб разделяется пополам между владельцем и крестьянином.

Из этого общего правила существуют следующие исключения: а) в Псекупском округе весь собранный хлеб, по выдаче 1/10 на духовенство и бедных и по отделении необходимого количества для посева, не подвергаясь дальнейшим дроблениям, делится между крестьянином и помещиком поровну; б) у абазинцев, по отделении из общей массы собранного хлеба всех тех частей, кои означены выше в изложении общего обычая, остальное распределяется поровну, между всеми лицами семейств владельца (с унаутами) и работавшего крестьянина; в) в Карачае, собственно говоря, крестьянин не имеет никакого права на часть урожая, а владелец только кормит его во время работ. Существуют, впрочем, два главнейших адата, по которым владелец дает жницам по мере хлеба, а другие выдают на крестьянское семейство, по своему усмотрению, от одной до трех мер хлеба.

Если бы хлеба, доставшегося крестьянину по разделу, оказа-

* В горах Карачая, по крайней ограниченности в земле, удобной для земледелия, пахота весьма непродолжительна, в Псекупском же округе это происходило и теперь частью происходит (несмотря на выселение в Турцию) от того, что низменные места этого округа очень часто заливаются водою при летних и осенних дождях и при таянии снегов, через что количество земли, могущей быть распаханною, в некоторых аулах не вполне достаточно (примеч. автора докум.).

лось недостаточно для продовольствия его семейства до нового урожая, то владелец обязан или дать ему необходимое количество хлеба, или предоставить какие-либо средства для приобретения пропитания, как, например, заработок на стороне, или же, на конец, разрешить ему продать часть скота из состоящего в пользовании крестьянина.

Во время пахоты владелец обязан давать крестьянам вообще сытую пищу, состоящую из пшена, мяса, молока и сыра. В Урупском округе это определено обстоятельно - там рабочим при каждой паре волов дается около 5-ти (15 фунтов) копченого мяса или на двух пахарей по одному барану, сверх того сыр, молоко и пшено в достаточном количестве.

Во время жатвы выдавать мясо рабочим необязательно для владельца, исключая Карачай, где жницам должен выдавать мясо; шкуры от зарезанных баранов отдаются им же, У ногайцев Зеленчукского и Урупского округа, а частью и у шапсугов, крестьяне во время пахоты и жатвы едят то же самое, что и владельцы их, работающие преимущественно вместе с ними.

б. Сенокос

Все взрослые крестьяне обязаны безоговорочно скосить столько травы, сколько позволяют их средства или указывает потребность в сене. Накошенное сено обращается на продовольствие скотины как владельческой, так и крестьянской. Железные принадлежности для сенокосения дает владелец. Для продовольствия косцов выдается на каждого по жирному барану и сверх того молоко, сыр и пшено. Если бы по истечении зимы оказался остаток сена, то таковой уже принадлежит владельцу бесспорно. Только у бжедухов (Псекупского округа) скошенное сено делится пополам между владельцем и крестьянами.

В Карачае во время покоса крестьянин обязан 6 дней в неделю косить для владельца, а седьмой лишь может косить для себя лично; покос продолжается там от 2-х до 2,5 месяцев.

Продовольствие карачаевским косцам дается от владельца в следующем размере: у некоторых на каждого косца дается 3 коровы для подоя на время покоса, не менее 2-х мер хлеба, баран с барашком на зарез, и кусок коровьей кожи на обувь; у других же

этот порядок изменяется лишь относительно количества коров на подои и мер хлеба, но остальные условия остаются неизменными. Из накошенного сена ничего не выделяется для косцов, но последние имеют право в течение зимы содержать на владельческом сене корову с телком.

в. Домашние работы

Постройка саклей, зимовников, кошей, делание изгородей и плетней, ремонтирование построек, возка дров, сена, уход за скотом при доме владельца и за пчёлами - всё это лежит на обязанности пшитлей.

Постройка производится мужчинами из материалов, ими же вывезенных на своих быках или на владельческих; обмазка же сакли делается женами пшитлей. Дров обязаны привезти пшитли столько, сколько понадобится их для дома владельца. Сено с поля должно быть доставлено в дом помещика пшитлями. На них же возлагается и уход за скотом, находящимся при доме; но дойка коров и коз* делается женщинами. Там, где есть огороды, распашка земли делается мужчинами, а посев и уход за овощами лежит на обязанности женщин.

Кроме того в тех случаях, когда у владельца нет унаутов и к нему приедут гости, то пшитли прислуживают в кунацкой помещика по очереди. Для присмотра за пчёлами назначаются большею частью старые и одинокие люди, неспособные к полевым работам; в награду за это пасечник получает весь воск.

Подробности женских работ при доме владельца состоят в следующем:

1) когда есть у владельца унауты, то жены пшитлей обязаны доить коров, готовить масло, носить воду (по два раза в день) готовить из проса пшено и отдавать оное утром унаутке, а вечером оне обязаны в своей сакле сварить пасту и передать оную унаутке же. Затем на обязанности пшитлей лежит обмазка саклей владельца, мытье белья на его семейство (два раза в год к праздникам) и в случае надобности помогать жене владельца в приготовлении из шерсти разных изделий.

* В Карачае на кошах коров и коз доят мужчины.

Наконец, жена крестьянина пшителя должна сопровождать жену своего владельца при поездках ее для свидания с родными и ночевать у госпожи, когда бывает больна, даже и в таком случае, если в доме есть унаутка;

2) когда у владельца нет унаутки, то жены пшитлей обязаны поочередно исполнять обязанности унаутки в доме владельца, но что могут делать у себя дома (как, например, приготовление пищи), то делают в своей сакле, и владелец не имеет права заставить жен пшитлей работать у себя. Чтобы избавиться от этих тяжелых обязанностей, пшитли помогают своему владельцу купить унаут. У кабардинцев и абадзехов существует правило, что владелец может заставлять жен пшитлей исполнять обязанности унаут только в течение известного срока, и ежели владелец в течение одного не приобретет унаутки, то жена его должна сама заниматься домашними работами.

Стрижка баранов производится мужчинами-пшителями. Порядок раздела шерсти чрезвычайно разнообразен: в Лабинском и Зеленчукском округах и у кумских абазинцев Эльборусского округа владельцу поступает вся шерсть баранов и валухов, а из овечьей шерсти он берет себе только на бурку, остальная же овечья шерсть - после того как жена владельца отберет из нее лучшую белую на одну черкеску - делится между владельцами и крестьянами по числу членов их семейств. В Псекупском округе существуют почти такие же правила раздела шерсти, равно и в Урупском округе относительно раздела почти те же правила, но только вся весенняя шерсть безраздельно принадлежит помещику. В Карачае у некоторых владельческих фамилий принят тот же порядок, что и в Зеленчукском округе; у большей же части помещик не делит шерсти с крестьянами, но дает обыкновенно ее 5 рун на семейство.

О некоторых правах пшитлей и обязанностях к ним владельцев

1) Как выше сказано было, владелец обязан купить жену своему крестьянину, когда он придет в возраст; но если он не в состоянии женить пшителя, то должен продать крестьянина со всем его семейством нераздельно в другие руки.

2) Вообще при всяких на владельца работах, требующих

продолжительного труда, крестьяне получают пищу от помещика; в Карачае же и у ногойцев пища дается крестьянам при всякой работе для владельца.

3) При зарезе владельцем крупного рогатого скота для заготовления впрок на зиму и вообще для домашнего обихода крестьяне получают голову, шею, ноги и внутренности. Сверх того помещик дает крестьянам коровьей и буйволиной кожи на обувь и для ременных веревок. В Карачае и у абазинцев крестьяне получают только шею и внутренности зарезанной скотины. При зарезе же баранов и коз (для гостей) крестьяне получают обыкновенно внутренности и шею, а в Карачае - одни только внутренности.

4) Все шкуры со скотины и баранов, зарезанных во время полевых работ, отдаются крестьянам.

5) Сверх того каждый пасущий баранов кроме пищи получает ежегодно от 20 до 30 рун шерсти на бурку и черкеску и имеет право отдавать на зарез баранов для гостей, заехавших на кош. Шкуры с овец палых и резаных во время нахождения их на летних пастбищах, в большей части случаев, считаются собственностью баранщика.

Кроме вышеизложенных существует еще множество мелких обязанностей владельцев и крестьян, но излагать их не представляет особой надобности, так как они не имеют существенно важного значения.

О денежных и вещественных заработках пшителей и о правах их на этот заработок

Весь заработок пшителя, приобретаемый постороннею работою, то есть не у владельца, делится пополам между крестьянином и помещиком. Но у абазинцев, если при посторонней работе крестьянин употреблял рабочий инструмент, принадлежащий владельцу, то сей последний из рабочей платы получает уже не половину, но две трети.

В тех же случаях, когда по воле владельца или по собственному желанию крестьянин нанимается для пастбы скота к посторонним лицам, то весь заработок принадлежит владельцу, а пища и одежда даются нанимателем. Владельческий скот крестьянин обязан пасти беспрекословно, получая от владельца за это время пищу и сверх того шерсть на одежду, а если он пасет табун лоша-

дей, то получает во временное пользование (за каждый год) по одному жеребенку. В Карачае же за пастьбу рогатого скота пастух получает право держать на владельческом сене свою корову с теленком, осла и лошадь.

В Карачае вообще выработаны несколько иные правила относительно заработков пшитлей: там помещик может отдать своего крестьянина в работники и при этом получает все заработанное крестьянином, который одевается и кормится у нанимателей; кроме того крестьянин в свободное время (если он не нужен помещику) может отправляться на заработки, но из заработанного должен отдать две трети своему помещику; ушедший же в пахотное время - которое продолжается в Карачае 15 дней - должен принести своему господину два рубля или двух барашков. Крестьянин, отпущенный своим помещиком или ушедший сам во время покоса (продолжающегося два месяца), должен выставить своему господину же работника как сам, или же заплатить цену, по которой в Карачае на это время нанимаются работники, а именно: корову, трехгодовалую телушку с барашком, что оценивается обыкновенно в 20 рублей.

О продаже пшитлей и освобождении их за выкуп

Если владелец или крестьянин, вследствие несогласий между собою, не желают жить вместе, то в известных случаях пшитлю предоставляется право отыскать в течение определенного периода лицо, желающее купить его с семейством.

Причиной несогласий между крестьянином и владельцем служит обыкновенно нарушение одною из сторон правил, установленных адатом. Если владелец требует от крестьянина таких повинностей, кои не определены адатом, то крестьянин может отказать от исполнения подобного требования; если владелец не может или не в состоянии дать пшитлю средства к жизни или работе, определенные адатом, то крестьянин считает себя вправе не исполнять именно тех обязанностей, к коим относится нарушение - владельцем обычая. Так, например, если не будет дано косы, то крестьянин не станет косить, если не получит железных принадлежностей для плуга, то не будет пахать и т. п.

При всех подобных спорах обиженный крестьянин обраща-

ется обыкновенно к защите поручителей. По означенному заявлению крестьянина поручитель принимает на себя роль посредника и остается склонить обе стороны к примирению на началах справедливости. Но если владелец не желает исполнить требования, основанного на адате, то посредник, обыкновенно, передает жалобу крестьянина на суд общества; и если это последнее не успевает склонить владельца на мировую, то обязывает его продать крестьянина с семейством в другие руки,

При отпуске на свободу и при продаже крестьянина все имущество, почитавшееся собственностью владельца, обыкновенно оставалось у сего последнего. Покупатель же должен был или дать крестьянину точно такое же имущество, какое оставлено у прежнего владельца, или же у сего последнего выкупить ту собственность, которою пользовался крестьянин. Вся домашняя рухлядь крестьянина отдавалась ему без всякого выкупа. Но в Карачае лицо, покупающее крестьянина, не обязано было давать ему такое же имущество, какое было в его пользовании у прежнего владельца, и домашняя рухлядь не отдавалась крестьянину.

Таким образом, в Карачае продавалась только личность крестьянина без всего ему принадлежащего имущества. У всех горцев пшитли могли быть продаваемы только в составе целого семейства, но враздробь продажа не допускалась и прежде; хотя лица, пользовавшиеся силою в народе, нередко нарушали это правило.

Адатные цены при продаже и покупке или освобождении пшитлей существовали: у беглых кабардинцев и жителей Псекупского и Урупского округов за малолетних обоого пола от 1 до 15 лет на каждый год жизни полагалось по 10 рублей; от 15 до 45 лет человек стоил 200 рублей, от 45 до 65 цена уменьшалась с 200 рублей. по 10 рублей. на каждый год; у абазинцев, ногойцев и вообще у жителей Зеленчукского округа, за исключением кабардинцев, существуют те же цены, как выше означено, только на малолетних от 1 до 15 лет; затем крестьяне старше 15 лет и до 45 лет ценятся в 300 рублей, а с 45 до 70 лет из 300 рублей. цена уменьшается по 10 рублей ежегодно*.

Крестьяне, отличающиеся знанием ремесла или вообще осо-

* Цены эти назначены со слов как владельцев, так и крестьян.

быми пригодными в хозяйстве познаниями, ценятся значительно выше 300 руб. Оценка крестьян при продаже обыкновенно делается посредниками, а при выкупе - по взаимному соглашению.

В Карачае цена взрослого мужчины, могущего косить, - 300 руб., женщины-250 руб., а девушки-300 руб.; дети продавались не по летам, а мерлю: так, дитя в 4 карыша* стоило 200 руб., в 5 карыш - 250, а в 6 - 300 руб. Уменьшение цены за висело от старости, болезненности и дряблости крестьянина, но определенного возраста, с коего начинается дряхлость, обычаем не установлено.

III. Оги

Оги составляют переход от крепостного сословия к классу свободных земледельцев. Происходят они обыкновенно от пшитлей, которым, в награду за отличную службу, владелец предоставлял полные имущественные и семейные права.

Повинности огов к владельцам состоят в нижеследующем. Из выработанного проса, при урожае, владелец получает от каждой пары быков, бывших в плугу ога, одну арбу вымолоченного проса (арба должна быть в 30 мер или 6 чувалов); когда же урожай плохой, тогда просо делится между огом и владельцем по усмотрению аульного общества, если только владелец не откажется от получения следуемой ему доли.

Пшеница, ячмень и полба даются всегда уже в одинаковом количестве - по шести мешков, хотя бы было посеяно и 100 десятин, а из кукурузы, собранной огом, он совсем не обязан давать что-либо владельцу.

Во время покоса ог обязан косить на владельца 3 дня и потом убирать скошенное им в копны и перевезти по указанию владельца. Во все это время продовольствие дается ему от владельца. Зимние и весенние коши устраиваются огами для одних только баранов, без вмешательства пшитлей. Для работы сих от владельца даются волы и продовольствие.

При устройстве огорода владельцу в работах участвуют

* Карыш равняется почти 5 вершкам. Этим именем называется наибольшее расстояние между концами большого пальца и мизинца мужской руки.

мужчины, а при засеивании онога и очищении от сорной травы должны принимать участие как жены, так и дочери огов. При постройке стен и очагов сакли для владельца оги участвуют в работах сообща с пшитлями, но окончательная отделка домов лежит уже на пшитлях. Жены огов высылаются для смазки очага новых сакель, или же мажут эти сакли только один день.

Кроме этой случайной повинности оги обязаны ремонтировать крыши в постройках, находящихся в дворе владельца.

В феврале месяце каждая отдельная семья огов обязана привезти своему владельцу 15 арб дров; если же они этого не исполняют, то владетель имеет право взять пару быков и оставить их у себя. Когда ог режет быка, то отдает своему владельцу филейную часть мяса*, а когда режет корову, то дани владельцу не платят.

Рабочих волов и коров на первоначальное обзаведение или в случае обеднения ога владелец не обязан давать. Все имущество, находящееся у ога, есть его неотъемлемая собственность. Даже в том случае, когда он за какое-либо преступление или совершенное нерадение к хозяйству обращается в пшитля, то и тогда не лишается прав своих на владение всем имуществом, как собственностью, в которую владелец не имеет права вмешиваться. При выдаче дочерей оги получают сами калым, но и сами покупают жен своим сыновьям, без участия владельца; впрочем, при выдаче дочерей оги дают своему владельцу, в виде подарка, пару быков и одну корову для шараза, что, по оценке, равняется 50 руб. Когда владелец выдает свою дочь замуж, то, по получении калыма, дает огам одну пару быков; зато когда владелец женит сына, то оги обязаны принять и содержать у себя в сакле жену его в том случае, ежели у владельца не все готово к приему молодой. За эту услугу владелец отдаривает огов по возможности щедрее.

Продавать ога нельзя без особенной с его стороны вины; но если почему-либо продажа происходила, то цены огам бывали одинаковые с ценами пшитлей. Ежели ог откупался на свободу, то вносил обыкновенно столько же, как пшитль.

Из вышеизложенного обзора обязательных отношений зависимых горских сословий к их владельцам видно, что участь унау-

* Подобный подарок обязан сделать владельцу и пшитль, но от всякого безразличия скота.

тов нисколько не была гарантирована от произвола их владельцев, потому что, не имея родства, они не могут рассчитывать на чье-либо заступничество, ежели владелец их - лицо влиятельное; а так как владельцы имели право безнаказанно убить унауга, то можно сказать, что бесправные рабы в горских обществах были не людьми, а рабочими животными. В настоящее время отнято от горских владельцев право расправы над крестьянами.

Что же касается до пшитлей и огов, то участь первых может быть сравнима с бывшим положением дворовых людей у некоторых мелкопоместных помещиков, которые имели право переводить тягловых крестьян в дворовые, не лишая их имущества; оги же могут быть приравнены скорее к бывшим оброчным крестьянам, чем к несшим барщину.

И. д. помощника начальника
Кубанской области по управлению горцами, ге-
нерального штаба полковник Дукмасов.

ЦГИА ГССР, ф. 545, оп. 1, д. 86, л. 113—145. Подлинник.

Документ № 8
ПРОСТРАНСТВО И НАСЕЛЕННОСТЬ
Кубанской Области:

Кубанская Область занимает пространство 1703,3 кв. миль или 83,462 кв. вер. Сравнительно съ другими губерніями и областями Кавказскаго Наместничества, Кубанская Область занимает, почти 1/4 часть площади всего Наместничества.

Площадь пространства по уездам распределяется следующимъ образомъ:

Екатеринодарскій	232,33 кв. миль или 11,384 кв. вер.	
Темрюкскій	- 289,70	- 14,198 -
Ейскій	- 317	- 15,584 -
Майкопскій	- 387	- 18,969 -
Баталпашинскій	- 477	- 23,377 -
Итого	- 1703,03	- 83,462 -

Такъ что Екатеринодарскій уездъ занимаетъ 13,03%, Темрюкскій 17%, Ейскій 18,61%, Майкопскій 22,71% и Баталпашинскій 28% всего пространства области.

Такимъ образомъ Екатеринодарскій уездъ занимаетъ самое меньшее пространство площади Куб. Обл.; онъ слишкомъ въ два раза меньше Баталпашинскаго уезда.

Населенность (плотность населенія). Въ Кубанской Области числится 795,260 душъ обоюго пола и на квадратную милю приходится 466,8 человекъ, а на квадратную версту 9,5 человекъ. Въ уездахъ же, принимая въ расчетъ и населеніе городовъ приходится:

	На 1 квадр. милю	На 1 квадр. вер.
Въ Екатеринодарскомъ	665,1 жителей	13,3 жителей
- Темрюкскомъ	- 433,	- 8,8 -
- Ейскомъ -	- 456,6	- 9,5 -
- Майкопскомъ	- 459,2	- 9,3 -
- Баталпашинскомъ	- 404,2	- 8,6 -

По населенности Кубанская Область въ Кавказскомъ Наместничестве занимаетъ, после Черноморскаго Округа и Ставрополь-

ской губернии, последнее место.

7. БАТАЛПАШИНСКИЙ УЕЗД:

Въ составъ Баталпашинскаго уезда входятъ следующие населенныя места:

Сел. Армавиръ, Кол. Александерфельдъ, Вольденфюрсть, Сел. Богословское, Ст. Безкорбная, Барсуковская, Беломечетская, Бекешевская, Баталпашинская, Верхне-Николаевская, Воровсколесская, Зеленчукская, Сел. Ивановское, Ст. Исправная, Сел. Казьминское, Ст. Кардоникская, Николаевская, Невинномысская, Надежная, Сел. Ольгинское, Ст. Отрадная, Преградная, Передовая, Подгорная, Попутная, Прочно-окопская, Рождественская, Сел. Рождественское, Ст. Сторожевая, Суворовская, Спокойная, Темнолесская съ поселкомъ, Усть-Джегутинская, Урупская, Удобная, Сел. Успенское. Горскіе аулы: Атажукинскій, Бибердовскій, Вольный, Джазлыкъ, Даутъ, Дударуковскій, Докшуковскій, Кувинскій, Кургоковскій, Кумско-Абазинскій, Карамурзинскій, Коноковскій, Каменомостскій, Клычевскій съ поселками Егибоковскимъ и Балтинскимъ, Карть-Джурскій, Касаевскій, Лоовско-Зеленчукскій, Лоовско-Кубанскій, Мансуровскій, Марынскій, Тазартуковскій съ поселкомъ Береслановскимъ, Тохтамышевскій, Тебердинскій, Учкуланъ, Урупскій, Ураковскій, Хохандуковскій съ поселкомъ Аглескировскимъ, Хурзукъ, Хумаринскій, Шахгиреевскій, Эрсаконскій. Поселки: Джегонассскій, Маруховскій, Хасаутскій.

См. Рейнке Н.М. Горские словесные суды Кубанской области. СПб. 1912. С. 96.

Документ № 9

О СЕЛЬСКОМ (АУЛЬНОМ) СУДЕ*

35. Сельский суд ведает, на основании следующих статей, как споры и тяжбы между жителями, так и дела по маловажным их проступкам.

36. Сельский суд решает окончательно все споры и тяжбы собственно между жителями того же сельского общества, ценою до тридцати руб. включительно, как о движимом и недвижимом имуществе в пределах сельского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода обязательствам и сделкам, а равно и дела по вознаграждению за убытки и ущерб имуществу причиненные.

Примечание: Начальнику области предоставляется, по его усмотрению, указанную в статье 36 сумму тридцать рублей увеличивать до пятидесяти рублей.

37. Если дело превышает сумму тридцать рублей, или тяжба касается недвижимого имущества, принадлежащего жителям в собственность, а также если участвуют в тяжбе лица других сельских обществ, то во всех этих случаях, по требованию одной из сторон, дело подлежит рассмотрению горских словесных судов.

38. Независимо от сего окончательному решению сельского суда подлежат все без ограничения ценою иска между жителями споры и тяжбы, которые тяжущияся стороны по общему согласию предоставят решению сельского суда. Споры и тяжбы, в коих кроме жителей селения участвуют и посторонния лица, могут быть также, по желанию тяжущихся сторон, представляемы окончательному решению сельского суда.

Примечание: 1) В таких случаях от тяжущихся должна быть отобрана подписка в том, что они дело свое предоставляют решению сельского суда и таковое, признают окончательным.

2) По всем делам без ограничения их ценою иска, если с оными не соединено преступления или проступка и не сопряжены пользы малолетних и умалишенных, жители как одного, так и раз-

* Здесь приводятся в подлинном изложении статьи "Положения" о сельских (аульных) обществах Терской области.

ных сельских обществ, а равно лица других состояний могут вместо разбирательства в сельском суде, обращаться по взаимному согласию к третейскому по совести суду, не стесняясь никакими формами, но удостоверив только особою подпискою о предоставлении своего дела решению таких-то посредников. Решение третейского суда в этих случаях составляется, объявляется тяжущимся и приводится в исполнение тем же порядком, который установлен для решения сельского суда (ст. 49). Никакия жалобы на решения третейского суда нигде не принимаются.

39. Сельский суд разбирает и приговаривает к взысканию жителей, принадлежащих к сельскому обществу, за маловажные проступки, когда оные совершены в пределах самого сельского общества, против лиц принадлежащих к тому же состоянию и без участия лиц других состояний, а также когда означенные проступки не находятся в связи с уголовными преступлениями, кои подлежат рассмотрению горского словесного суда или других судебных учреждений. Если в совершении проступка участвуют жители, принадлежащие к другому сельскому обществу, то виновных приговаривает к наказанию суд того сельского общества, в пределах которого проступок совершен.

Примечание: 1) Маловажные проступки против лиц, подлежащие разбирательству сельского суда, следующие:

а) проступки против личной безопасности: порча разными вредными веществами воды в речках, канавах и колодцах,

продажа испорченных съестных припасов, неподача просимой помощи при наводнении, пожаре и тому подобном происшествии, обида словом в церкви и мечети и общенародно, удар другого рукою, ногою, палкою или иным подобным орудием, без причинения увечья;

б) проступки против права на имущества: злоумышленная запашка или потрава чужого поля, порча забора, изгороди и тому подобного, употребление при продаже иных аршинов, весов или мер, а не тех, кои установлены законом, обмер и обвес, необъявление о забеглом скоте из других селений и намерение при этом воспользоваться чужой собственностью, не объявление об имуществе заведомо краденом, необъявление о находке чужой вещи, платья и денег, злоумышленная растрата работником или приказчиком хозяйственного имущества, воровство-кража и воровство-

мошенничество, когда цена краденого или присвоенного обманом не превышает десяти рублей и когда сие учинено в первый или второй раз, без всяких увеличивающих вину обстоятельств.

2) Лица других состояний либо других обществ, против коих совершены жителями селения проступки могут, буде пожелают, отыскивать следующего им удовлетворения в местном сельском суде, или в общих учреждениях.

40. Сельский суд властен по маловажным проступкам приговаривать виновных к общественным работам до шести дней, или к денежному взысканию до 3-х рублей, или же аресту до семи дней. Назначение рода и меры взыскания за каждый проступок предоставляется усмотрению самого суда.

Примечание: Независимо от наказания, назначенного сельским судом, по проступкам, коими нанесен чужой собственности вред и убыток хотя и без намерения, виновный должен вознаградить владельца соответственно вреду и убытку.

41. Налагаемая как сельским судом, так и сельским старшиною денежные взыскания обращаются в сельскую общественную сумму.

42. Приговоры сельскаго суда по проступкам, подлежащим его рассмотрению, считаются окончательными.

43. Сельский суд собирается по возможности и удобству в праздничные и свободные от работ дни, в случае же нужды созывается сельским старшиною и в другие дни.

44. Сельский суд входит в разбор споров и тяжб не иначе, как по жалобе истца. В разбор проступков он входит: 1) по жалобе обиженного, или его родителей или опекуна, если обиженный еще не достиг совершеннолетия; 2) по требованию сельскаго старшины или помощников старшины и 3) по извещению того, кто был свидетелем проступка, если обиженный не может принести жалобу.

45. Сельский старшина и помощники его не должны вмешиваться в дела сельскаго суда и присутствовать при их обсуждении, если они не состоят с тем вместе и в звании сельских судей.

46. Все дела в сельском суде производятся словесно, при чем дозволяется находиться и посторонним.

47. При рассмотрении тяжёбного дела в сельском суде, судьи, по выслушивании тяжущихся сторон, стараются склонить их к примирению. Если стороны примирились, то должны в то же

время объявить, что одна уступает или чем вознаграждает другую и каким образом должно последовать удовлетворение. Если тяжущиеся стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решает дело либо на основании заявленных в сельском суде сделок и обязательств, если таковые были заключены между спорящимися сторонами, либо, при отсутствии таковых сделок, на основании местных обычаев, принятых в народе.

Примечание: 1) По тяжбым делам мусульман, подлежащим, по существу своему, ведомству сельского суда, суд обязан сам поставить решение в порядке в ст. 47 указанном, не отсылая тяжущихся в шариат.

2) При сельском суде ведется книга сделок и договоров, в оном заявляемых. В эту книгу вносятся всякого рода сделки и обязательства (на сумму не свыше трехсот рублей), заключенные жителями как между собою, так равно с посторонними лицами, когда такие сделки и обязательства словесно объявлены в присутствии не менее двух свидетелей и подписаны обеими договаривающимися сторонами, или, по просьбе их, кем либо другим, за неумением грамоте. Записи, внесенные в эту книгу, а равно выдаваемые с них засвидетельствованные копии, имеют в случае спора силу судебного доказательства. Такая книга, ежегодно возобновляемая, должна быть за казенною печатью и скреплена начальником округа.

3) Жителям селения, которые того пожелают, предоставляется свидетельствовать духовные свои завещания о недвижимом и движимом их имуществе ценою не свыше ста руб. в сельском суде, коему они подведомственны, с соблюдением при этом следующего порядка: а) духовное завещание должно быть словесно объявлено самим завещателем в сельском суде в присутствии сельских судей и не менее двух свидетелей; б) по таком объявлении, завещание записывается в книгу сделок и договоров. Под сею записью сперва подписываются завещатель и свидетели, в случае же неумения их грамоте, другая по их просьбе лица, а потом и бывшие при явке завещания сельские судьи; в) затем выдается завещателю точная со всего, что вписано в книгу, выпись за подписью наличных сельских судей и за печатью сельского управления.

Выписи эти имеют, в случае спора, силу судебного доказательства воли завещателя, если признаются действительными, то есть не подложными.

48. В делах о проступках, если сельский суд найдет недостаточными показания лиц, причастных к делу, то для приведения оного в ясность он может сам производить дознания в присутствии

двух и более свидетелей из местных домохозяев.

49. Решения и приговоры сельского суда составляются письменно и объявляются тяжущимся и причастным к делу лицам, в присутствии суда. Тяжущимся по желанию их выдаются копии с решений.

Примечание: За выдаваемые копии с решений сельского суда, так и с записей из книги сделок и договоров взимается плата не свыше двадцати коп. с листа, на покрытие расходов по письмоводству.

50. Решения и приговоры сельского суда как по спорам, тяжбам, так и по проступкам, приводятся в исполнение сельским старшиною, или помощниками старшины, в последнем случае под наблюдением старшины и за общею их ответственностью.

51. Если сельский суд постановит решение по такому делу, которое не подлежит его разбору на основании ст. 35—39 настоящего положения, или приговорит виновных в совершении мало-важных проступков ко взысканию либо наказанию в мере, превышающей указанную в ст. 40 этого положения, или же постановит по делу решение без вызова к суду участвующих в деле лиц, вопреки ст. 47 этого положения, то такие решения и приговоры сельского суда, вследствие просьб, поданных лицами, до коих решение или приговор касается, могут быть отменены горским словесным судом.

В тех же случаях, когда в делах по проступкам сельский суд явно превысит власть, предоставленную ему законом, то участковый начальник может, если признает нужным по важности дела, представить горскому словесному суду об отмене приговора суда и без просьбы о том лица, до коего приговор касается.

52. Просьбы об отмене решений и приговоров сельских судов должны быть приносимы не позже, как в месячный срок со дня объявления решения или приговора суда лицам, до коих оные касаются.

См.: Терский календарь на 1895 год. Вып. 4. Владикавказ. 1895. С. 145—148.

Документ № 10
ГОРСКИЙ СЛОВЕСНЫЙ СУД

Как известно, в Терской, Дагестанской и Кубанской областях уже 30 лет действует положение о горских словесных судах, составленное применительно к обычному праву туземцев - адату. Однако практика этих судебных учреждений не оправдала возлагавшихся на них надежд, и за этот период времени было обнаружено столько вопиющих недостатков, что в высших сферах поднят наконец вопрос об упразднении горских судов и о передаче подсудных им дел компетенции мировых судей.

На этот важный вопрос откликнулась и кавказская печать. "Сев. Кавк." в передовой статье 22 мая, признавая, что горские суды оказались далеко не безупречны, находит, что самое лучшее - предоставить туземцам Кавказа право вести свои дела в общедоступных учреждениях, императора Александра II включительно до суда присяжных. Никто, конечно, не станет спорить, что русские суды стоят бесконечно выше туземных народных судов, но вопрос в том, будут ли они также пригодны для туземцев, как оказались пригодны для русских. От учреждения мало требовать, чтобы оно было само по себе хорошо: необходимо еще, чтобы оно находилось в согласии с духом и привычками народа; необходимо, чтобы народ сроднился с известными правовыми понятиями, а только в этом случае и можно ожидать от нового суда благих результатов.

Мы не ошибемся, если скажем, что главная язва горского суда - это лжесвидетельство, глубоко укоренившееся в нем и дающее то, что сам народ теряет доверие к своему суду. Вот, например, один из недавних случаев, сам по себе не выходящий из ряда, но очень типичный для данного вопроса. В одном из участков Грозненского округа предстоял разбор дела о краже чеченцем лошади. Согласно адату этот чеченец должен представить пять присяжников, которые приняли бы присягу в том, что он не совершал кражи. Известно, что если хотя один из присяжников откажется присягнуть в пользу подсудимого, то это уже считается достаточным основанием для его осуждения. И вот как раз случилось, что один из этих свидетелей отказался присягнуть, тогда подсудимый в виде мести заявил суду, что этот самый свидетель был его соучаст-

ником в краже. Дело было отложено, а при новом разбирательстве подсудимый выставил новых присяжников, подтвердивших соучастие отказавшегося свидетеля, и последний был приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. На беду он еще пропустил срок подачи апелляционной жалобы, потому что представил ее не в ту инстанцию, куда следовало, и ему пришлось отбывать наказание. Вероятно, таких примеров можно привести не один, но для нас не важно их количество: важна самая возможность их, доказывающая, насколько малое уважение питают туземцы к их суду со- вести.

Однако было бы ошибочно винить в этом самую идею горского суда. Нам кажется, что эти суды лишь наполовину выполняют свое назначение - быть судами народными, и в этом их недостаток. Судьи в них назначаются администрацией. Назначаются, конечно, лучшие люди, цвет общества, но возможны и ошибки, неизбежные во всяком человеческом деле; а всякое неудачное назначение, естественно, дает повод судящимся критически относиться к самому учреждению. Теряется самое драгоценное свойство суда — вера в него, а отсюда недалеко и до лжеприсяги и до взяточничества.

Из настоящего положения возможны только два выхода: или заменить горские суды общими для государства судебными установлениями, или дать им прежнюю чисто народную организацию. Но не забудем, что для всяких юридических нововведений должна быть готова почва в душе народа, а этого-то и не имеется; наши понятия о праве также чужды туземцу, как нам - адат или шариат. Если мы видим, что население Кавказа быстро ассимилируется с русскими, воспринимает их язык, заводит школы, обращается к мирному труду, то не объясняется ли это тем, что русские в завоеванных областях всегда воздерживались от ломки туземных обычаев, относясь с уважением к их понятиям и привычкам?

Хороший отрицательный пример того, как не следует вести себя в покоренных областях, дают англичане. Нужно сознаться, что нет на свете народа, который высокомернее держал бы себя с покоренными племенами. Гордые своею цивилизацией, англичане везде, где только чувствуют себя хозяевами, силою навязывают английский строй и переделывают учреждения по своему образцу. И вот что мы видим в Индии. Там уголовный кодекс был состав-

лен, по поручению правительства, историком Маколеем. Пренебрегнув местным правом, Маколей ввел в этот кодекс все принципы английского уголовного законодательства. "Началось полное царство ужаса, говорит он сам, усиленного еще окружавшею их тайною. Все несправедливости прежних угнетателей, как азиатских, так и европейских, казались милостью по сравнению с правосудием верховного суда". С тех пор много воды утекло, но царство ужаса в Индии и теперь в силе. Бывший секретарь индийского генерал-губернатора Юм делает следующее красноречивое признание: "Каждому знакомому со страной хорошо известно, что ни один из свидетелей, вызванных в правительственный суд, по видимому, не в состоянии сказать правды, между тем как в присутствии своего сельского трибунала, окруженный своими соседями, он обнаруживает такую же неспособность к лжи. Здесь все знают друг друга, и только что свидетель в своих показаниях сколько-нибудь отклонится от истины, все присутствующие останавливают его и подымают на смех, напоминая ему, что он не в коренном суде и что здесь это не сойдет".

Результат такого пренебрежения обычным правом страны налицо. В то время как Кавказ неизменно идет по пути слияния со своей метрополией (недавно даже турецкие газеты, по словам "СПб. Вед.", констатировали прогрессивное обрусение Кавказа), англичане чувствуют себя в Индии такими же чуждыми пришельцами, как и сто лет назад, во время господства Ост-Индийской компании. И в то время как под власть России добровольно отдаются целые народы и племена, англичане всюду поддерживают свой престиж только силою оружия. Этот пример очень поучителен.

См.: Басият Шаханов. Избранная публицистика. Нальчик. 1991. С. 119—121.

**Документ № 11
С В Е Д Е Н І Я**

**О ГОРСКОМЪ НАСЕЛЕНІИ, СОСТОЯЩЕМЪ ВЪ ВОЕННО-
НАРОДНОМЪ УПРАВЛЕНІИ КАВКАЗСКАГО КРАЯ, ВЪ 1870 г.**

	Душъ обоего пола:	Пространст- во занимае- мое гор- скимъ насе- леніемъ	Плотность населенія на одну квад- ратную вер- сту:
Въ Кубанской области . . .	92,977	11,036 кв. верст.	8 ¹ / ₃ душъ.
- Терской	299,415	27,204 --	11 --
- Дагестанской	432,773	23,784 --	18 ¹ / ₂ --
- Сухумскомъ отделе . .	66,478	6,020 --	11 --
- Закатальскомъ округе	52,858	3,497 --	15 --
Итого	943,858	71,541 --	

Документ № 12

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СЕЛЬСКОГО СТАРШИНЫ И ДРУГИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

22. Сельский старшина отвечает за сохранение общего порядка и спокойствия в пределах сельского общества. В этом отношении ему вполне подчиняются помощники старшины.

23. Ведомству сельского старшины подлежат все без исключения жители, в пределах сельского общества находящиеся.

24. Сельский старшина обязан по делам полицейским в пределах ведомства сельского управления:

1) объявлять по предписаниям начальства законы и распоряжения правительства и наблюдать за нераспространением между жителями подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов; 2) заботиться о соблюдении порядка в общественных местах и о безопасности лиц и имуществ от преступных действий, а также в случае нарушения порядка и безопасности принимать меры для немедленного их восстановления, впредь до распоряжения земской полиции; 3) задерживать бродяг, беглых и военных дезертиров и представлять их полицейскому начальству; 4) доносить начальству самовольно отлучившихся из общества, а также о преступлениях и беспорядках, случившихся в обществе; 5) распоряжаться подачею помощи в чрезвычайных случаях, как например: при пожарах, наводнениях, повальных болезнях, падежах скота и других общественных бедствиях и немедленно доносить начальству о чрезвычайных происшествиях в сельском обществе; 6) принимать предписанные полицейские меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, а в случае совершения оных охранять следы сделанного преступления, до прибытия следователя, открывать и задерживать виновных и представлять их на дальнейшее распоряжение начальства; 7) приводить в исполнение приговоры сельского схода и суда.

25. Сельский старшина по делам общественным в пределах ведомства сельского управления обязан:

1) созывать и распускать сельский сход и охранять должный на нем порядок;

2) предлагать на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд и польз сельского общества;

- 3) приводить в исполнение приговоры сельского суда, а также распоряжения установленных властей;
 - 4) наблюдать как за помощниками старшины там, где они есть, так и за всеми другими должностными лицами, дабы каждый за них исполнял в точности свои обязанности;
 - 5) наблюдать за целостью меж и межевых знаков на землях как принадлежащих в собственность жителей, так и находящихся в их пользовании;
 - 6) наблюдать за исправным содержанием на тех землях дорог, мостов, гатей, водопроводных канав, перевозов и прочее;
 - 7) наблюдать за исправным отбыванием жителями всякого рода казенных, земских и общественных повинностей как денежных, так и натуральных;
 - 8) понуждать к исполнению условий и договоров жителей между собою, а равно и заключенных с посторонними лицами, когда такие договоры не оспариваются самими жителями;
 - 9) надзирать за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они учреждены обществом на свой общественный счет;
 - 10) надзирать за торговыми заведениями, а также верностью весов и мер на базарах;
 - 11) наблюдать за своевременным и правильным составлением камеральных списков, когда они требуются, и подавать оные, кому или куда следует;
 - 12) по просьбам жителей о выдаче им установленных билетов на отлучки или об увольнении вовсе из общества выдавать им надлежащие свидетельства в том, что к увольнению их препятствий нет, свидетельства эти представляются просителем начальнику участка или начальнику округа;
 - 13) заведывать в порядке, самим обществом установленном, общественным хозяйством и общественными суммами; надзирать за целостью общественного хлеба в запасных магазинах и за правильным распоряжением оными;
 - 14) охранять от растраты те имущества неисправных плательщиков, коими обеспечивается взыскание недоимки.
26. Сельский старшина обязан исполнять беспрекословно все законные требования полицейского начальства и всех установленных властей по предметам их ведомства.

27. Сельскому старшине предоставляется право за мало-важные полицейские проступки, совершенные подведомственными ему жителями, подвергать виновных: назначению на общественные работы на время до двух дней или денежному взысканию до трех рублей, или аресту до двух дней.

Примечание: Лица из привилегированных сословий, равно и все имеющие офицерские чины, могут быть штрафуемы и арестуемы только по разрешению окружного начальника.

Примечание: Маловажные полицейские проступки суть следующие: а) проступки против благочиния в церквах и мечетях: появление в них во время Богослужения в неприличном виде и произведения крика, хохота или иного шума и вообще причинение словом или действием соблазна; б) проступки против правительственного и общественного порядка: всякое ослушание против начальства, шум и брань на улице, драка в каком бы то месте ни было, самовольная отлучка без надлежащего вида далее 30 верст от места жительства отлучившегося как внутри уезда, так и за пределы оного, непочтенье, грубость и дерзость младших против старших, а тем более против лиц, облеченных правительственной и общественной властью, грубость и неповиновение работников своим хозяевам, непослушании родителям, оскорбление их и отказ им в пище, одежде и вспоможении, особенно в старости и болезни; в) проступки, заключающие в себе соблазн и дурное поведение: пьянство, расточительность и вообще поступки, противные благопристойности и чистоте нравов. В случаях, когда виновные во всех этих проступках заслуживают наказания наибольшего против предоставленного власти сельского старшины, сей последний отсылает их для суждения в сельский суд.

28. Сельский старшина обязан при исполнении дел особой важности именно: при производстве личных взысканий как полицейских, так и налагаемых сельским судом или сходом, при всяком обыске в доме или строении, при всяком задержании или взятии под арест, при приеме от сборщика и расходовании общественных денег непременно приглашать двух свидетелей, преимущественно из стариков сельского общества. То же правило, по возможности, наблюдается и при предварительном дознании по проступкам и преступлениям.

Примечание: В случае малолетства сельского общества

или когда в ауле остается на лицо мало жителей, старшине дозволяется требовать на этот предмет свидетелей из ближайших сельских обществ.

29. Помощники старшины исполняют все приказания старшины и сверх того, не ожидая приказаний, обязаны содействовать ему в исполнении всех его обязанностей. Там, где помощники старшины избраны от малолюдных селений, в состав сельского общества входящих, они имеют жительство в избравших их селениях и состоят в непосредственном ведении сельского старшины, исполняют все им приказанное относительно вверенных их надзору селений.

30. На лицо, исполняющее обязанности сборщика податей, возлагается: 1) взимание лежащих на жителей и всяких установленных денежных сборов, а также недоимок по этим сборам; 2) ведение счетов полученным деньгам; 3) наблюдение за безнедоимным взносом от каждого дома следующих с него платежей; 4) хранение поступивших с жителей податей и сборов, впредь до представления их кому следует, в том месте и тем порядком, которые будут определены сельским сходом; 5) представление начальнику участка податей и сборов и получение установленных в сдаче оных квитанций; 6) представление сельскому сходу отчета в поступивших от жителей суммах; 7) представление сельскому сходу о неплательщиках, для принятия мер ко взысканию с них недоимок; 8) снабжение всех домохозяев надлежащими удостоверениями в получении денег.

Примечание: Ответственность сборщика податей перед обществом оканчивается с представлением им отчета.

31. Обязанности остальных должностных лиц, как-то: рассыльных, полевых сторожей, смотрителей канав и т. п. определяются самим названием должностей.

Документ № 13
**РАПОРТ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ БУЛГАКОВА
ГЕНЕРАЛУ ТОРМАСОВУ**

от 30-го апреля 1810 г. № 945.
Лагерь при реке Черек

Представляя список о отличившихся штаб и обер-офицерах имею долг свидетельствовать пред вашим высочеством усердие и ревность, оказанные в течении экспедиции за Кубанью управляющего Ногайским и Абазинским народами генерал-майором Султаном Менгли-Гиреем, собравшего 200 ногайских владельцев и узденей и бывших при войске на собственном содержании, находящихся во многих делах и особенно себя отличивших храбростью, 7-го февраля, на р. Шавкуч и при укрепленном ауле Султан-Хаджи, где в особенности отличились генерал-майор Султан Менгли-Гирей, братья его Азамат-Гирей и Максуд-Гирей, ногайского народа старшие владельцы: Рослам-бей и брат его Едиге Тагановы.

В поощрение сего народа на служение в будущее время и во уважение неутомимой ревности, я полагаю мнением достойными их следующего награждения: генерал-майора Султана Менгли-Гирея - военного ордена святого Георгия 4-го класса, братьев его произвесть в майоры.

Документ № 14

О ГОРСКОМ СЛОВЕСНОМ СУДЕ*

7. Ведомству горского словесного суда по делам уголовным подлежат все, указанные в уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, поступки, за исключением проступков, отнесенных положением о судах аульных (сельских) к ведомству сих последних.

8. Предусмотренные уложением о наказаниях уголовн. и неправ., (изд. 1866 г.) и отнесенные уставом угол. судопр. 20-го ноября 1864 г. к ведомству окружного суда проступки и преступления изъемяются из ведения горских судов, за исключением оставляемых по прежнему за сими судами, в Терской области следующих преступных действий: 1) нанесения ран, увечья и смерти в ссоре или драк, начавшейся без всякого намерения совершить убийство или чинить увечье и рану (ст. 1465 и 1485); 2) случайного, без намерения и без неосторожности нанесения смерти, увечья, ран или иного повреждения здоровья (ст. 1470 и 1495); 3) нарушения пределов необходимой, личной обороны (ст. 1467 и 1493); 4) кража со взломом (ст. 1647—1649), а также кражи при оружии (ст. 1653 и 1654), если цена похищенного не превышает трехсот руб. и если кража совершена в первый или во второй, раз; 5) похищения, растления и изнасилования женщин (ст. 1523—1530) и 6) дел по предупреждению и прекращению, на основании местных обычаев, вражды и кровомщения, могущих возникнуть вследствие обнаружения виновных в убийстве.

Примечание. В Кубанской области за горскими судами остаются лишь преступления, означенные в 4 и 5 пунктах ст. 9.

8. Ведомству горского словесного суда не подлежат: 1) дела о проступках и преступлениях, в совершении коих обвиняются, хотя бы вместе с горцами, не принадлежащая к горскому населению, и 2) дела о преступных деяниях, совершенных хотя бы одними лишь горцами, но не исключительно противу горцев, а и про-

* * * Здесь приведены в подлинном изложении статьи "Временных правил для горских словесных судов Кубанской и Терской областей", утвержденных Наместником кавказским 18 декабря 1870 г.

тив других лиц и нарушающая права этих лиц. В обоих указанных случаях дело рассматривается и решается, смотря, по роду своему, в мировом или окружном суде.

10. В случае обвинения горца в двух или нескольких проступках или преступлениях, из коих одни подлежат рассмотрению горского словесного суда, а другие подсудны мировому или окружному суду, дело по всем упомянутым обвинениям рассматривается и решается или в мировом, или окружном суде, смотря по тому, которому из этих судов подведомо важнейшее из тех преступных деяний, в коих обвиняется горец. Равным образом в случае совокупности преступных деяний, из коих одни подсудны горскому словесному суду, а другая аульному (сельскому) суду, дело о тех и других рассматривается и решается в горском словесном суде.

11. Совершенные горцами и предусмотренные уставом о наказан. налаг. мир. суд. проступки: против порядка управления (ст. 29-34), против благочиния, порядка и спокойствия (ст. 35-51), против общественного благоустройства (ст. 52—57), против народного здоровья (ст. 102—116) и все нарушения уставов: паспортных, строительного и путей сообщения, пожарного, почтового и телеграфного (ст. 58-101) решаются одним председательствующим в горском словесном суде, без участия депутатов.

12. Горец, потерпевший от преступления, совершенного горцем же и отнесенного по ст. 8 настоящих правил к ведению горского словесного суда, не лишается права, до назначения дела к разбору в горском суде, просить, чтобы дело его было рассмотрено в окружном суде; с передачею дела, на семь оснований, судебному следователю, оно изымляется из ведения горских словесных судов.

13. По делам гражданским горскому словесному суду подлежат все иски, отнесенные по 29 ст. уст. гражд. судопр. к ведомству мирового судьи, за исключением исков, подведомых аульным (сельским) судам на основании положения о сих судах.

14. Иски, превышающие власть мирового судьи и отнесенные уставом гражд. судопр. 20-го ноября 1864 г. к ведомству окружного суда, изымляются из ведения горских судов, за исключением оставляемых по прежнему за сими судами исков не свыше двух тысяч руб.: 1) по долговым обязательствам, обеспеченным

залогом недвижимого имущества, и о праве собственности на недвижимое имущество, когда иски эти не основаны на формальном акте и 2) о наследстве, о разделе наследства и спорах наследников как между собою, так и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям.

15. Кроме дел, поименованных в предыдущих ст. 13 и 14, горский словесный суд может принять к своему рассмотрению всякий спор и иск гражданский, если обе тяжущиеся стороны будут просить его о решении их дела и удостоверять письменно, что лишают себя права обжаловать решение.

16. По искам, указанным в ст. 14 настоящих правил, предоставляется тяжущимся сторонам по взаимному согласию обратиться с просьбою о решении их спора в окружной суд; с принятием такого иска к производству в окружном суде, он изымается из ведения горских словесных судов.

17. Ведомству горского словесного суда не подлежат: 1) иски, сопряженные с интересом казенных управлений, и 2) иски, в коих участвуют, в качестве истца или ответчика, лица не принадлежащая к горскому населению. В обоих указанных случаях дело подсудно мировому или окружному суду, смотря по роду и цене иска.

18. Отнесенные к ведению горских словесных судов проступки и преступления рассматриваются и решаются в том суде, в районе коего совершены. Исковые же дела подлежат тому суду, в ведомстве коего имеет жительство ответчик.

19. Пререкания о подсудности между горскими словесными судами разрешает начальник области; пререкания между горским словесным судом и мировым судьёю или судебным следователем решает местный, окружной суд, а между горским судом и окружным судом - Тифлисская судебная палата.

20. Заседания горских словесных судов должны состоять не менее как из трёх лиц, в том числе и председательствующаго.

21. Заседания в судах происходят ежедневно, или в особо устанавливаемые начальником области сроки, за исключением воскресных и табельных Дней, а также времени полевых работ.

Примечания: 1) В местностях, занятых мусульманским населением, заседания судов закрываются по пятницам и во время праздников Байрама и Курбана.

2) Заседания горских словесных судов для разбора дел открываются по Кубанской области не только в местах постоянного их пребывания, но и в других местностях, к их округам принадлежащих: Сии заседания открываются или в установленные постоянные сроки и в определенных местах, или же где укажет необходимость, по особым распоряжениям председательствующаго.

22. Горский словесный суд разбирает дела изустно и публично. При закрытых дверях разбираются дела: о проступках против прав семейственных, об оскорблении женской чести и других соединенных с соблазном действиях, а также дела о проступках, преследуемых не иначе, как по жалобам частных лиц, и дела исковыя, когда обе стороны просят о негласном разбирательстве дела и суд найдет их просьбу уважительною.

23. Для записывания всех действий и постановлений суда ведется, по прилагаемой форме, председательствующим настольный журнал, а делопроизводителем алфавитный указатель жалобщикам, обвиняемым, истцам и ответчикам.

24. Дела решаются большинством голосов; при разделении же голосов поровну, дело решается по тому из мнений, которое принято председательствующим.

25. Горский словесный суд приступает к разбирательству в делах гражданских не иначе как по исковой просьбе; в делах уголовных: 1) по жалобам потерпевшаго от преступления или проступка и 2) по сообщениям полицейских и других административных властей.

Примечание: Дела по проступкам, которыя дозволяется оканчивать примирением, как то: а) оскорбление чести, клевета, угрозы и насилие; б) самовольное пользование чужим имуществом и повреждение или истребление онаго, также захват без насилия недвижимаго имущества; в) кража, мошенничество и присвоение чужога имущества между супругами, родителями и детьми; г) прелюбодеяние и обольщение женщин и д) нанесение нетяжких ран, увечья и побоев, а также нанесение ран и увечья, по неосторожности, - преследуются не иначе как по жалобе самого обиженнаго или потерпевшаго от преступнаго действия.

26. Просьбы и жалобы приносятся лично или через поверенных словесно или письменно на простой бумаге; словесная просьба или жалоба заносится в настольный журнал суда, при чем

назначается день для ее разбирательства.

Примечание: В отношении поверенных соблюдаются ст. 44—50 уст. гражд. судопр.

27. Призыв к суду обвиняемого, ответчика и свидетелей делается письменною повесткою, которая должна заключать в себе точное указание: требуемого лица, времени и места явки. По делам уголовным, не прекращаемым примирением, обвиняемый, если не заарестован предварительно полицею, приводится к суду.

28. Свидетели, в случае отдаленности места жительства их, могут быть допрашиваемы на месте, чрез местное полицейское начальство.

29. В случае неявки к суду в назначенный срок ответчика по делам гражданским, или обвиняемого по делам уголовным, прекращаемым примирением, или же поверенного их, суд постановляет заочное решение или приговор и копию с него препровождает к ответчику или обвиняемому, которому в течение 2-х недель со времени получения сей копии предоставляется просить суд о новом рассмотрении дела. Если в срок, назначенный для нового рассмотрения дела, ответчик или обвиняемый снова не явится и не пришлет поверенного, то может быть подвергнут денежному взысканию не свыше 25 р., а состоявшееся решение, или приговор оставляет в силе.

Примечание: Для жителей горных местностей назначается вместо 2-х недель месячный срок.

30. На заочный, приговор, или решение может быть подана, вместо отзыва о новом пересмотре дела, апелляционная жалоба в срок, назначенный для принесения сказанных отзывов, если приговор или решение, по роду дела, подлежит апелляции.

31. В случаях неявки истца, обвинителя или поверенного их к назначенному сроку, без представления уважительных причин, суд постановляет об отказе в иске или в жалобе, если последняя подана по такому уголовному делу, которое может быть прекращено примирением.

32. За неявку без уважительных причин к назначенному сроку свидетель из горцев присуждается, судом к денежному взысканию в первый раз 5 р., а во второй раз по тому же делу 10 рублей.

Примечание: При вызове свидетелей, не принадлежащих к

горскому населению, и при наложении на них взысканий за неявку горский словесный суд руководствуется по делам уголовным 65—72 ст. уст. угол. судопр., а по делам гражданским 88—94 ст. уст. гражд. судопр.

33. Свидетель может в течение 2-х недель со дня объявления ему постановления о наложенном за неявку взыскании, или при явке на вновь назначенный срок представить свои оправдания, и суд освобождает свидетеля от взыскания, если причиной неявки была одна из указанных в 388 и 612 ст. угол. судопр.

Примечание: Для жителей горных местностей назначается вместо 2-недельного месячный срок.

34. Обвиняемый в совершении даже маловажного проступка обязан не отлучаться из места жительства, без разрешения суда; для пресечения же обвиняемому в более важном преступном действии способов уклоняться от суда горский словесный суд может, по особому постановлению, отдать обвиняемого на поруки, или же подвергнуть личному задержанию, смотря по силе представляющихся против него улик и строгости угрожающего ему наказания.

35. Для обеспечения гражданских исков и предъявленных требований о вознаграждении убытков, причиненных преступным действием, суд может по просьбе истца: 1) потребовать от ответчика или обвиняемого в преступном действии, причинившем убытки, поручительства благонадежных лиц; 2) подвергнуть аресту движимое имущество и 3) наложить запрещение на недвижимое имение. Об избрании той или другой меры и о причинах к тому побудивших составляется судом особое постановление.

36. Разбирательство начинается: в делах гражданских - прочтением или словесным изложением исковой просьбы, а в делах уголовных - чтением или словесным изложением жалобы лица и правительственных мест о совершившемся преступлении. Затем председательствующий спрашивает ответчика или обвиняемого признает ли он иск правильным или виновным себя в приписываемых ему действиях. В случае отрицательного ответа, суд выслушивает свидетелей истца или обвинителя и рассматривает доказательства им представленные; затем предоставляет ответчику или обвиняемому изложить свои оправдания, выслушивает указанных им свидетелей и рассматривает представленные им доказательства.

Примечание: Свидетели допрашиваются порознь, и если окажется нужным, то первоначально в отсутствии обвиняемых и лица, прикосновенных к делу; при чем всякий свидетель спрашивается об отношениях его к участвующим в деле лицам.

37. По выслушивании каждого свидетеля, стороны могут предлагать ему вопросы. Равным образом председательствующий и депутаты могут предлагать вопросы как допрошенному свидетелю, так и истцу или обвинителю, ответчику или обвиняемому.

38. Сущность показания сторон и свидетелей записывается председательствующим в настольный журнал.

39. Доказательства, представленные одною стороною, предъявляются другой.

40. Суду предоставляется производить, в случае надобности, осмотры, освидетельствования и обыски или возложить это на местную полицию. Ей же суд может поручить производство дознания и собрание требующихся справок.

41. О произведенных судом осмотрах, обысках и освидетельствованиях записывается в настольный журнал.

42. В тех случаях, когда для точного уразумения встречающихся в деле обстоятельств необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, промысле или каком либо занятии, суд приглашает сведущих людей, мнение которых выслушивает в публичном заседании. Сущность выказанного ими мнения вносится в настольный журнал.

43. Если при рассмотрении обстоятельств дела окажется, что рассматриваемое дело неподсудно горскому словесному суду, то суд обязан: по делам уголовным, преследуемым помимо частных жалоб, немедленно передать оное по принадлежности мировому судье или судебному следователю; по делам же гражданским и по тем уголовным, кои преследуются не иначе как вследствие жалобы, прекратить дальнейшее производство, предоставив истцу или жалобщику обратиться в то судебное учреждение, коему сказанное дело подсудно.

44. Давность по делам гражданским признается 10-летняя, а по уголовным - указанная в 21 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд., и в 158 ст. улож. о наказ.

45. В делах гражданских, а также в тех уголовных, которые прекращаются примирением, суд, выслушав объяснения сторон,

предлагает им прекратить дело миром, указывая и способы к тому.

46. Мировая сделка записывается председательствующим в настольный журнал и по прочтении подписывается сторонами, или тем, кому они сие доверят, и удостоверяется подписью присутствовавших в заседании судей.

47. По упомянутым в ст. 45 делам примирение допускается во всяком положении оных, даже и после состоявшегося решения или приговора. В последнем случае мировая сделка, совершенная указанным порядком, отменяет решение или приговор.

48. Дело, прекращенное мирною сделкою, не может быть возобновлено ни сторонами, участвующими в совершении ся, ни наследниками их.

49. Если стороны откажутся прекратить дело примирением, суд приступает к постановлению решения или приговора.

50. Горский словесный суд решает дела на основании местных обычаев и только по таким делам, для решения которых обычай не сложился, руководствуется общими законами Империи. Разбирательству же на основании шариата могут подлежать, из дел, подсудных горскому словесному суду, дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах, из брака вытекающих, о законности рождения и дела о наследстве.

51. При рассмотрении дел, подлежащих решению по шариату, председательствующий приглашает в заседание суда состоящего при суде кадия. После объяснений сторон, допроса свидетелей и рассмотрения всех представленных по делу доказательств и пред постановлением решения, суд выслушивает мнение кадия об относящихся к рассматриваемому делу шариатских постановлениях и о способе применения их. Сущность мнения кадия записывается в настольный журнал. По делам же собственно бракоразводным - кадий единолично делает постановление на основании шариатских постановлений.

52. При решении дел уголовных, суд определяет по совести - степень виновности обвиняемого, по обычаю - количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону - следующее виновному наказание.

53. Состоявшийся приговор или решение председательствующий записывает в настольный журнал и, после подписания его судьями, объявляет участвующим в деле лицам публично, в том

же заседании, в котором разбирательство дела окончено. Участвующим в деле лицам, в случае просьбы их, выдается на простой бумаге копия состоявшегося приговора или решения.

54. Приговоры по делам уголовным, превышающим власть мировых судей и отнесенных по сим правилам к ведомству горского словесного суда, начальник округа (уезда) представляет, во всяком случае, начальнику области на утверждение.

55. Решения начальника области объявляются сторонам: наличным - в присутствии суда, а отсутствующим - на месте их жительства местною полицею.

56. Приговор горского словесного суда считается окончательным, когда им определяются: денежное взыскание не свыше 30 р. с одного лица, арест не свыше одного месяца и когда вознаграждение за вред и убытки не превышает 100 руб. По делам же гражданским решение считается окончательным, когда цена иска не превышает 100 руб.

57. На все остальные приговоры и решения горского словесного суда могут быть приносимы апелляционные жалобы. Равным образом и по приговорам, кои на основании ст. 54 представляются начальнику области на утверждение, представляется участвующим в деле лицам представлять объяснения и возражения.

58. При объявлении приговора или решения, председательствующий объясняет участвующим в деле лицам: в какой срок и каким порядком может быть принесена апелляционная жалоба, присовокупляя к тому, что желающий принести жалобу должен заявить о том суду в течение суток от объявления приговора, или решения. Не требуется заявления в течение суток неудовольствия по тем уголовным делам, по коим приговоры представляются (ст. 54) на утверждение начальнику области.

59. В объявлении срока и порядка обжалования, а также суточного срока для заявления неудовольствия, участвующия в деле лица или те, кому они доверят, расписываются в настольном журнале под приговором или решением, состоявшимся по их делу.

60. Апелляционная жалоба на простой бумаге подается, в месячный срок со дня объявления приговора или решения, тому окружному (уездному) начальнику, в округе (уезде) котораго состоит суд, постановивший приговор или решение. Ему же подаются, в тот же месячный срок, объяснения и возражения по пригово-

рам, представляемым на основании ст. 54 начальнику области.

61. Начальник округа (уезда) не позже недели по получении апелляционной жалобы представляет оную с делом и всеми документами начальнику области. Объяснения и возражения на приговоры, представленные начальнику области в силу ст. 54 настоящих правил, представляются окружным (уездным) начальником в дополнение, с первою почтою.

62. Апелляционная жалоба, равно как и отзыв на заочный приговор или решение, поданные по истечении установленных для сего сроков, возвращаются подавшему при надписи о причине возвращения.

63. Решение начальника области, последовавшие как по приговорам, представленным на его утверждение в силу ст. 54 настоящих правил, так и по апелляционным жалобам, а также окончательные решения и приговоры горских словесных судов (ст. 56) обращаются к исполнению немедленно.

64. Остальные затем приговоры и решения горского словесного суда признаются вошедшими в законную силу и обращаются к исполнению:

1) когда в течение суток от объявления приговора или решения в публичном заседании суда не объявлено ни одною стороною неудовольствия;

2) когда по изъявлении неудовольствия не представлено апелляционной жалобы;

3) когда по приговору или решению заочному не представлено в установленный срок (ст. 29 и 30) ни отзыва о новом пересмотре дела, ни апелляционной жалобы, если приговор или решение, по роду дела, могут подлежать апелляции.

65. Вошедшие в законную силу решения и приговоры исполняются посредством местной полиции. На обязанности суда лежит исполнение вошедших в законную силу приговоров только во всем том, что не выходит из круга непосредственных судебных действий, как-то: объявление наличного подсудимаго оправданным или освобожденным от наказания и освобождение его из заключения, если он заключен по этому же делу, объявление выговора, замечания и т. п.

66. Жалобы на медленное исполнение приговоров и решений приносятся начальнику округа (уезда), который принимает меры к

скорейшему удовлетворению справедливых жалоб.

67. Свидетели и сведущие люди, вызванные в суд и желающие получить вознаграждение за путевые издержки, должны объявить об этом по окончании допроса. Вознаграждение это определяется только в случае призыва их на расстояние более 10 верст; в сем случае они получают путевые деньги по три коп. на версту и суточных по двадцати коп. за каждый день отлучки из места жительства.

68. Уплата денег этих обращается как в гражданских, так и в уголовных делах на сторону обвиненную. В случае решения иска частью в пользу одной, частью в пользу другой стороны, взыскание сказанного вознаграждения обращается на обе стороны поровну. Если иск или обвинение признаны недобросовестными, то вознаграждение свидетелей и сведущих людей обращается на истца или обвинителя. В случае отсрочки заседания за неявку одной из сторон, вознаграждение свидетелей и сведущих людей, вызванных к этому заседанию, обращается на то лицо, по чьей вине рассмотрение дела отложено.

69. За записки из настольного журнала и за копии, выдаваемые по просьбе частных лиц, взыскивается по 20 коп. с листа, полагая на каждой странице по 25 строк. Неимущественным, а также приговоренным по делам уголовным выдаются копии и выписки из настольного журнала бесплатно.

Примечание: Деньги, взыскиваемые по этой ст., обращаются на канцелярские расходы и на хозяйственные надобности.

70. Штрафы, налагаемые горскими судами, и деньги, взыскиваемые на основании предыдущей ст., записываются в особую книгу, выдаваемую от начальника области каждому горскому словесному суду.

71. Наблюдение за арестантами из горцев, в отношении правильного их заключения, содержания и скорейшего движения о них дел, возлагается: в Кубанской области на обязанность вице-губернатора, а в Терской области на обязанность помощника начальника области; для чего горские словесные суды обязаны доставлять к ним ежемесячно списки о содержащихся под стражею горцах по форме, установленной начальником области.

72. Горскому словесному суду подлежат и дела по опеке над лицами, принадлежащими к горскому населению, и имуществами,

оставшимися после горцев.

73. По делам опекунским на обязанности горских словесных судов лежит: выбор опекунов для попечения о лице и имуществе малолетних, когда духовным завещанием не назначено им таковых, или когда назначенные опекуны не оправдали своего назначения; а также выбор опекунов над именными владельцев, не могущих почему либо управлять своею собственностью, как-то: умиливших, расточительных и проч. Опека может быть также учреждена и над именными владельцев, находящихся в далеком и долгом отсутствии, если только дознано будет, что лица, которым от таковых владельцев поручено управление имением, недостаточно пекутся о целостности и улучшении его.

74. В опекуны судом избираются лица благонадежные и вполне соответствующие этому назначению и утверждаются в этом звании начальником округа (уезда); горские же суды, в определениях своих об учреждении опеки, обязаны излагать причины учреждения оной, сведения о лицах, назначаемых в опекуны, перечень имущества, в опеку поступающего, и определяемой по местному обычаю вознаграждение опекуну за труды по опеке.

75. В начале каждого года, не позже 1-го марта, опекуны представляют в горские суды, для поверки, отчеты по управлению порученными им именными за истекший год. В случае надобности в проверке на месте, суд может командировать одного из депутатов суда.

76. Жалобы на постановления суда по делам опекунским приносятся начальнику области чрез окружного (уездного) начальника, который представляя жалобу, излагает и все сведения; требующияся по содержанию жалобы.

77. По прекращении причин, служивших поводом к учреждению опеки, имена освобождаются от оной с разрешения начальника округа (уезда).

78. В тех занятых горским населением местностях, где нет нотариусов, горскому словесному суду предоставляется засвидетельствование таких совершаемых горцами актов, засвидетельствование, которых по ст. 2 положения о нотариальной части возлагается на мировых судей.

79. При засвидетельствовании сказанных актов, горский словесный суд обязан наблюдать правила, изложенные в 90, 99, 100,

101 и 103 ст. положения о нотариальной части, и удостовериться порядком, указанным в 72, 73, 74, 83 и 89 ст. того же положения: в самоличности и правоспособности лиц, участвующих в совершении засвидетельствования.

80. Засвидетельствование явки актов делается на самом акте с означением лиц, оный предъявивших.

81. Для записывания совершенных засвидетельствований ведется реестр, разделенный на 5 граф, в коих означает: 1) номер по порядку сделанного засвидетельствования; 2) число и месяц засвидетельствования; 3) лица, для которых совершено засвидетельствование, и место жительства их; 4) содержание засвидетельствованных актов и 5) расписка в обратном получении засвидетельствованных актов лицами, предъявившими оные.

82. Пред наступлением каждого года, реестры эти, по изготовлении их горскими словесными судами, выдаются им канцеляриею начальника области прошнурованные, скрепленные по листам и за подписью правителя канцелярии.

83. При каждом реестре ведется алфавитный указатель лиц, для коих засвидетельствованы акты; противу поименования сих лиц означается тот номер, под которым записано в реестре засвидетельствование.

84. По истечении года, председательствующий в горском словесном суде делает в реестре под последним внесенным в реестр засвидетельствованием, надпись о числе совершенных в том году засвидетельствований. Затем реестр, с следующим к нему алфавитом, оставляется в суд для хранения.

См.: Терский календарь на 1895 год. Вып. 4. Владикавказ. 1894. С. 135—145

Документ № 15

С В Е Д Е Н І Е

о движеніи опекунскихъ дѣлъ

по Майкопскому Горскому Словесному Суду

со 2-го января 1901 года по 14-е іюня 1911 года.

П о с т у п и л о :

Въ	Въ
1901 г.	1909 г.

11	30

1902 г.	1910 г.

27	46

1903 г.	Къ 14-му іюня 1911 г.

поступило

22

1904 г.

36

1905 г.

22

Всего на производстве

состоитъ

379 дѣлъ.

1906 г.

28

1907 г.

22

1908 г.

27

См. Рейнке Н.М. Указ. соч. С.89.

Документ № 16

Приговор Тебердинского аульного сбора

от 24 мая 1913 года.

Приговор № 69. 1913 года мая 24-го дня мы нижеподписавшиеся, выборные и должностные лица, составляющие аульный сбор аула Тебердинского Баталпашинского отдела Кубанской области, были сего числа на своём аульном сборе в числе 28 человек, составляющих более 2/3 из общего числа 36 человек всех выборных, имеющих право голоса на аульном сборе, в присутствии аульного старшины Тенгизбея Биджиева, обсуждали вопрос о том, что с одной стороны притесняет нас в земельном отношении карачаевские аульные общества, желая отобрать от нас громадную площадь юртовой земли около 400 десятин, расположенную в районе нашего дачного посёлка на правом берегу реки Теберды, а с другой стороны представители интересов казны решили лишить нас права владения частью нашего земельного юртового надела, расположенной на левом берегу реки Теберды, несмотря на то, что мы своим аульным юртовым наделом, расположенном по обе стороны реки Теберды владели и пользовались беспорочно в течение 46 лет, то есть со времени основания нашего аула в 1867 году, и несмотря на то, что мы за свой юртовый надел платили ежегодно за всё время своего владения названным юртом земельный налог казне, и о том, что необходимо снарядить уполномоченных на защиту земельных прав и интересов нашего общества.

Ввиду изложенных сообщений мы с общего своего согласия единогласно постановили: избрать уполномоченными жителей нашего аула Саида Хаджи-Магометовича Халилова, Хаджи-Султана Хаджи-Ожаевича Байчорова и Исхака Хаджи-Чапановича Абайханова, которых настоящим приговором-доверенностью уполномочиваем ходатайствовать по всем нашим земельным делам, как ныне производящемся, так и впредь возникнуть могущим, во всех судебных учреждениях и у должностных лиц, для чего наши уполномоченные могут не давать прошения, объявления и другие бумаги, заявлять споры о подлогах и давать ответы по таковым спорам, получать справки, всякого рода документы, обязательства, копии с них, равно как с решений, приносить на последние частные и апелляционные жалобы, а также и Кассационные во все су-

дебные установления, включая и Правительствующий Сенат, а также и на высочайшее имя, предъявлять иски и получать деньги по принадлежащим нам искам и доставлять их к нам. Нашим уполномоченным даём право передоверять это последнее другим лицам, частями или полностью, по их усмотрению.

Во всём этом мы верим и, что они по этому приговору доверенности законно сделают, спорить и прекословить не будем.

Все расходы, которые будут произведены нашими уполномоченными Халиловым, Байчоровым и Абайхановым мы принимаем на счёт средств нашего аульного общества. Этот приговор-доверенность принадлежит жителям аула Тебердинского Саиду Хаджи-Магометовичу Халилову, Хаджи-Султану Хаджи-Ожаевичу Байчорову и Хаджи Исхаку Чопановичу Абайханову. В том подписуемся председатель сбора аульный старшина Т. Биджиев, помощник его Т. Кочкаров, казначей Идрис Урусов.

Доверенные: А. Боташев, Узеир Магулаев, выборные неграмотные: Таку Бекиров, Койчу Хапчаев, Туган Баттыев, Капруч Байчоров, Курман-Али Бостанов, Наирбек Акбаев, Шамаил Узденов, Умар Глоов, Эсен Аджиев, Абул Лайпанов, Кушай Семенов, Зекерья Баттыев, Кара-Байчоров, Макай Каракетов, а по неграмотности их и за себя расписались по арабски Шамай Батчаев, Ахья Джуккаев и по-русски: И. Байчоров, Якуб Болуров, Мудалиф Урусов, А. Магулаев, И. Батчаев, Унух Байрамкулов и Исмаил Байкулов.

С подлинным верно:

Старшина аула Тебердинского Биджиев

печать.

ГАКК, ф. 454, оп 1, д. 5703, л. 193-194.

Документ № 17
**РАПОРТ АТАМАНА
БАТАЛПАШИНСКОГО ОТДЕЛА
НАЧАЛЬНИКУ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ОБ УЧИТЕЛЕ САИДЕ ХАЛИЛОВЕ И
ДРУГИХ ДЕЯТЕЛЯХ
5 АВГУСТА 1913 Г.**

Сбор селения Тебердинского вверенного мне отдела 24 мая сего года постановил приговор за № 69, который в копии при сем представляя, коим уполномочил жителей своего же селения Саида Хаджи-Магометовича Халилова, Хаджи-Султана Хаджи-Ожаевича Байчорова и Исхака Чамашевича Абайханова, ходатайствовать по всем их земельным делам во всех правительственных учреждениях, включая и правительствующий Сенат. Приговор этот мне на утверждение не представлялся и о его существовании я узнал из донесения начальника 1-го участка Кавылина. На запрос по поводу составления этого приговора старшина донёс, что разрешение на составление приговора со стороны начальства не было и что деньги на поездки уполномоченных составляет дореволюционные взносы жителей; донесение в этой части расходится с приговором, где сказано, что расходы принимаются на средства аульного общества.

Уполномочие по земельным делам трёх названных лиц я нахожу совершенно излишним так как все дела эти карачаевцев находятся уже на рассмотрении подлежащих правительственных и законодательных учреждений и в случае надобности в ускорении решения этих вопросов Тебердинское общество само им через карачаевского юрист-консультанта Абукова могло бы просить те учреждения, где находятся на рассмотрении их дела. По этим соображениям была отклонена штабом Кавказского военного округа депутация, которая намеревалась ходатайствовать перед наместником его императорского величества на Кавказе.

Кроме того, Вашим Превосходительством при посещении в мае сего года селения Тебердинского лично были даны обществу разъяснения и указания по земельным вопросам.

Имея полномочия от общества, Халилов и Абайханов вмешиваются в действия администрации, приводящей в исполнение

постановления общекарачаевского съезда, подавая письменные заявления, причём форма заявления, которое при сем представляю, недопустима по своему изложению. Вполне соглашаюсь с мнением начальника 1-го участка Кавылина, изложенным в надписи его на моё имя от 18 прошлого июля за № 2541, о корыстной и вредной деятельности Халилова, напрасно возбуждающего общество, прошу Ваше превосходительство, не найдёт ли возможным просить Дирекцию народных училищ Кубанской области о переводе Халилова учителем в одно из Зеленчукских горских селений. На Халилова Вами обращено внимание при посещении Тебердинского селения и дачных мест, как вредного человека. На старшину же Тебердинского селения Т. К. Биджиева, допустившего постановить приговор за № 69, прошу наложить взыскание по Вашему усмотрению.

И. Д. атамана отдела войсковой старшина
(подпись неразборчива)

Делопроизводитель Кравченко.

Документ № 18

Копія съ копіи

**ТЕКСТЪ ПРИСЯГИ,
ДАВАЕМОЙ КАДІЕМЪ МАЙКОПСКАГО
ГОРСКАГО СЛОВЕСНАГО СУДА СВИДѢТЕЛЯМЪ**

По дѣлу (такого и такого фамиліи) скажу все мнѣ извѣстное не прибавляя и не убавляя ничего клянусь Богомъ, ниспославшимъ сей коранъ.

Кадій Майкопскаго Горскаго Суда Д. Хатковъ

Переводчикъ Кандауровъ

См. Рейнке Н.М. Указ. соч. С.86.

Документ № 19

Копія съ копію

ТЕКСТЪ

**ПРИСЯГИ ДЛѢ СВИДѢТЕЛЕЙ ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКОМЪ
ГОРСКОМЪ СЛОВЕСНОМЪ СУДѢ**

(слова присяги приносятся на мѣстномъ языкѣ).

Я, нижепоименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ и Великимъ Его пророкомъ Мухамедомъ, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе и святыми его книгами: Кораномъ, Тавриетомъ, Зубуромъ и Инжилемъ, словами Валлаги, Биллаги, Таллаги, въ томъ, что по какому дѣлу спрашиваемъ буду обязуюсь показать самую сущую правду и дать чистый и справедливый отвѣтъ, ничего не прибавляя и не убавляя, несмотря на родство, дружбу, вражду, знакомство, корысть или страхъ предъ сильными лицами, чтобы я могъ съ чистымъ лицомъ дать отвѣтъ предъ Всевышнимъ Богомъ въ день страшнаго суда Его. Въ утверженіе же сей моей клятвы цѣлую слова святого Корана. Аминь. О Господи міровъ!

См. Рейнке Н.М. Указ. соч. С.96.

Документ № 20

**КОПИЯ С ОПРЕДЕЛЕНИЯ БАТАЛПАШИНСКОГО
ГОРСКОГО СУДА ОТ 27 ФЕВРАЛЯ 1913 Г.**

Определение № 168.

1913 года февраля 27 дня Баталпашинский горский суд, рассмотрев прошение жителя Клычевского Алия Темботовича Кмузова и протокол Клычевского аульного старшины от 20 февраля сего года, из которых усматривается, что житель аула Клычевского Ильяс Темиров обвиняется в мошенничестве, выразившемся в том, что он, получив от Кмузова два векселя от 4 марта 1910 года за № 272-273 на сумму 500 руб. для того, чтобы заложить их где-нибудь и полученные деньги передать ему, но не исполнив этого, предъявил к нему Кмузову иск по этим безденежным векселям и получив исполнительный лист, предъявил по взысканию с Кмузова и, принимая во внимание, что обвинитель Кмузов просит обеспечить его гражданский иск с Темирова, определил: в обеспечение гражданского иска обвинителя Алия Кмузова в сумме 500 рублей наложить арест на деньги, подлежащие взысканию с Кмузова по исполнительному листу Мирowego судьи 2-го участка Армавирского округа, выданному по векселям Али Кмузова от 4 марта 1910, за №№ 272-273 на имя Павла Половина и возвращённому Ильясу Темирову, которому и были выданы векселя ст. ст. 6, 7, 268 и 305 у. у. суд.

Подлинный за надлежащими подписями
С подлинным верно
Председательствующий
государственного суда корнет Абаев

Документ № 21
СВИДѢТЕЛЬСТВО

Дано сіе отъ Екатеринодарскаго Горскаго Словеснаго Суда Кубанской области, горцу аула _____ имьющему отъ роду _____ въ томъ, что онъ, _____, на основаніи циркуляра г. Начальника Кубанской области и Наказнаго Атамана Кубанскаго Казачьяга войска отъ 30 Юня 1892 года за № 5835 и съ разрѣшенія Атамана Екатеринодарскаго Отдѣла отъ _____ 191 года за № _____ сего числа былъ подвергнутъ испытанію въ званіи мусульманскаго вѣроученія, при чемъ оказалъ _____ знанія и удостоивается званія для занятія должности приходскаго _____ въ чемъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати свидѣтельствуемъ. _____ дня 191 _____ года, городъ Екатеринодаръ. Гербовый сборъ взысканъ.

Председательствующій Суда

Кадій Суда

Депутаты

См. Рейнке Н.М. Указ. соч. С.106.

Документ № 22

ТЕКСТЪ

ПРИСЯГИ ВЪ БАТАЛПАШИНСКОМЪ
ГОРСКОМЪ СУДЪ ДЛЯ СВИДѢТЕЛЕЙ

Слова присяги произносятся на мѣстныхъ языкахъ (кабардинскомъ, абазинскомъ и карачаевскомъ языкахъ).

Передъ Алкораномъ Великаго Бога, воспреещающаго давать ложное показаніе, обещаюсь и клянусь въ томъ, что по дѣлу, по которому буду спрашиваемъ, покажу сущую правду и открою истину, несмотря ни на дружбу, родство, вражду и корыстные виды. Биллаги, Таллаги, Валлаги. Аминь. О Господи міровъ!

Документ № 23
**ПРОШЕНИЯ ЖИТЕЛЯ АУЛА
УЧКУЛАНСКОГО КУРМАНБИЯ
БАЙЧОРОВА В БАТАЛПАШИНСКИЙ
ГОРСКИЙ СЛОВЕСНЫЙ СУД
18 АПРЕЛЯ 1912. УЖ. ХУМАРА.**

Представляя при всём выписку из настольного журнала горского суда за 1912 год по иску моему с Тенибека Байчорова о сенокосном участке и огороде, прошу суд о предоставлении мне права на обжалование решения Баталпашинского горского суда 29 мая 1906 года по иску на меня Тенибека Байчорова, восстановив новый срок апелляции на основании следующих данных: поверенный Тенибека Байчорова Хаджи-Махмуд Байчоров, узнав, что я получил копию с решением 29 мая 1906 года для обжалования, попросил меня поехать в Кисловодск к его отцу Тенибеку Байчорову, говоря, что тот не хочет воспользоваться решением суда и отбирать мой участок. Я поехал в Кисловодск и Тенибек Байчоров в присутствии свидетелей жителей аула Кумско-Лоовского Эльдара Чешева и Учкуланского Магомет Хаджи Байчорова и Сосрана Джанибекова предложил мне заплатить ему 200 рублей или продать ему спорные участки за 1700 рублей, прекратив дальнейший судебный процесс. Я, будучи безграмотным и несведущим горцем-стариком и не зная, что о миролюбивом окончании дела и прекращении судебного процесса надо заявить горскому суду с предоставлением подписей Т. Байчорова, без чего дело может войти в законную силу, а Байчоров может отказаться от исполнения своего слова, а я потеряю право обжаловать состоящегося решения, согласился заплатить ему 200 рублей и поехал в аул Учкулан, где Тенибек раздумал и отказался от принятия от меня денег и отобрал мои участки, стоящие больше 2000 рублей, за 90 рублей.

Таким образом я являюсь жертвою обмана и собственного своего невежества и доверчивости. Во внимание к изложенному, и дабы не лишать меня, беспомощного старика последнего средства к существованию, прошу суд о восстановлении мне срока обжалования явно несправедливого судебного решения, дающего сильному Тенибеку Байчорову отобрать от меня мое имущество.

В надежде удовлетворения сей моей сущной просьбы проситель Курманбий Али Байчоров, а за него неграмотного по личной его просьбе расписываюсь (подпись).

1	Алибай		1
2	Алибай		2
3	Алибай		3
4	Алибай		4
5	Алибай		5
6	Алибай		6
7	Алибай		7
8	Алибай		8
9	Алибай		9
10	Алибай		10
11	Алибай		11
12	Алибай		12
13	Алибай		13
14	Алибай		14
15	Алибай		15
16	Алибай		16
17	Алибай		17
18	Алибай		18
19	Алибай		19
20	Алибай		20
21	Алибай		21
22	Алибай		22
23	Алибай		23
24	Алибай		24
25	Алибай		25
26	Алибай		26
27	Алибай		27
28	Алибай		28
29	Алибай		29
30	Алибай		30
31	Алибай		31
32	Алибай		32

ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 5743, л. 4.

ГЛОССАРИЙ

1. Агмиста - второстепенные дворяне у абазин
2. Агмиста-ду - первостепенные дворяне у абазин
3. Адаты - нормы обычного права горцев
4. Азаты - вольноотпущенники
5. Аксакал - почётный старик
6. Аманат - заложник
7. Ант - присяга
8. Анхаю - основная масса крестьянства у абазин
9. Аха - князья у абазин
10. Башсызкул - патриархальный раб у карачаевцев
11. Бии и тау-бии - князья у карачаевцев и балкарцев
12. Биченлик - сенокос
13. Вали - народный правитель; турецкий титул старшего из карачаевских князей
14. Дефтер - договор
15. Джайлык - летнее пастбище
16. Джамагъат - община
17. Джоллукул - правный раб у карачаевцев
18. Джолсузкул - бесправный раб у карачаевцев
19. Зекят - налог в пользу духовенства
10. Кади - судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата
21. Калым - выкуп за невесту
22. Кара уздени - чёрные уздени у карачаевцев
23. Каракиши - чёрный народ у карачаевцев
24. Кош - стоянка для скота и жилья для пастухов
25. Кул - феодально зависимый крестьянин
26. Къан алгъан - кровная месть, дословно "вернуть кровь"
27. Кышлык - зимнее пастбище
28. Мехкеме - судебная палата
29. Мулла - служитель религиозного культа у мусульман
30. Мурзы - крупные представители родовой знати у ногайцев
31. Муэдзин - служитель мечети, призывающий к молитве
32. Орта уздени - рядовые уздени у карачаевцев

33. Пристав - начальник административного района.
34. Пши - князя у черкесов
35. Пшитль - "правный крестьянин" у черкесов
36. Сабан - участок пахотной земли
37. Султаны - князя у ногайцев
38. Тёре - суд у карачаевцев
39. Тльфокотли - основная масса крестьянства у черкесов
40. Тлякотлеши - первостепенные дворяне у черкесов
41. Толмач - переводчик
42. Тукум - род
43. Уздени - второстепенные дворяне у ногайцев
44. Уздени - юридически свободные общинники у карачаевцев, которые несли основные повинности
45. Унаут - "патриархальный" или "бесправный раб" у черкесов и абазин
46. Уорки - второстепенные дворяне у черкесов
47. Шагъатчы - свидетель
48. Шариат - мусульманское право, основанное на главнейших положениях Корана
49. Юльгюлюкул - "правный" или "обрядный" холоп, дословно "образцовый раб" у карачаевцев
50. Ясырь - "бесправный" раб у ногайцев

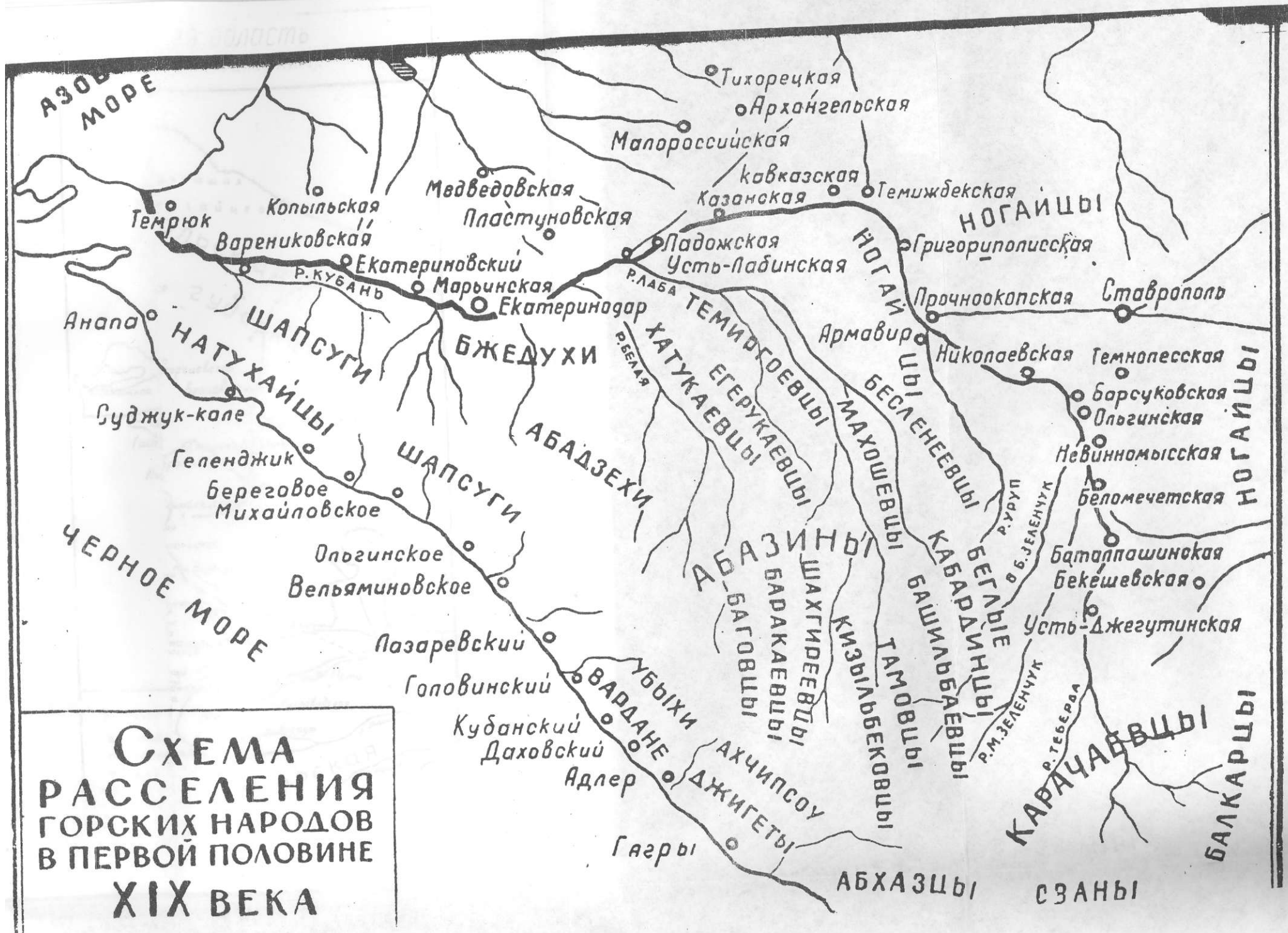
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК	-	Акты Кавказской археографической комиссии
ГАСОР	-	Государственный архив Северо-Осетинской республики.
ГАСК	-	Государственный архив Ставропольского края
ГАКК	-	Государственный архив Краснодарского края
ГАКБР	-	Государственный архив Кабардино-Балкарской республики
ГАКЧР	-	Государственный архив Карачаево-Черкесской республики
ЗКОРГО	-	Записки Кавказского отдела Русского географического общества
ИЛ	-	Историческая летопись
ИОЛИКО	-	Известия общества любителей изучения Кубанской области
ИРГО	-	Известия Русского географического общества
КВ	-	Кавказский вестник
КОВ	-	Кубанские областные ведомости
Кубан. К.	-	Кубанский календарь
КЭС	-	Кавказский этнографический сборник
РВ	-	Русский вестник
РГВИА	-	Российский Государственный Военно-Исторический архив
РС	-	Русская старина
РГИА	-	Российский Государственный Исторический архив

- СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа
- ССК - Сборник сведений о Кавказе
- ССОКГ - Сборник сведений о кавказских горцах
- ССТО - Сборник сведений о Терской области
- СЭ - Советская этнография
- Тр. КЧНИИ - Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка, литературы
- ИКОИРГО - Известия Кавказского отдела имперского Русского географического общества
- ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей.
- Вестник КБНИИ - Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Расселение и социальная стратификация горцев Кубанской области в XIX веке	14
§ 1. Расселение народов Кубанской области.....	14
§ 2. Социальная стратификация горских народов Кубанской области в XIX веке.....	20
Глава II. Отмена крепостного права в горских округах Кубанской области	32
§ 1. Земельно-правовые отношения накануне крестьянской реформы.....	32
§ 2. Особенности проведения отмены крепостного права в Карачае и Черкесии.....	49
Глава III. Административные преобразования	61
§ 1. Система приставств.....	61
§ 2. Создание военно-народного управления.....	70
Глава IV. Особенности проведения судебной реформы	91
§ 1. Адаты и шариат как основа традиционного судопроизводства в горских обществах Карачая и Черкесии во второй половине XIX века.....	91
§ 2. Создание новых судебных учреждений.....	109
Заключение	129
Примечания	134
Приложения	155
Глоссарий	226
Список сокращений	228

**СХЕМА
РАССЕЛЕНИЯ
ГОРСКИХ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА**

Кубанская область
(во второй половине XIX в.)

Условные обозначения:

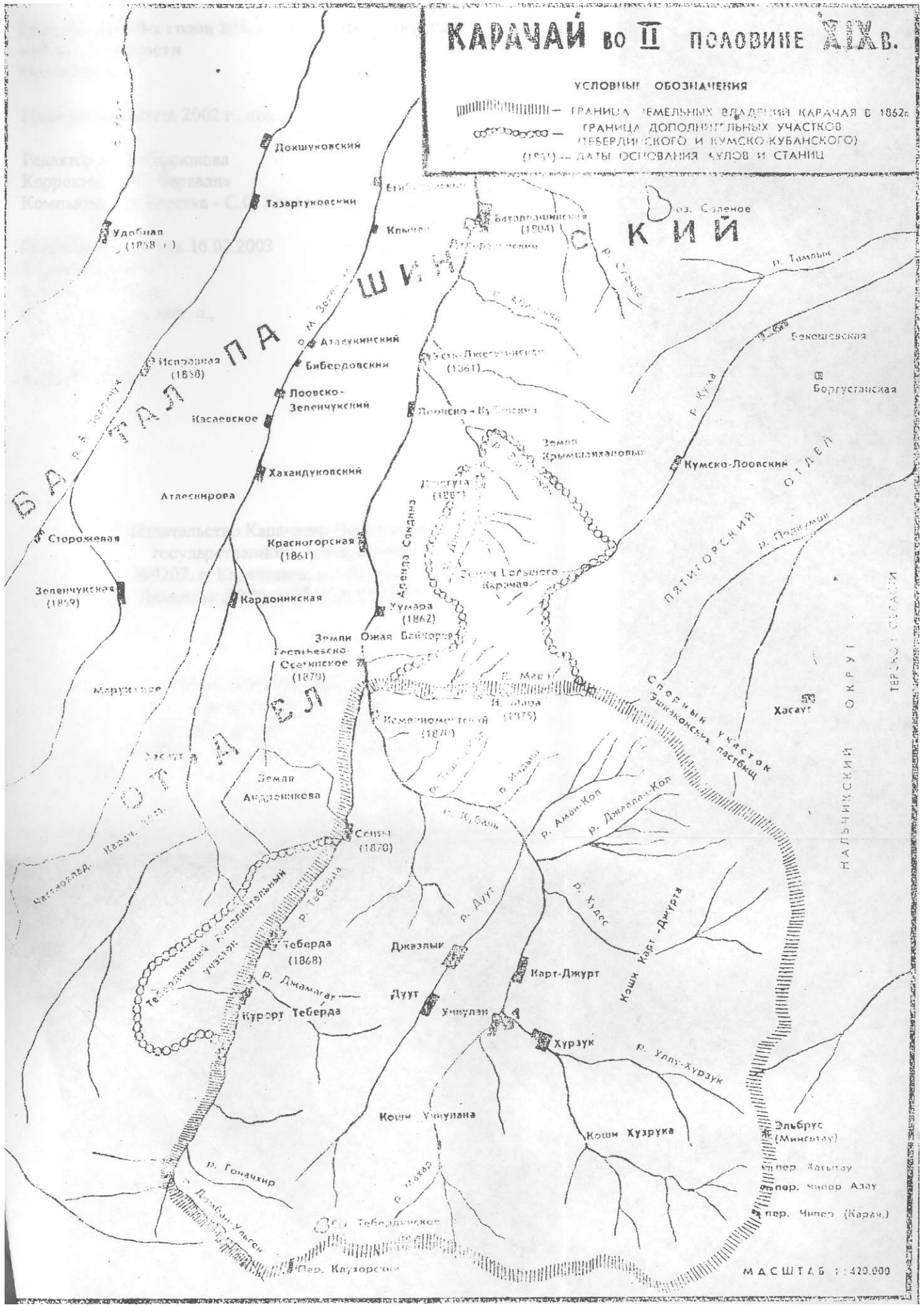
- города
- станции и селения
- аулы
- границы Кубанской области
- - - границы уездов
- железная дорога
- шоссейные дороги
- март
- каменный уголь

МАСШТАБ 1:1500000 в 1 см - 15 км

КАРАЧАЙ во II полобине XIX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ГРАНИЦА ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕЛИТЕЛЕЙ КАРАЧАЯ в 1862 г.
- ГРАНИЦА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ (ТЕБЕРДИНСКОГО И КУМСКО-КУБАНСКОГО) (1861) — ДАТЫ ОСНОВАНИЯ КУЛОВ И СТАНИЦ

МАСШТАБ 1 : 420.000

Магаяева Патия Исмаиловна

**Реформы 60-70-х годов XIX века в горских округах
Кубанской области**
Монография

План университета 2002 г., поз. 27

Редактор Н. В. Ефрюкова
Корректор А. Г. Черевань
Компьютерная верстка - С.С. Енокаева

Подписано в печать 16.02.2003

Формат 60x84/16

Бумага офсетная

Объем 13,7 физ. печ. л.,

12,7 усл. печ. л.

12,0 уч.-изд. л.

Тираж 500 экз.

Издательство Карачаево-Черкесского
государственного университета:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
Лицензия ЛР № 040310 от 21.10.97.

Отпечатано в типографии
Карачаево-Черкесского
государственного университета:
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46.